

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

11

**Обсуждение
росийского фактора**

Москва, 21-22 июня 2004 г.

Ирвайн
2006

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhaz Conflict

The Russian Factor

Conference Proceedings:

Moscow, June 21-22, 2004

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by financial support from
The William and Flora Hewlett Foundation
and The Heinrich Boll Foundation

Copyright © 2006 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(1-949) 824-1227, fax: (1-949) 824-1544
web-site: <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/progs/projpubs.htm>

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	6
21 июня 2004, Москва	7
Ивлиан Хаиндрава. Новый политический фон в Грузии и грузино-абхазский конфликт	10
Нателла Акаба. Российский фактор в грузино-абхазском противостоянии	28
Абесалом Лепсая. Контрапункт режиссуры	34
Марина Павлова-Сильванская. Эволюция гражданского общества в России и ее влияние на внешнюю политику	47
Александр Соколов. Проблемы российско-грузинских отношений и подходы, предлагаемые российской власти общественными силами	63
Дмитрий Тренин. Российская политика на Южном Кавказе	114
Заключительная дискуссия	146

All eleven Russian publications and some English abstracts are available on the internet at <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/peace/progs/projpubs.htm>

The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge.

Полный текст всех одиннадцати выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://www.socsci.uci.edu/~cpb/peace/progs/projpubs.htm>.

С редакторами и координаторами проекта можно связаться по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu; CHPAbkhazia@yahoo.com; paatazak@access.sanet.ge.

FOREWORD

We present the 11th volume in the Georgian-Abkhaz dialogue series that was launched in 1997 by the University of California, Irvine with funding from the William and Flora Hewlett Foundation.

This volume includes transcripts of presentations and discussions at a conference held in Moscow in June 2004. This was the first time the bilateral format was expanded to include participants from Russia. Readers of the first 10 volumes will notice that the dialogue participants of past conferences discussed the Russian factor. Often the role of this factor is exaggerated. For some Russia is regarded the main danger and obstacle to resolving the Georgian-Abkhaz conflict. Others look to Russia as the main hope for a settlement. Even though almost all the meetings in this series were held in Russia and included experts from Russia, the Russian factor was never the focus of the conferences. The June 2004 conference provided the opportunity to discuss the conflict in the context of the interests of the three sides in more detail and more openly than before.

The conference was held in cooperation with the Heinrich Boell Foundation. The foundation's mission is to foster respect and mutual understanding between people of different nationalities, cultures and opinions. The foundation supports approximately 200 projects in 60 countries. The foundation's priority is political education that contributes to democratic development, greater citizen involvement in public and political affairs, and increased understanding between people.

The conference was held nearly two years ago, but the presentations and discussions in this volume offer interesting and new ideas that are relevant today.

Arda Inal-Ipa

Centre for Humanitarian Programmes

Paata Zakareishvili

Center for Development and Cooperation

Paula Garb

University of California, Irvine's Center for Citizen Peacebuilding,
International Studies Program, and Department of Anthropology

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем Вашему вниманию одиннадцатый сборник материалов, подготовленных в рамках диалога между представителями грузинской и абхазской общественности, который продолжается с 1997 года под эгидой проекта Калифорнийского университета (г. Ирвайн). Проект финансируется Фондом Уильяма и Флоры Хьюлитт.

Данный выпуск составлен на основе стенограмм выступлений и обсуждений, состоявшихся на очередной конференции в г. Москве в июне 2004 года. Эта встреча знаменательна тем, что на ней расширился обычный двусторонний формат, и грузино-абхазский диалог включил в себя третью – российскую сторону. Внимательный читатель предыдущих 10 сборников обязательно обратит внимание на то, что участники диалога, так или иначе, в своих выступлениях касаются российского фактора. Зачастую роль этого фактора слишком преувеличивается. Для некоторых Россия представляется главной опасностью и тормозом в разрешении грузино-абхазского конфликта. Другие возлагают на Россию основную надежду на урегулирование конфликта. На июньской конференции 2004 г. представилась возможность более подробно и, возможно, более откровенно обсудить конфликт в контексте интересов трех сторон. Несмотря на то, что все встречи в рамках проекта между представителями грузинской и абхазской сторон проходили в России, и на них часто присутствовали российские эксперты, российский фактор в грузино-абхазском конфликте в качестве отдельного вопроса не рассматривался.

Нынешняя встреча состоялась при организационной и финансовой поддержке немецкого фонда им. Генриха Бёлля. Деятельность этого фонда направлена на углубление уважения и взаимопонимания между людьми различных национальностей, разных культур и разных мнений. В настоящее время фонд поддерживает около 200 проектов в 60 странах мира. Приоритетной задачей Фонда Белля является политическое просвещение, цель которого содействовать развитию демократии, расширению участия граждан в общественной и политической жизни, углублению взаимопонимания между народами.

Несмотря на то, что с момента проведения конференции прошло около двух лет, актуальность поднимаемых вопросов не исчезла. Думаем, что в предлагаемых материалах читатель найдет много спорных, но интересных идей и мнений.

Арда Инал-Ипа,
Центр Гуманитарных Программ

Паата Закареишвили,
Центр Развития и Сотрудничества

Пола Гарб,
Центр исследований миротворчества и конфликтологии;
Калифорнийский Университет, Ирвайн

21 ИЮНЯ 2004, МОСКВА

Вальтер Кауфманн – Кавказское отделение Фонда Генриха Белля в рамках одной из своих программ способствует процессу грузинско-российского диалога между представителями гражданских обществ этих двух стран. Мы первые встречи посвятили таким темам, как – «Роль советского прошлого в сегодняшней Грузии и сегодняшней России» и «Роль православия в государстве и в обществах двух стран». Цель такого диалога оживить контакты или восстановить контакты между неправительственными элитами двух стран с целью создания благоприятного фона, на котором представители гражданского общества двух стран могут реагировать на довольно острые политические вопросы, которые стоят между двумя странами. Конечно, неизбежно на этих встречах был затронут и вопрос конфликтов – Южная Осетия и Абхазия. Конечно, потому что это связано с Панкисским ущельем. Это три острые темы, которые постоянно присутствуют в российско-грузинском диалоге на политическом уровне. Но мы все – участники этих встреч – сразу согласились, что не стоит обсуждать, например, абхазский вопрос между грузинами и россиянами или с третьей стороной без участия абхазской стороны. С другой стороны, уже с 1996 года продолжается другой диалог, который намного старше и опытнее нашего процесса, а именно грузино-абхазский диалог. Мы были очень рады, когда возникла идея соединить вот эти два проекта. Организаторы грузино-абхазского диалога, а именно, Пола Гарб из Калифорнийского университета (Ирвайн), Арда Инал-Ипа из Сухума, и Паата Закареишвили из Тбилиси тоже с интересом согласились. Цель подобного объединения состояла в том, чтобы более подробно и возможно более откровенно обсуждать именно этот конфликт в контексте трех сторон, так мы и назвали эту встречу, задача которой – обсуждать именно российский фактор в абхазском конфликте. Как вы знаете, по крайней мере, в Грузии, где я ближе наблюдаю ситуацию, существует очень много разных мнений о роли России, вплоть до таких мифов, будто грузины воевали не с абхазами, а воевали с Россией, и что абхазы просто какие-то подставные фигуры, инструменты. Вплоть до таких мифов идет публичная дискуссия. По-

этому крайне важно именно с российскими экспертами обсудить эти вопросы. Конечно, мы пригласили сюда не только экспертов по внешней политике России, но и представителей гражданского общества России и наших партнеров из правозащитных организаций. Потому что и эта встреча должна служить оживлению диалога, который на самом деле недостаточно развит не только между Россией и Грузией, но и между Россией и Абхазией. Там тоже довольно мало контактов на неправительственном уровне, хотя большинство встреч между грузинами и абхазами происходили и происходят в России. На этих встречах часто присутствуют граждане России, но именно как отдельный вопрос тема фактора России в этом конфликте в принципе еще не была затронута.

Я очень рад, что наше приглашение встретило довольно большой интерес в Москве. И мне кажется или хочется надеяться, что наше опасение, что представителям гражданского общества России просто не до Кавказа, не помешало найти заинтересованных участников. Роль России на Южном Кавказе или на Кавказе вообще, но особенно на Южном Кавказе, может быть настолько велика, насколько она хочет. Но все-таки гражданскому обществу в России не до Кавказа. Просто слишком много собственных проблем и не хватает сил заниматься изучением того, какую роль, может быть, очень противоречивую, Россия играет на Южном Кавказе. Очень ценно то, что вы все-таки согласились на эту встречу и подготовили свои доклады. Многие нам звонили, чтобы узнать, не могут ли они тоже участвовать. Все это говорит о том, что все-таки существует интерес и существует понимание, что и для внутреннего развития России, большое значение имеет то, как эта большая страна ведет себя на Южном Кавказе, и какую роль она там для себя находит.

Вот те несколько общих слов, которые я хотел сказать о наших замыслах, о наших целях, которые мы ставили перед собой, готовя эту встречу. И сейчас я с удовольствием передаю слово Поле Гарб, которая будет вести дискуссию.

Пола Гарб – Спасибо вам большое. Приветствую вас всех. С самого начала хочу поблагодарить организаторов – Фонд Белля, который

сделал всю подготовительную, кропотливую работу – Нино Лежава, Людмилу Кабанову, Йенса Зигерта и еще несколько человек. Спасибо вам за всю работу, которая привела к тому, что мы все вместе собираемся. Я еще хочу сказать пару слов о том, как этот проект появился. Во-первых, данный проект Калифорнийского университета полностью финансируется частным фондом США, которым владеет семья Хьюлет-Паккард. С 1996-1997 года все наши научные конференции проходят в форме диалога. И всегда формат был таким, как сегодня. Встречи проходили в виде научной конференции. Нам представлялся наиболее подходящим аналитический подход к этому вопросу, но естественно не без эмоций, потому что необходим холодный аналитический ум, но эмоции, несомненно, тоже присутствуют, как и во всех конфликтах.

Теперь я передаю слово Ивлиану Хаиндрава. Я попрошу всех докладчиков в начале выступления несколько слов уделить тому, что вас привело к этому делу и затем приступить к докладу.

Ивлиан Хаиндрава

НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОН В ГРУЗИИ И ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ КОНФЛИКТ

Сначала – несколько слов о том, что привело меня на эту встречу. Был период, когда я довольно активно участвовал в грузино-абхазских встречах на неправительственном уровне. Затем у меня наступил достаточно длительный перерыв в этом. Теперь я возобновил активность на данном направлении, правда, в несколько обновленном формате; ведь сегодня здесь кроме наших абхазских коллег присутствуют еще и представители российских политологических, исследовательских кругов. Не знаю, у кого больше интерес к тому, что же будет в этом формате, какую новизну он принесет. Но определенные ожидания, как мы убедились вчера, существуют и с той и с другой стороны, и, видимо, с третьей стороны тоже. Во всяком случае, как говорится, попытка – не пытка. Никто не ожидает от данной встречи урегулирования грузино-абхазского конфликта, но, может быть, будут какие-то новые мысли, идеи, которые всем нам пригодятся в нашей будущей работе. А российским участникам, я думаю, будет интересно послушать нас «в прямом эфире», почувствовать атмосферу, кто и чем дышит, у кого какие мысли, позиции и прочее.

Организаторы мне предложили сделать сообщение на тему «**Новый политический фон в Грузии и грузино-абхазский конфликт**». Поэтому я начну «от печки», т.е. – от «революции роз» в Грузии. Естественно, я не буду вдаваться в подробный анализ событий, хотя пять дней тому назад я сдал заказчикам довольно обширную работу по поводу того, почему, что, и как произошло в Грузии. Но несколько элементов этих событий, равно как и последующих, я бы все-таки хотел отметить для того, чтобы попытаться выполнить именно эту задачу – обрисовать новый политический фон в Грузии.

Первое – подчеркну это особо – мирный характер произошедшего в Грузии в ноябре 2003 года. Все-таки это были акции протеста, которые продолжались, не прекращаясь, три недели в самом центре города Тбилиси. За эти три недели массовых акций, а количество участников там колебалось: ночью оставалось несколько сот

человек, в пиковой ситуации – собиралось порядка ста тысяч человек, как-то уж так случилось, что не было сломано ни одной витрины, не пострадал ни один автомобиль. Более того, даже цветы на газонах не были вытоптаны. Это нечто новое: я был свидетелем и, чаще всего, участником происходивших в Грузии событий, за последние 15-16 лет и, я повторяю, что вот такая самодисциплина в некоторой степени даже удивительна. Не приходится уже говорить о том, что не прозвучал ни один роковой выстрел, не разорвалась ни одна боевая граната. То есть, вот эти трехнедельные акции прошли, в общем-то, в необычном для нашего темперамента характере, в спокойствии и порядке. Возможно, даже, что это был один из основных факторов, который снискал симпатии к грузинам со стороны мирового демократического общества, потому что за событиями по каналу CNN можно было следить чуть ли не в режиме on-line. Так что, это – интересная новизна в грузинских реалиях. Ну а, если еще добавить к этому, что и в мае уже нынешнего года в Абхазии также сменилась власть, и также на фоне акций протеста, но сменилась опять же без кровопролития, без жертв, то можно в какой-то степени говорить, что это приняло характер системы. Это – качественно новый уровень, и я считаю необходимым это отметить. Тем более, что в Абхазии ожидание эксцессов было даже выше, чем в Тбилиси. Но, Бог дал, обошлось.

Второй момент – это то, что, несмотря на визуальную сторону революционных процессов, где явными движителями выглядели люди молодые, энергичные, напористые, я позволю себе сказать, что критическую массу протестующих в ноябрьские дни в Тбилиси составили люди зрелые. Это – поколение конца 40-х- начала 50-х годов. Опять же, это было интересно, это было новое качество. Это – нормальные люди: горожане, инженеры, врачи, что называется – городская интеллигенция, люди, которые обычно бывают не очень активными во время подобных событий. Здесь, я повторяю, они составили критическую массу, может быть, не самую активную, но я ее называю критической. Это количество людей на улицах, в общем-то, предопределило исход. И это были люди и лица, против которых трудно было применить насилие. То есть, это были не бунтари, не бездельники, не безработные и даже не люмпены. Спасибо лидеру

Лейбористской партии Грузии – люмпенов он оставил при себе, они не участвовали в этих событиях. Участвовали же люди сознательные, что даже позволило некоторым аналитикам назвать эти события «революцией зрелых».

Хочу также отметить участие и роль гражданского общества в этих событиях. Если говорить о молодежи, то в первую очередь это, конечно, движение «Кмара», собрат сербского «Отпора», много перенявшее оттуда и научившееся многому. Это молодые люди студенческого возраста, которые были активными задолго до революции. С тех пор, когда была определена дата выборов, они стали активно работать по мобилизации людей, направляя их на участие в выборах, и подчеркнуто работая против существовавшего режима Шеварднадзе. Они работали по-своему, можно сказать, интересно, некоторые их слоганы, некоторые их плакаты были забавны. Они были издевательскими по своему смыслу в отношении власть имущих, и они сработали достаточно хорошо. Это было нечто новое в грузинских реалиях, и это сработало. Уже в революционный период организовался Комитет неповиновения, который состоял из интеллектуалов, и который тоже сыграл свою интересную роль в повседневной работе с людьми в плане разъяснения, мобилизации и пр. Причем, сыграл, скажем, интеллектуальную роль. Ну и, конечно, представители гражданского сектора, представители неправительственных организаций тоже были достаточно активны. Активны не столько, может быть, на митингах, сколько в средствах массовой информации. По телевидению постоянно выступали эксперты из неправительственных организаций. И все они, можно сказать, однозначно поддерживали революцию в Грузии. Так что, гражданское общество, безусловно, себя проявило. И, кстати, впоследствии президент Саакашвили тоже отметил это как один из значимых факторов, что гражданское общество поднялось, возможно, на принципиально новую ступень. Я думаю, что западные доноры могут занести это себе в актив. Пожалуй, об остальном относительно революционных дел непосредственно я больше говорить не буду.

Что мы получили в результате ноября 2003 года в Грузии? Мы получили новое поколение во власти. Принципиально новое поколение. Это не советское поколение. Это, скажем так, люди, не про-

шедшие партийно-комсомольскую школу, что, в общем-то, знаменует собой смену в Грузии политической и управленческой элит, процесс, который не только начался, а уже вошел в глубины. Однозначно предсказывать результаты этого процесса я не берусь, потому что именно в силу молодости, неопытности, в силу, может быть, избыточной революционности некоторых, я повторяю, что это – палка о двух концах. Конечно, хорошо, что люди не заштампованы советскими стереотипами, несвободой мышления и действий. С другой стороны, несколько опасна вот эта молодость, отсутствие практики работы в политических и гражданских коалициях, отсутствие, может быть, навыков диалога, потому что многие пришли именно на революционной волне – это несколько тревожит.

Теперь, возвращаясь в контекст нашей встречи непосредственно, скажу несколько слов о лидерах революции, каковыми в ноябрьские дни считался триумvirат Саакашвили-Бурджанадзе-Жвания (вскоре ситуация изменилась, и безусловным общенациональным лидером теперь является Саакашвили). Саакашвили и Бурджанадзе – это люди, которые пришли в грузинскую политику в 1995 году; Жвания, правда, ветеран грузинской политики, но в свое время он был «главным зеленым» в стране, так что обвинять его в какой-то милитаристичности или кровожадности тоже не приходится. То есть, я хочу этим сказать, что, во всяком случае, трое лидеров – это люди, которые непосредственно не несут ответственность за развязывание грузино-абхазского конфликта и за ту трагедию, которая разыгралась в Абхазии. Я понимаю, что у власти есть наследственность, и отбросить то, что произошло, они не могут, не должны, и надеюсь, не хотят, но повторяю, что это те люди, которые непосредственной ответственности за развязывание конфликта не несут.

Что делают новые власти Грузии уже в плоскости грузино-абхазских взаимоотношений, в плоскости конфликта в Абхазии? Один из первых шагов, которые можно рассматривать в качестве определенного политического месседжа, как принято сейчас говорить, это было то, что оставили не у дел Тамаза Надареишвили, лидера так называемого правительства в изгнании. Его фигура виделась явно по-разному; для абхазов он был одним из основных раздражающих факторов из-за его резких высказываний. Он – как бы глава грузинс-

кой «партии войны», человек, который говорил, что то, что потеряно войной, мирными переговорами не вернешь и прочее, который призывал грузинское руководство выступать с позиции силы. Так вот, я повторяю, он часто цитируется в абхазской прессе и, видимо, олицетворял собой реваншистские настроения в Грузии. В Грузии же, с моей точки зрения, он сколько-нибудь значительной роли не играл. Он, скажем так, вообще никакой роли не играл, потому что не было серьезных политических партий и движений, которые ориентировались бы на него, ссылались бы на него, выпячивали бы его. Его попытки создать какие-то партии на основе беженцев и перемещенных лиц каждый раз терпели фиаско. Поближе к выборам он снижал свой тон для того, чтобы попасть в избирательный список Шеварднадзе, потом он попадал в этот список. Потом он начинал снова воинственную риторику, но в общем-то, по большому счету, его серьезно в расчет в Грузии не принимали, правда, считалось, что он по своей линии поддерживает партизанское движение в Абхазии – грузинское партизанское движение в Абхазии. Так вот этого Надареишвили убрали, убрали совершенно безболезненно, никто о нем не сожалеет, не плачет. Я повторяю, что если для внутри грузинской политической жизни это не было сколько-нибудь важным, значительным явлением, то в плане месседжа, по-моему, все-таки, это был определенный месседж. Правда, как он воспринят, об этом скажут наши абхазские коллеги, если найдут, естественно, нужным.

Вслед за тем, как ушел или «ушли» Надареишвили, были приняты вполне конкретные шаги в плане так называемого партизанского движения в Абхазии. Это достаточно сложное явление. Это были в значительной степени криминализованные отряды. Впрочем, чисто по-человечески... опять же я прошу прощения перед абхазскими коллегами, но чисто по-человечески многих из них можно было понять, потому что они исходили из того, что их прогнали из их собственных домов и они, так сказать, сражаются за святое дело – за возвращение туда. Но криминализация была достаточно высокой и, в общем, от этого движения всем, наверное, было плохо. Плохо было, допустим, жителям Гальского района, плохо было абхазским властям, плохо было и грузинским властям. И вот в направлении обуздания этого движения были предприняты

конкретные шаги: некоторых изловили и посадили, других как-то на грузинской стороне легализовали и дали им какое-то дело. Видимо, преждевременно говорить о том, что это явление изжито полностью, но конкретные шаги в этом направлении, безусловно, сделаны были.

Следующий шаг, или если угодно, месседж, который я бы хотел отметить – это то, что парламент Грузии, который начал работать в конце апреля текущего года, этот, в общем-то, новый или, скажем так, значительно обновленный парламент начал с того, что на первом же своем заседании не признал полномочия так называемой «абхазской делегации». Коротко о том, что это такое. В 1992 году, когда прошли парламентские выборы в Грузии, кстати, они проходили уже на фоне конфликта в Абхазии, но на тех территориях, которые еще контролировались грузинскими властями, там худо-бедно какие-то выборы проведены были и оттуда были избраны депутаты в парламент Грузии. В 1995 году полномочия того парламента истекли, однако этой делегации, то есть, тем людям, которые были избраны от Абхазии (поначалу их было 11 человек, потом один скончался), каждый раз им продлевали полномочия. То есть, в 1995 году им продлили полномочия, в 1999 году им снова продлили полномочия, и у нас получилась такая группа из десяти человек «вечных» депутатов парламента Грузии, которых давно уже никто не избирал, а места они за собой сохраняли. Но это, видимо, был политический подход Шеварднадзе к данной проблеме, то есть, он считал, что необходимо иметь какое-то псевдолегитимное представительство Абхазии в грузинском парламенте. Откровенно говоря, поскольку качественно эта делегация была невысокого уровня, а легитимность была нулевая, в общем никакой серьезной роли они не играли, кроме того, что периодически выступали в парламентах разного созыва и требовали немедленного рассмотрения вопроса об Абхазии. Но, тем не менее, они были. И вот новое руководство сочло нецелесообразным дальнейшее их пребывание в парламенте Грузии. Я был одним из тех, кто активно поддерживал эту идею в парламенте. И полномочия этой группы были прекращены. То есть, сейчас при том, что официально парламент Грузии насчитывает 235 человек, создалась ситуация «235 минус десять». Я не склонен преувеличивать значение этого факто-

ра, но, тем не менее, считаю, что пустующие места от Абхазии – это гораздо лучше, чем эти же места, занятые теми людьми, которые их занимали в течение последних 12 лет.

Это, пожалуй, то, что было открыто, прозрачно, видно. Я еще отметил бы новый политический язык новых властей Грузии. Со мной могут не согласиться, но, тем не менее, я считаю, что это так. Шеварднадзевский советский эзоповский язык – не сказать ничего понятного, говоря что-то, или попытаться кому-то каким-то образом о чем-то намекнуть – это, совершенно точно, ушло в прошлое. В кабинете новый министр по конфликтным регионам, который тоже, как мне кажется, отличается от своего предшественника, ибо его предшественник был... не задевая никого лично, я хочу сказать, что в принципе это был как бы Шеварднадзе, только на сто ступеней ниже, человек, от которого никто никогда ни единого живого слова не слышал. В отношении действующего министра есть претензии за слова, которые он произнес во время грузино-абхазского конфликта. При этом, тем, кто очень помнит о словах, я бы хотел напомнить и о делах тоже, потому что это тот человек, который спас сотни абхазских жизней в очень непростой тогда ситуации. Есть определенное новшество в той лексике, которую употребляет госминистр, который говорит об ошибках, а возможно, даже трагических преступлениях, который говорит о том, что надо дать ответы на многие вопросы. В частности, он поднял вопрос кодорских событий и требует их расследования, каковое расследование, видимо, предполагает и наказание ответственных за эти события. Ваш покорный слуга недавно в парламенте поднял вопрос о том, что те многие тома, которые есть в прокуратуре Грузии касательно конфликта в Абхазии, нужно задействовать, либо дополнить, если требуется дополнять, либо дорасследовать, и сделать публичными.

Знаю, что есть неоднозначное отношение к тому, что говорится верховным руководством Грузии. В первую очередь, имеется в виду президент Саакашвили; частично это касается и спикера парламента Бурджанадзе. Доводится слышать о том, что их выражения подчас или, может быть, часто наполнены несколько воинственной риторикой. В частности, когда 26 мая в День независимости Саакашвили произнес несколько фраз на абхазском языке (мне трудно су-

дить насколько это был хороший абхазский язык, скорее всего – нет). Но, тем не менее, такой жест был, а мы услышали в нашу сторону упрек в том, что это было произнесено на военном параде, и что под грохот танков руку дружбы не протягивают. Безусловно, доля истины в этом есть. Но я бы хотел сказать, что все-таки Саакашвили шлет свой месседж не только в сторону Абхазии и не только в сторону абхазов. Он ответственен и перед другими тоже, и этим парадом он продемонстрировал, что солдаты грузинской армии теперь, по крайней мере, одеты, обуты и накормлены, чего все последнее время, вернее – во время Шеварднадзе – не наблюдалось, потому что они были раздетые, голодные и прочее, и прочее. Надо было подкрепить государственные намерения Грузии, когда говорится об интеграции в евроатлантические структуры, где подразумевается НАТО тоже. Надо было продемонстрировать, что это армия, с которой можно работать, и которая через какое-то время может быть приближена к действующим в НАТО стандартам. При этом, я хочу подчеркнуть, что разговор идет не об увеличении грузинской армии, а о серьезном, фактически двукратном сокращении ее численности. Что касается некоторых заявлений, которые, я скажу совершенно откровенно, мне самому резали слух, и я там, где мне доводилось и когда мне доводилось, давал негативную оценку подобного рода заявлениям, то опять же в политике есть свои правила. Ну и политикам иногда, особенно в предвыборный период, приходится прибегать к определенной риторике. Я не представляю себе ситуацию, когда человек, который идет на то, чтобы стать президентом Грузии, участвует в выборах, чтобы, обращаясь к своему населению и к той части населения, которые являются лицами, перемещенными из Абхазии, чтобы он им сказал приблизительно так: «Вы, пожалуйста, голосуйте за меня, а мы будем продолжать безрезультатные мирные переговоры». Так не бывает. Это тоже надо понимать.

И, наконец, я бы хотел опять же в нашем контексте обратить внимание на то, что совершенно четко осознается и в руководстве Грузии и в грузинском обществе – что Абхазия имела свою специфику. И эта специфика в значительной степени была связана с личностью Аслана Абашидзе. И то, как разрешился этот кризис, служит еще раз подтверждением тому, что в Южной Осетии тоже своя

специфика. В этом направлении в Грузии сейчас возникло, скажем, движение. Оно может оцениваться по-разному, но я думаю, что это движение есть. И можно в какой-то степени говорить, что Южная Осетия стоит в повестке дня. Ситуация с Абхазией совершенно иная. Повторяю, что понимание этого существует. И в связи с этим я даже могу сказать, что опять же от президента Грузии в этом направлении тоже был достаточно четкий месседж. В частности, в интервью одной из российских газет он сказал, что «теперь наша ближайшая цель – восстановление экономики, создание экономически полноценного и сильного государства. И именно через экономику лежит дорога и к разрешению ситуации в Абхазии». Опять же с этим постулатом можно согласиться или можно не согласиться, можно даже сказать, что никакая дорога в Абхазию не ведет. Но, тем не менее, это совершенно четкий посыл, это совершенно четкая ориентация в отношении Абхазии. Здесь, подчеркиваю, Южная Осетия не фигурирует. Я думаю, что это осмысленная и во многом, может быть, даже правильная позиция нынешних властей Грузии. И поэтому никаких, скажем так, резких шагов в отношении Абхазии я в ближайшее время совершенно не ожидаю. Я уверен, что будет взят курс на укрепление, на поднятие грузинской экономики, на попытку сделать Грузию привлекательным государством. И сигнал этого есть совершенно четкий – это новости сравнительно последнего времени, это включение Грузии в так называемую программу «Миллениум», по которой она должна получить довольно значительную помощь. И совсем свежие новости – это то, что Грузии будет предоставлена комплексная помощь в размере одного миллиарда долларов (для Грузии это приблизительно полуторогодовой бюджет), и это очень важно. Часть помощи безвозмездная, другую часть через пятнадцать лет надо будет начинать выплачивать по низким процентам. Негласные условия этой помощи очень интересные – вот вам миллиард долларов и становитесь государством, а если не станете государством, то больше к нам не обращайтесь. Приблизительно вот такой месседж получила Грузия. Так что, именно в этом плане я считаю, что ближайшие несколько лет окажутся для Грузии решающими. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Дмитрий Фурман – В чем вы видите отличие абхазской ситуации? Вы несколько раз это подчеркнули.

Ивлиан Хаиндрава – Несколько. Первое – это то, что южные осетины в Грузии – это национальное меньшинство. Правда, со специфическим, скажем так, историческим фоном и традицией, потому что была традиция автономной области в составе Грузии. Не учитывать это нельзя. Абхазы не рассматриваются в Грузии национальным меньшинством. Второе – это то, что все-таки таких глубин и такого трагизма ситуация в Южной Осетии не достигала в ходе конфликта, какой глубины она достигла в случае с Абхазией. Я далек от того, чтобы считать число жертв, это не подход, но все-таки, повторяю, так далеко и так глубоко в Южной Осетии не зашло. И что мы сегодня имеем на самом деле, так это гораздо более интенсивные человеческие контакты с Южной Осетией, и товарооборот с осетинами происходит гораздо более интенсивно. В конце-то концов, сегодня можно взять такси в Цхинвали и приехать в Тбилиси и наоборот. К тому же, мне представляется, что достаточно посмотреть на физическую карту Кавказа, чтобы понять, что Южная Осетия не может выскочить из Грузии. В той или иной степени она интегрирована в нее. В то время, как в случае с Абхазией, конечно, ситуация другая. Seriously относиться к южноосетинской независимости, в то время как Северная Осетия, будучи гораздо больше и по территории и по населению, является автономией в составе Российской Федерации, не получается. Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Скорее всего, можно говорить с Южной Осетией о том, *что* Северная Осетия имеет в составе Российской Федерации, что-то в этом роде осмысливать для Южной Осетии в Грузии, хотя мне представляется, что такой подход вряд ли будет, приемлем для Грузии. Все-таки, здесь имеет место отношение как к национальному меньшинству со всеми соответствующими атрибутами.

Валентин Гефтер – Сейчас вы близки более или менее к грузинским политическим верхам. Насколько то, что наработано вами и аб-

хазскими коллегами за эти годы в рамках того процесса, о котором мы много слышаны, я имею в виду вот этот проект, принимается сегодня политическим руководством Грузии? Насколько они знают об этом, насколько они готовы и открыты к этим неправительственным инициативам?

Ивлиан Хаиндрава – Руководство в Грузии неоднородно. У Грузии сейчас есть сильный руководитель, харизматический руководитель. В то же самое время, как мне кажется, он человек достаточно прагматичный. Я не уверен, что он будет вдаваться в глубины каких-то концептуальных соображений. Он просто взвесит – стоит ли это делать, каковы шансы на успех. И если шансы на успех достаточно велики, то он будет это делать. При этом, скорее всего, он послушает тех людей, с которыми он считается. Более или менее есть представление о том, с кем он считается, правда, насколько постоянный это состав, я сказать не возьмусь. Что касается госминистра, с которым я состою в близких родственных отношениях совершенно случайно, то, безусловно, с его стороны – самая максимальная благорасположенность к диалогам, к совместным проектам. Но все-таки повторяю, что окончательное решение будет приниматься президентом.

Арда Инал-ипа – Вы говорили о том, какие месседжи новое правительство Грузии посылает относительно подходов к урегулированию конфликтов. Получаете ли вы какие-то месседжи от российской стороны?

Ивлиан Хаиндрава – Официальные сигналы были. И были они по мере оживления, скажем так, цхинвальского направления в грузинской политике. Как обычно, это сигналы достаточно смешанные, потому что совсем четких и однозначных сигналов мы не получаем от России практически никогда. Думаю, что, и мы не получаем, и вы. Но лично у меня такое впечатление, что поведение или риторика Рогозина, Затуллина или, даже если угодно, Иванова или Лаврова или какого-нибудь русского генерала, в общем-то, это не очень важно, потому что решения принимаются, совершенно очевидно, в Кремле. У меня есть такое впечатление, что между президентами Грузии

и России какой-то уровень личных взаимоотношений, действительно, установился, потому что Саакашвили, допустим, не особенно скрывает, что Путин ему импонирует, что не может не импонировать Путину, наверное. Такие впечатления есть. И что мало импонирует мне, откровенно говоря. Тем не менее, меня не спрашивают, а вот такая атмосфера есть. Поэтому особой нервозности в Грузии нет даже по поводу визита Рогозина в Сухуми и тех речей, которые он там держал и тех намерений, которые он вынашивает, или его выступления здесь в Думе. С моей точки зрения, характерно было то, что слушать в Думе слушают, а решений не принимают, потому что понимают сами, что решения принимаются в другом месте. Но, безусловно, и я думаю, что стрельбу с грузинской стороны Россия воспримет в штыки в самом прямом смысле. Практически любые другие действия, я думаю, не встретят какого-нибудь сильного и серьезного сопротивления в верхах российской политики. Хотя некоторые самовольные действия могут быть. В частности, со стороны командующего российского миротворческого контингента в зоне грузино-абхазского конфликта, такие действия были. Но мы опять же к этому приучены, потому что там еще со времен Грачева бывало так, что говорилось одно, а делалось совершенно другое. Мне представляется, что сейчас такие действия являются меньшей головной болью для Грузии, чем это было раньше.

Григорий Шведов – Я хотел спросить про болезненную тему – военную, хотелось узнать о всяческом использовании бряцания оружием. Мы понимаем, что это неразрывная тема с темой порядка в Аджарии, но мы видели, что в Аджарии с одной стороны был военный аспект, с другой стороны была потребность устанавливать контроль. И очень хорошо, что в какой-то момент стреляли в воздух с аджарской стороны. Мы также видим процессы в Южной Осетии, которые связаны с контрабандой, процессы, которые связаны с людьми, которых надо контролировать, которые контрабанду крышуют со стороны южноосетинских чиновников. Мы понимаем, что, наверное, дело не только в этом, когда происходят те или иные инциденты уже просто не военного, но полицейского масштаба. И в этой связи очень интересно то, что вы сказали про кодорские события.

То, что возможно расследование, возможно, какие-то уроки из этого извлечь. Все-таки, понимание того, что рядом с Абхазией может разыгрываться такая игра – игра мускулов, и ситуация может быть спровоцирована тем или иным задержанием судна ли, конкретных чиновников, как Вы видите, может ли это развиваться?

Ивлиан Хаиндрава – Касательно Южной Осетии. Я бы не был откровенным, если бы сказал, что не присутствует такой элемент. Присутствует такой элемент. Правда, в достаточно сдержанных масштабах. Хочу быть правильно понятым. Если говорим, то говорим откровенно, а говорить неоткровенно не имеет смысла. Если с этого самого парада 26 мая треть поехала бы в сторону Цхинвали, то она дошла бы до Рокского перевала этим маршем. Так что такой задачи не ставилось и не ставится. И более того, мне кажется, что есть совершенно четкое понимание того, что выстрелов в Южной Осетии прозвучать не должно. Потому что это перечеркнет все усилия. Но определенная демонстрация сил и возможностей – да, она происходит, чтобы знали, скажем так. Тем не менее, я повторяю, что есть совершенно четкая установка на то, что выстрелов не должно быть. В отношении Абхазии это еще более очевидно. В отношении Абхазии никто не питает иллюзий по поводу того, что там можно решить проблему вооруженными силами. Для меня однозначно, что в повестке дня стоит нормализация абхазо-грузинских взаимоотношений и потом уже все остальное. Как я уже сказал, в отношении Абхазии я привел слова президента, чтобы стало ясно, что разговор идет об экономических рычагах. Тем не менее, говоря откровенно, я не исключаю возможность эксцесса. Это в том случае, если что-то произойдет в отношении грузинского населения Гальского района. Потому что в отличие от предыдущего президента Грузии, у нового президента достаточно сильно развито чувство собственного достоинства. Это человек амбициозный. То есть, если население Гальского района окажется под серьезной угрозой или в отношении него будут проведены какие-то открытые репрессивные меры, то я не исключаю, что это может привести к эксцессам в этой зоне, именно в зоне Гальского района. Я совершенно исключаю какие-то блицкриги, марш-броски и прочее, но такое

произойти может. Тем более, что достаточно уязвимое и бесправное положение жителей Гальского района, по-моему, вызывает совершенно обоснованную обеспокоенность в Грузии и, в частности, в грузинском руководстве.

Батал Кобахия – Вы сказали, что в Грузии пришли к власти люди, которые не несут ответственность за развязывание конфликта. И в качестве каких-то мер, может быть, привлекательных для Абхазии назвали то, что убрали правительство Надареишвили. Но я хотел бы спросить Вас – а не предполагаете ли Вы, что раз к власти пришли сегодня люди, которые не несут ответственности за развязывание конфликта, что надо дождаться еще лет сорок, чтобы ушли из Абхазии и Грузии люди, которые видели этот конфликт и потом думать о завершении конфликта в иной форме, чем мы сегодня занимаемся?

Ивлиан Хаиндрава – У Вас прямо моисеевский подход. (Смех). Такой подход имеет право на существование, но что делать с теми людьми, которые до сих пор являются неприкаемыми? Не буду называть точной цифры, но совершенно очевидно, что это значительно более 100 тысяч человек, которые не имеют будущего, которые оскорблены и ущемлены.

Вопрос – не слышно.

Ивлиан Хаиндрава – Тема российского паспорта – это другая тема.

Лиана Кварчелия – Если можно, то у меня один комментарий. Во-первых, большое Вам спасибо за глубокий анализ и за достаточно деликатное обращение с этой сложной темой. Я хотела сделать маленький комментарий по поводу ухода Надареишвили. На самом деле, для Абхазии он был совершенно незначительной фигурой. Возможно, он даже мог устраивать абхазов, потому что всегда можно было сослаться на его одиозные заявления. На самом деле, именно грузинским властям было выгодно от него избавиться, поскольку он их достаточно сильно дискредитировал. Странно, что этого не про-

изошло раньше. Тем более, что он не пользовался, насколько я понимаю, поддержкой у сообщества беженцев.

Ивлиан Хаиндрава – У незначительной части.

Лиана Кварчелия – Может быть, и у незначительной части. Во-вторых, я хотела бы отметить, что у нынешнего руководства Грузии есть разные высказывания. И не все эти воинственные заявления были сделаны до выборов или в период выборов. Очень многие из них были сделаны после выборов, и даже совсем недавно. Я не слышала, что Саакашвили говорил об экономике. Но я слышала более жесткие, вызывающие у нас озабоченность заявления. Саакашвили характеризуют как человека, который привык быстро добиваться поставленной цели, быстро решать задачи, это человек, который не хочет откладывать дело на потом. И заявления типа «к осени восстановим территориальную целостность» и т.д., конечно же, вызывают у населения, и особенно у беженцев, определенные надежды на очень быстрое решение этого вопроса. Если Саакашвили не удастся выполнить обещание, он должен понимать, что это вызовет определенную реакцию у части населения. И третье, я совершенно с Вами согласна, что для абхазов было бы самоубийственно проводить какие-то карательные акции в Гальском районе. Конечно, давно пора создавать нормальные условия для гальского населения и относиться к гальцам как к гражданам собственного государства. Я имею в виду в данном случае абхазскую сторону. Но не допускаете ли Вы, что все-таки будет какая-то провокация с грузинской стороны, которая вызовет ответные действия?

Ивлиан Хаиндрава – О Саакашвили можно сказать, что это человек, который привык или привыкает идти от успеха к успеху. Потребность успехов у него есть постоянная, потому что очень высокий рейтинг, который у него есть, это – очень большая ценность для него. Он на этом стоит, и допустить значительное падение своего рейтинга он не может. Тем не менее, я уже говорил, что было бы большим заблуждением думать, что он – человек недалновидный. Со своей точки зрения он видит все, как мне представляется,

и оценивает достаточно реалистично. И политическая интуиция у него развита чрезвычайно. Поэтому он не пойдет на то, чтобы сунуться куда-нибудь, где он может свернуть себе шею, простите за выражение. Именно поэтому, мне представляется, и начинается экономическая тематика становиться весьма значимой, именно поэтому в Грузии появляется тот же самый Бендукидзе. Вот эти деньги, которые сейчас должны пойти в Грузию, я надеюсь, что будут использованы не в популистских целях, а именно в целях того, чтобы поставить на ноги и дать мощный импульс развитию грузинской экономике. Так что, не преувеличивая возможную или допустимую искренность политиков, я думаю, что, когда он говорит, что путь к разрешению ситуации в Абхазии лежит через экономику, надо понимать, что если и не разрешение, то, во всяком случае, путь к серьезному диалогу с абхазами он на самом деле видит через экономику. Мне представляется, что это в высокой степени соответствует тому, что он думает.

Александр Крылов – У меня одно сомнение в плане вашей логики, то, что все переходит в экономику. Насколько я понимаю, в Южной Осетии тоже ожидается революция роз, и собственно абхазы вряд ли готовы сидеть и молча ждать, пока они станут третьими, пока в Южной Осетии будет водворен грузинский порядок. Известно, что между Абхазией и Южной Осетией есть такой формальный или фактический договор о взаимопомощи. Вы уверены, что этот договор не принесет каких-то осложнений для грузинского правительства? И готово ли в таком случае грузинское правительство воевать на два фронта?

Нателла Акаба – У меня вопрос относительно беспорядка населения Гальского района. Я тоже считаю, что Гальский район – это наиболее уязвимая зона. И я даже считаю, что будущее Абхазии в значительной степени решается именно в Гальском районе. И наше гражданское общество, может быть, не такое мощное, но, тем не менее, оно пытается защитить права населения Гальского района. Но мне кажется, что вина за несправие, конечно, а, может быть, не слишком безопасное положение жителей Гальского района и, может быть,

невозможность для них пользоваться всеми правами человека лежит и на грузинской стороне. Отказываясь регистрировать вернувшихся беженцев, я думаю, что грузинская сторона во многом предрешает такое неопределенное положение этих людей. Что Вы думаете об этом?

Ивлиан Хаиндрава – Что касается первого вопроса. По-моему, я сказал, что Грузия не собирается воевать. У нас есть горький опыт того, как мы воевали на одном фронте и оба раза весьма неудачно. Повторяю, что в данный момент не стоит на повестке дня какая-то вооруженная силовая акция в Южной Осетии, не говоря уже об Абхазии. Насколько мощная в случае эксцессов будет солидарность и взаимоподдержка, я не знаю. По этому поводу, наверное, уместнее задать вопрос абхазским коллегам. Мне трудно говорить об этом. Но я повторяю, что не думаю, что Саакашвили – это тот человек, который очертя голову бросится во что-то неизведанное и очень, скажем так, рискованное. Я считаю, что так вопрос не стоит – что Грузия будет воевать на два фронта, и что Грузия вообще в ближайшее время будет воевать. Опасность, с моей точки зрения может возникнуть в том случае, если мощная экономическая программа помощи Грузии провалится. Если эта программа провалится – либо мы опять съедем эти деньги, либо мы опять разворуем эти деньги, а это большие деньги, это полугодовой бюджет Грузии, – в случае фиаско на социально-экономической арене может возникнуть серьезная опасность, потому что больше ничего не останется. И вы знаете, что политики, у которых внутри страны очень плохо идут дела, развязывают Фолклендскую войну, к слову. Вот это было бы опасно. Так что, я считаю, что оптимальное использование этой помощи для Грузии – было бы хорошо во всех отношениях. В том числе и в плане практического снятия угрозы каких-нибудь эксцессов.

Теперь вопрос, который задала уважаемая Нателла. Я бы сказал, да. Определенная доля ответственности лежит на грузинской стороне за то, что, во-первых, вообще беженцы и внутренне перемещенные лица использовались как материал для политических спекуляций в течение всего этого времени. За то, что они использовались в

качестве наживы властями, когда их численность сильно завьшалась. Безусловно, все это имело место. И свою долю ответственности грузинские власти, безусловно, несут. И я надеюсь, что будут приняты необходимые меры. Обещания такого рода и требования со стороны руководства уже были – относительно того, чтобы выяснить, наконец, сколько же их человек, кому какая помощь выделяется и прочее, и прочее. Правда, персонально министр по этим вопросам меня не особенно обнадеживает. Но тут дело не только в персоналиях. Тем не менее, тут даже вопрос не только физической защищенности этих людей, это особая полоса и было бы наивно думать, что они там могут чувствовать себя защищенными, в безопасности и т.д., особенно в предыдущие годы (надеюсь, что сейчас ситуация изменится к лучшему). Но если говорить об их культурных, языковых и прочих правах, мне представляется, исходя даже из ваших интересов, можно было бы проводить более умеренную и разумную политику.

Пола Гарб – Спасибо большое за хороший и интересный доклад. С абхазской стороны у нас двое выступающих. Нателла, пожалуйста, Вам слово.

Нателла Акаба

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ ПРОТИВОВОСТОЯНИИ

Спасибо. Это такая неподъемная тема – Грузия, Абхазия, Россия, что мы с Абесаломом решили разделить ее на две части. И я попытаюсь сосредоточиться на историческом аспекте, но я не буду погружаться вглубь веков, так что вы не пугайтесь. Я постараюсь рассказать о грузино-абхазском конфликте и о той роли, которую играла Россия особенно перед началом и во время вооруженного противостояния. Конечно, это область таких распространенных мифов, что мне будет очень трудно внести какую-то ясность в этот вопрос. Но я попытаюсь сделать то, что я смогу. Хочу сказать, что я сама была очевидцем многого из того, о чем буду говорить. Хотя, конечно, не во все сферы я была допущена, но в тот период, то есть накануне начала грузино-абхазского конфликта и во время его, я была депутатом Верховного Совета, сначала заместителем председателя, а затем председателем комиссии по правам человека и международным отношениям. Я была членом Президиума Верховного Совета, так тогда назывался наш парламент. И во многом я имела определенные возможности влиять на принятие решений и участвовала в мирных переговорах между Грузией и Абхазией при посредничестве России в период военных действий.

Грузино-абхазский конфликт вот уже более десяти лет остается важным фактором международных отношений, влияющим на ситуацию как внутри СНГ, так и за его пределами. Корни этого конфликта уходят в историческое прошлое и, на мой взгляд, его основной причиной является угроза этнической идентичности абхазов, причем угроза отнюдь не мифическая, а вполне реальная.

Судьба абхазов, как и целого ряда других кавказских народов, складывалась драматически. На протяжении ста лет на долю абхазского этноса не раз выпадали драматические перипетии, в результате которых к середине 20 в. абхазы оказались в меньшинстве на своей исторической родине. Речь идет, прежде всего, о массовом изгнании в Османскую Турцию коренного населения Абхазии после оконча-

ния Русско-Кавказской войны 1817 – 1864 г.г. и упразднения автономии Абхазии в составе Российской империи (последняя просуществовала с 1810 по 1864 гг.). Затем были и новые волны «махаджирства», спровоцированные колониальной политикой царского самодержавия. Один из идеологов этой политики наместник Кавказа фельдмаршал Барятинский писал Александру II: «Без потери времени и насколько возможно выселять в Турцию горцев, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда».

Опустевшие земли царское правительство стало раздавать крупным чиновникам. Началось переселение в Абхазию колонистов – русских, греков, армян и представителей других наций. В то же время многие обезземеленные крестьяне из соседней Мегрелии тоже переселялись на благодатные земли Абхазии, хотя царское правительство не поощряло их в этом, и даже порой препятствовало. Итог этой политики таков – три четверти от общей численности абхазов оказались за пределами своей родины, в основном в Турции и других странах Ближнего и Среднего Востока.

Но на этом испытания не закончились: сталинские репрессии второй половины 30 – х гг. выкосили под корень и без того немногочисленную абхазскую интеллигенцию. А последовавший за этим период «бериевщины» 40-х и начала 50-х гг. 20 в. оказал не менее разрушительное влияние на абхазские язык и национальную культуру. Предпринятое Берия в этот же период массовое переселение в Абхазию жителей внутренних районов Грузии довершило дело.

Этот краткий исторический экскурс необходим, чтобы лучше понять контекст грузино-абхазского конфликта. Ощущение демографической и культурной уязвимости, неуклонное сокращение доли абхазского населения и быстрый рост грузинского – все это не могло не подталкивать «титულную нацию» к решительным действиям. Такими неординарными шагами в условиях тоталитарного государства могли быть только народные протесты – сходы, петиции и обращения в Москву. 100-тысячному народу, составлявшему к тому же лишь 18% населения на своей исторической родине, можно было рассчитывать только на заступничество Большого Хозяина, что вызывало у Тбилиси острое недовольство и неприязнь к абхазам. Москве же предоставлялся прекрасный шанс выполнить роль «мудрого»

посредника, внимательно выслушивая и выполняя некоторые требования абхазов (в основном культурного характера) и, в то же время, твердо давая понять грузинам, что никакого пересмотра административных границ и включения Абхазской АССР в состав России, как того просили абхазы, не будет.

Учитывая все эти обстоятельства, можно констатировать, что распад СССР неизбежно должен был вывести этот более или менее латентный конфликт на поверхность. Этим и объясняется столь критикуемая в Грузии «просоветская» ориентация абхазов, выразившаяся в том, что проваленный в Грузии референдум 1990 г. о сохранении СССР, был проведен и выигран в Абхазии, т.к. все негрузинское население (более 50 %) высказалось «за». За этим результатом стоял естественный страх: остаться один на один с Грузией Звиада Гамсахурдия.

И страхам этим суждено было материализоваться. Первым выбросом вулканической лавы национализма были столкновения 1989 г., которые не переросли в широкомасштабный вооруженный конфликт только благодаря вводу частей внутренних войск СССР. Однако сразу же после упразднения СССР из Тбилиси стали звучать недвусмысленные угрозы в адрес «сепаратистов» и призывы к ликвидации автономий в Грузии. Становилось все более очевидным, что военное столкновение неизбежно. В связи с этим, но наш взгляд, есть основания утверждать, что и Россия, как правопреемница СССР, и СБСЕ и ООН, безоговорочно признавшие Грузию в качестве субъекта международного права, несут определенную политическую ответственность за перерастание грузино-югоосетинского и грузино-абхазского конфликтов в вооруженную стадию. Более того, стремительное признание Грузии, и ее принятие в СБСЕ (24 марта 1992 г., в разгар войны с Южной Осетией) и ООН (31 июля того же года) в известной мере подтолкнуло Тбилиси на чрезмерное применение силы в отношении автономий. Нельзя не обратить внимание на то, что ввод войск в Абхазию произошел 14 августа, т.е. ровно через две недели после вступления Грузии в ООН.

Что касается России, то, вопреки широко распространенному обывательскому мнению, ее политика в отношении Абхазии в начале 90-х гг. не была однозначно проабхазской. Более того, на началь-

ном этапе военной операции Грузии в Абхазии Кремль оказывал Грузии как военную, так и политическую поддержку. Теперь уже, задним числом, можно констатировать, что Москву раздражала политика абхазов на сближение с народами Северного Кавказа, особенно контакты со своевольным чеченским лидером генералом Дудаевым. Российское руководство не могло не тревожить укреплявшиеся с началом перестройки связи абхазов с их турецкими соотечественниками, увенчавшиеся в 1992 г. триумфальным визитом Владислава Ардзинба в сопровождении группы абхазских депутатов в Турцию, где его принимали почти как лидера независимого государства. Радужный прим, оказанный абхазской делегации турецкими официальными лицами и лидерами крупнейших партий, а также массовые митинги и манифестации абхазо-адыгской диаспоры – все это в Москве было воспринято с раздражением.

Если для абхазов, серьезно встревоженных агрессивными планами Грузии, эти действия были поиском политической и моральной поддержки извне в тревожные времена, то в глазах Ельцина это выглядело свидетельством нелояльности абхазов, их неблагонадежности. Весьма вероятно, что и «Белый лис» приложил руку к формированию у Ельцина негативного мнения об абхазах, пугая мнительного российского президента исламским фундаментализмом и сепаратизмом, которые абхазы, якобы, разжигают на Северном Кавказе.

Эти обстоятельства отчасти объясняют, почему Шеварднадзе получил согласие Ельцина на ввод войск в Абхазию. А в том, что это именно так, убеждены многие исследователи. Так, Станислав Лакоба указывает, что в ходе российско-грузинской встречи в Дагомысе 24 июня 1992 г. был обсужден широкий комплекс отношений двух стран. Среди прочего было подписано «Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта». Взамен Ельцин пообещал Шеварднадзе поспособствовать скорейшему принятию Грузии в ООН. Что касается Абхазии, Шеварднадзе без особого труда удалось убедить Ельцина в том, что лидеры абхазского национального движения, играющие ключевую роль в Конфедерации народов Кавказа, представляют угрозу стабильности на Кавказе, и им надо преподать урок послушания. С этой це-

лью и был подписан документ, создававший правовую основу для силовой акции Грузии в отношении Абхазии. Вот цитата из него: «Правоохранительные органы Грузии и России будут решительно пресекать деятельность незаконных военных, полувоенных и самовольно образованных отрядов и групп на территориях под их юрисдикцией».

Понятно, что все эти шаги навстречу Шеварднадзе Ельцин делал с целью добиться скорейшего вступления Грузии в СНГ. И грузинский лидер умело играл на этих настроениях, выторговывая все новые и новые козыри для Грузии. Как известно, и после этого Шеварднадзе не спешил вступать в Содружество Независимых Государств, а вынужден был это сделать лишь в драматические для Грузии дни после падения Сухума, когда сам грузинский лидер чудом избежал абхазского плена.

Итак, судьба Абхазии была предрешена. После подписания «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» ничто не мешало Грузии получить свою долю вооружений, как это предусматривалось Ташкентским соглашением от 15 мая 1992 г. И непосредственно перед началом абхазской военной кампании Грузия получила 220 танков, артиллерийские системы залпового огня, самолеты, вертолеты и т.д. Интересно, что не будучи тогда членом СНГ, Грузия могла бы и не получить этого вооружения, но, благодаря тому, что в Дагомысе Ельцин и Шеварднадзе нашли точки соприкосновения, Россия поспособствовала Грузии в получении этого оружия. У абхазов на вооружении к осени 1992 г. было только 8 танков и 30 БТР, часть из них – трофейные.

Как справедливо отмечает российский исследователь А. Зверев, в 1992-93 гг. у России не было четкого осознания своих интересов в грузино-абхазском конфликте. Можно также сказать, что у различных российских ведомств были свои особые интересы. Даже внутри военного ведомства существовали диаметрально противоположные политики. Печально знаменитые в Абхазии генералы Патрикеев и Беппаев открыто продавали грузинам советское оружие со складов ЗакВО. В то же время подконтрольные им офицеры «в дни вторжения в Абхазию управляли (грузинскими – Н.А.) танками, боевыми самолетами, а военные российские корабли обеспечивали высадку

грузинского морского десанта в районе Гагра». Но были и другие военные, например бывший министр обороны П. Грачев, не доверявшие Шеварднадзе.

С другой стороны министр иностранных дел России А. Козырев, будучи когда-то протеже Шеварднадзе (в бытность последнего министром иностранных дел СССР), прославился как самый уступчивый глава российского внешнеполитического ведомства, что вызвало к нему открытую неприязнь придерживавшихся более твердой линии депутатов Верховного Совета РФ и военных. Находившиеся в самом начале военного конфликта в крайне тяжелой ситуации жители Абхазии негрузинской национальности помнят, как в самые критические моменты, не без риска для своей жизни, посещали Абхазию некоторые российские политики и старались морально поддержать население. Приходится с сожалением констатировать, что среди них не было ни одного политика либерального или демократического спектра.

Как Москва ни пыталась дистанцироваться от Абхазии, давление со стороны Северного Кавказа и Юга России нарастало. В Верховном Совете, и без того оппозиционном по отношению к Ельцину, усиливалась резкая критика бездействия и попустительства агрессивной политике Шеварднадзе, как считали многие.

КОНТРАПУНКТ РЕЖИССУРЫ

Очень сложно, конечно, за десять минут охарактеризовать роль России в регионе. Интересы этой страны совершенно естественны на Южном Кавказе, и эти интересы, безусловно, диктуют ей определенную линию поведения в регионе, в том числе и в Абхазии. Отсюда следует необходимость более внимательного изучения тактики и стратегии этого поведения.

Я бы разделил роль России по отношению к Абхазии и вообще в контексте грузино-абхазских отношений на две части. То есть, я бы отдельно рассматривал участие России в урегулировании грузино-абхазского конфликта и ее влияние на ситуацию в регионе в целом, ее общее воздействие. Хотя эти вещи, конечно, имеют между собой определенную связь, но это могут быть две отдельно рассматриваемые плоскости. Политический ландшафт, благодаря некоторым действиям России в Абхазии, конечно, очень сильно изменился. Это изменение можно оценивать по-разному и оно влечет за собой различные последствия. Если длительное время после войны Грузии с Абхазией Россия занимала несколько пассивную позицию в регионе, то в последнее время наблюдается уже определенная динамика в ее действиях существенно изменившая политический ландшафт в Абхазии и вокруг Абхазии. В первую очередь имеется в виду предоставление российского гражданства, что, естественно, в значительной степени укрепило уже достаточно традиционные в Абхазии про-российские симпатии, потому что находившееся в тяжелом положении население, практически изолированное в границах своей республики, получило благодаря этому право гражданства и возможность более свободного передвижения. Разумеется, это поменяло в значительной степени политический ландшафт в регионе и, таким образом, из-за того, что большинство жителей Абхазии стали российскими гражданами, появляется новый серьезный фактор в абхазо-грузинских и российско-грузинских отношениях, что видно по последним событиям и заявлениям, по поведению российских властей и реакции грузинских властей на предоставление гражданства.

Данное обстоятельство может иметь далеко идущие последствия и в состоянии оказаться новым фактором в российской политике вообще, неким поворотным пунктом. Я не берусь сейчас прогнозировать насколько далеко это может зайти. Прогноз – всегда неблагоприятное дело. Но визит российских депутатов, представителей фракции «Родина», Рогозина в Абхазию и намерение открыть филиал этой партии в Абхазии и даже, судя по некоторым заявлениям, намерение участвовать в президентских выборах, тоже может явиться симптомом некоторого изменения стратегии, если не российского руководства, то, по крайней мере, некоторых политических партий в отношении Абхазии. Повторяю, что я не берусь загадывать, насколько все это может быть долгосрочно и т.д. Независимо оттого, что базовые принципы взаимоотношений России и Абхазии, должны формулироваться в Кремле, как и полагается, но тактика и стратегия отдельных политических партий может серьезно повлиять на общую политику. И тем серьезнее, чем весомее те или партии и движения в самой России. Если даже это будут одна или две партии, Абхазия – это очень небольшая страна. И вот если это влияние на внутреннюю ситуацию в Абхазии прежде всего будет возрастать со стороны российских политических партий, то это может очень серьезно повлиять и на соотношение сил внутри самой Абхазии. Данное обстоятельство станет определенным, конечно, вызовом для местных элит. Представительства российских партий в Абхазии будут, естественно, по-своему строить политику и преследовать свои цели, свои интересы. Насколько они будут совпадать с долгосрочными интересами России как таковой? И как они будут соотноситься с интересами местных элит, местных национальных партий и движений? Последние, насколько я знаю, до сих пор никак не просчитывают свои шаги в этом плане. Появляются новые уровни влияния. И все это создает необходимость каких-то новых подходов и реагирования на эти вызовы, как со стороны местных элит, так и со стороны внешних сил, поскольку это может весьма серьезно повлиять и на грузино-абхазские отношения. Я не даю здесь оценок – хорошо это или плохо. В принципе можно удивляться, что российские партии до сих пор этот шанс не использовали. Но то, как это может отразиться на дальнейшем развитии ситуации в Абхазии и вокруг Абхазии, покажет время. Хотя уже сейчас следует заняться предвидением и прогнозировани-

ем ситуации, поскольку происходит своеобразная революция (но революция сверху) в Абхазии, что требует своего углубленного анализа. В любом случае роль России в регионе увеличивается. Интересы Абхазии и России как двух государств могут больше совпадать в долгосрочном плане, чем интересы Абхазии и каких-либо политических партий, которые, вступив, предположим, в сепаратные отношения с Грузией, ради своих конъюнктурных целей могут поставить под угрозу более дальние цели и задачи России как государства на Кавказе. Причем, больше беспокойства исходит, может быть, не столько даже от партий, сколько от отдельных групп интересов. Для России не будет большой выгоды, если ее группы интересов, особенно из прилегающих к Абхазии регионов активно задействуют себя во внутривнутриполитических разбирательствах в республике.

Что касается грузино-абхазских переговоров, то они пока проходят, по большому счету, безрезультатно. Но это и не удивительно. Здесь стратегия и тактика пока не меняются. Причем, у всех сторон – и у Абхазии, и у Грузии, и у России. Есть Женевский процесс. Россия выступает посредником. Но подходы за десять лет переговоров не изменились. А требуются какие-то новые идеи, решения, проекты. И роль России может оказаться очень серьезной в смысле более положительного влияния на грузино-абхазские взаимоотношения. Почему? Потому что стороны – и абхазская, и грузинская – смогут поменять свои стратегии в лучшую, более положительную сторону, если подход России к мирному урегулированию и стратегия России будут более продуктивными. Есть разные предложения. Есть какие-то тенденции. Но нет никаких результатов. Препятствует этому высокий уровень недоверия, нет политической воли, нет четкого понимания каких-то целей и задач, прежде всего в области национальных интересов. Сами абхазское и грузинские сообщества не готовы к рациональной и направленной работе с конфликтом. Положение во многом изменится, если изменится подход России. Можно придумать самые замечательные, самые рациональные предложения, но весь вопрос упирается в сам способ принятия решений, в механизм принятия решений. При отсутствии таковых даже самые чудесные предложения могут оказаться нереализуемыми. Потому что, прежде всего надо думать о том, как построить сам механизм взаимоотно-

шений. Я бы назвал это механизацией. Что это значит? Первый симптом этого, кстати, уже есть. Насколько я могу судить, во всяком случае. Надеюсь, что я не ошибаюсь. На последней встрече в Женеве Евгений Кожокин выдвигал предложение по поводу механизмов безопасности. Создание такого рода механизмов и представляется первостепенной задачей. Самые замечательные предложения могут быть отвергнуты, потому что внутри Грузии и Абхазии идет политическая борьба, и политики не хотят выглядеть «соглашателями» и прочее. Создание же механизма, в рамках которого возможно было совместное принятие решений значительно облегчило бы дело. И я думаю, что Россия в этом отношении могла бы сыграть свою роль.

Я не разделяю особого оптимизма по поводу, допустим, экономической составляющей урегулирования, хотя, конечно, и это имеет свое значение. Если заявления президента Грузии о том, что он будет обращать внимание прежде всего на экономику, действительно будут подкреплены реальными делами, это только поможет нормализации отношений. Но я не стал бы фетишизировать экономическую составляющую конфликта, потому что, как показала война и предвоенный период, люди могут пожертвовать даже экономическим благополучием, если встает вопрос о посягательствах на их свободу. На одной из встреч с представителями грузинского гражданского общества в Северной Ирландии мы обсуждали возможность достижения соглашения о соглашении. Создание механизма или рамочной конструкции, позволяющей работать над таким соглашением о соглашении, или над договором о договоре, был бы наиболее подходящим путем к достижению мирного урегулирования. Как создать такой механизм, тоже требует обсуждения, возможно, в рамках постоянно действующей конференции, возможно в другой форме. Когда создается такой механизм совместного принятия решений, становится легче добиваться результатов или, наоборот, от чего-то отказываться. Такой подход отличается от того, который существует сейчас, когда кто-то приходит и кладет на стол проект, а другой его просто читает и т.д. Значимость России как посредника возрастает, если она будет способствовать переходу к другой линии поведения в конфликте, если у нее самой поменяется не только подход к мирному урегулированию, но само видение способов этого урегулирования.

ДИСКУССИЯ

Вопрос – как будет действовать вот эта постоянная конференция?

Абесалом Лепся – Это надо будет обсуждать. Если будет согласие на такого рода мероприятие, то надо будет отдельно обсудить, какой действительно будет механизм делегирования туда тех или иных представителей. Это вопрос для отдельного обсуждения. Если будет само согласие на такой механизм. Стороны должны между собой договориться о правилах – по какому принципу, как и кого они могут туда представить. Это пока идея, инициатива.

Валентин Гефтер – Я так понимаю, что Женевский процесс идет на межгосударственном уровне. А то, что вы имеете в виду, это иная «дорожная карта» для данного конфликта, где речь идет в первую очередь о неправительственном уровне.

Абесалом Лепся – Нет.

Валентин Гефтер – Тогда я тут чего-то недопонимаю.

Абесалом Лепся – Эта инициатива появилась на одной из наших встреч. Но это не значит, что только на неправительственном уровне. Там должны быть представлены все уровни. Почему? Потому что любое соглашение должно быть принято обществом. И для того, чтобы оно было принято обществом, там должны быть разные представители – и официальные, и неофициальные. Они должны работать совместно. Я предлагаю несколько уровней.

Константин Кублашвили – У меня один вопрос в отношении роли России в процессе урегулирования. Если можно более конкретно сказать, какой новый подход вы видите в этом процессе урегулирования?

Абесалом Лепся – Я как раз имел в виду то, что Россия должна содействовать созданию таких механизмов по урегулированию. Со стороны России в последнее время стали появляться такие

разработки. А до этого Россия выступала в основном просто как посредник. Подобные разработки, проекты поступают, в основном, со стороны международных организаций, со стороны экспертов или рождаются на каких-то вот таких встречах, а если бы велась работа, направленная именно на создание каких-то механизмов, то я думаю, что это было бы лучше, более продуктивно.

Ивлиан Хаиндрава – У меня скорее не вопрос, а возражение по одному из положений сообщения Нателлы Нуриевны. В основном я согласен с положениями доклада, но мне показалось, что когда вы говорите о признании Грузии и принятии ее в международные организации, то рассматриваете это с точки зрения поощрения каких-то агрессивных намерений, развязывания конфликтов. Мне это представляется несправедливой постановкой вопроса, потому что признание Грузии как независимого государства произошло в декабре 1991 года. Тогда буквально пошла волна признаний, когда в Тбилиси еще шли бои вокруг Дома правительства, и неясно было – какая власть существует в этот момент в Грузии. Произошло это просто после соглашения в Беловежской пуще, когда мир с удовольствием увидел, что Советский Союз распался. Я говорю о конце декабря, когда была совершенно неопределенная ситуация в Грузии, и это был каскад признаний. Первой признала Румыния, второй – Аргентина. Ну, у румын был свой интерес. Молдова, допустим. А у Аргентины вообще не было никакого интереса. Фактор Шеварднадзе, конечно, ускорил принятие Грузии и в ООН, и в ОБСЕ. Но рассматривать этот факт под таким углом, как это было в докладе, мне представляется не соответствующим реалиям. А признания происходили в границах союзных республик. Такие были правила игры. Так это произошло на территории Советского Союза, и до сих пор эти правила игры действуют, во всяком случае, не изменились. Так же произошло это на территории Югославии. Там, правда, существует проблема с Косово и совершенно не понятно, что делать. Но до сих пор вот эти правила работали. Поэтому мне представляется, что под этим углом неправильно было бы рассматривать этот процесс. И еще второй момент, который я бы хотел отметить – это Конфедерация горских народов Кавказа, которая по соображениям многих была под конт-

ролем российских спецслужб, которая сыграла свою роль в грузино-абхазском конфликте, достаточно видную роль и потом как-то бесследно испарилась с лица земли, не играя никакой роли в российско-чеченском конфликте, где казалось бы уж не меньшую роль она должна была бы сыграть. Я не говорю, что все, кто в ней участвовал, умышленно шли на поводу у каких-то спецслужб и прочее. Нет, такая идея в конце концов была и раньше и осуществлялась и так далее. Но в данном случае, анализируя роль этой организации, придется признать, что свою роль она сыграла только в ходе грузино-абхазского конфликта, причем совершенно конкретную роль. Вот у меня лично такое впечатление.

Нателла Акаба – Во-первых, я, конечно, не ставлю в упрек ООН и ОБСЕ то, что они признали Грузию, и какое я имею на это право? Я просто говорю о том, что возможно, это было чересчур поспешное принятие. Я даже уверена, что у них были возможности как-то способствовать тому, чтобы грузино-абхазский конфликт, который уже тогда существовал, чтобы его не перевести в вооруженную стадию. Я хочу сказать о презумпции конфликта, что не были задействованы инструменты. И мне кажется, что этим самым международные организации в какой-то мере оказали Грузии медвежью услугу. Та смута, которая началась в Грузии, эти карательные экспедиции в Мингрелию – ведь это все в какой-то мере было легитимизировано принятием Грузии в ООН и ОБСЕ. Мне кажется, что лучше было бы, если бы всего этого не было. Наверное, и Грузия была бы сейчас в другом положении.

А что касается КГНК (Конфедерация горских народов Кавказа), я, конечно, не исключаю возможности использования этой организации, мы все знаем, насколько могущественны КГБ и ФСБ, и кто вел игру. Но я просто говорю о том, что, конечно, России не могла нравиться та консолидация кавказских народов, которая происходила. И во многом это действительно было инициировано Абхазией, потому что в этом она видела какую-то защиту. Я понимаю, что и у России были опасения. Мы прекрасно знаем, что был арестован Шанибов, и это вызвало массовые всплески недовольства в Кабардино-Балкарии. То, что вы говорите и то, что я говорю – это абсолютно не противоречит одно другому.

Виктор Коган-Ясный – ... международные организации были беспомощными. Но чисто формально они действовали в рамках, условно, доктрины Бейкера, которая состояла в том, что надо просто признать все бывшие советские союзные республики в тех границах, которые были. И больше ничего не было. Теперь, что касается того, что происходит сейчас. Мне бы хотелось взять быка за рога и спросить тех, кто выступал и тех, кто будет выступать вот такую вещь. Мне кажется, что в последние несколько месяцев системообразующий фактор в Закавказье вообще и в вопросах Грузии, Абхазии очень сильно поменялся. Это очень серьезный вопрос для меня. Не будет ли повторена в отношении Тбилиси и Сухуми вся та схема, которую Владимир Владимирович уже дважды продемонстрировал сначала по отношению к ситуации с Шеварднадзе, а потом в ситуации, связанной с Абхазией? Насколько он реально контролирует политическую ситуацию, связанную с Абхазией? Насколько в этом смысле фактор Путина, я бы не хотел говорить фактор России, потому что Россия – это очень размыто, а именно фактор Путина и российского руководства являются системообразующими в том, что связано с отношениями Тбилиси и Сухуми? Насколько руководящие указания Владимира Владимировича могут оказаться абсолютно решающими для этой ситуации? При Ельцине в этом смысле все было совершенно по-другому. Там действительно был самостоятельный конфликт.

Абесалом Лепсяя – Мне, конечно, сложно оценивать роль российского президента, потому что многие механизмы принятия тех или иных решений, политики, стратегии мы даже и не знаем. Но я хотел бы сказать об одной стратегии, которая укладывается в логику моего доклада – это создание условий для нормального переговорного процесса. В чем еще должна поменяться роль России? Просто указанием или приказанием невозможно диктовать политику Абхазии, даже при всем том, что Абхазия про-российски ориентирована и многие жители являются российскими гражданами. Есть какие-то вещи, на которые в Абхазии никогда не пойдут. Если допустить, что российское и грузинское руководство нашли какой-то общий язык по поводу политики в Абхазии, которая в Абхазии, допустим, не воспримется, то даже российскому руководству сложно будет заставить подчиниться Абхазию,

если местное население почувствует какую-то угрозу своей самостоятельности. Поэтому осуществить российские интересы, в ряду которых и мирное урегулирование, можно, создавая механизмы, о которых я попытался рассказать в своем докладе.

Вопрос – не слышен.

Нателла Акаба – Я думаю, что совершенно было правильно сказано, что ситуация очень сильно изменилась и что статус-кво нарушен. И он будет и дальше нарушаться. И это, конечно, несет определенные угрозы и нужно работать с этими угрозами. Я думаю, что есть предел послушания со стороны Абхазии в отношении России. Во-первых, российская политика настолько, как бы сказать, византийская, что, когда Путин что-то заявляет, то простые, неискушенные люди в Абхазии, говорят: «Это он так говорит специально, а думает он совсем другое». (Смех). Поэтому любое указание и заявление Путина могут двояко толковаться. Это одно. Но есть и другое. Я совершенно уверена, что если, не дай бог, что-то будет спровоцировано сознательно или бессознательно, хотя я не верю в бессознательные провокации, то тогда ситуация не очень сильно будет отличаться от ситуации августа 1992 года, когда началась война. Я уверена, что опять возникнет фактор Северного Кавказа, опять будет фактор российских добровольцев. И, откровенно говоря, очень не хотелось бы этого, потому что тогда будет взорвана ситуация на Северном Кавказе. Это мое личное мнение. Я, конечно, не пророк. Но, судя по реакции на некоторые грузинские действия в Южной Осетии и некоторые заявления, я поняла, что за эти десять лет ничего не было сделано, чтобы создать какую-то качественно новую ситуацию. Все осталось таким же. Нет никаких механизмов безопасности. А если абхазы и другие национальности, проживающие в Абхазии, почувствуют угрозу, то они уже не будут слушать, кто и что скажет им из Москвы или откуда-то еще, а будут просто защищать себя.

Батал Кобахия – Я просто по-русски плохо понимаю. Я хотел у Нателлы Нуриевны уточнить вопрос – ОБСЕ и ООН не имели инструментов предупреждения конфликтов или не хотели использо-

вать эти инструменты? И у Абесалома я хотел спросить – чем вызвана такая обеспокоенность приездом Рогозина к нам и других федерических личностей? Как это может отразиться на сегодняшней ситуации в Абхазии и роли России? И еще я просто хотел бы сказать короткую реплику Вам (**Виктору Коган-Ясный. ред.**). Сдача Шеварднадзе и Абашидзе совершенно не может быть сравнима со сдачей народа. Я согласен с Нателлой, что если бы Россия, я имею в виду власть, я не имею в виду вас, вы совершенно другое, если российская власть так легко могла бы принимать решения в отношении судьбы народа, я думаю, что на Северном Кавказе, уже лет десять было бы спокойно. Она бы эту проблему решила. Я не думаю, что Абхазия от этого зависит.

Нателла Акаба – ...я думаю, что эти организации настолько хотели сделать распад СССР необратимым, что не думали о каких-то несчастных абхазах или осетинах. К сожалению, это циничная реакция.

Батал Кобахия – Абхазия – это была маленькая изюминка в завершении распада СССР.

Абесалом Лепсая – Дело не в беспокойстве. Я просто очерчивал ситуацию и пытался прогнозировать какое-то возможное развитие событий, в том плане, что если будут создаваться такие дочерние отделы российских партий в Абхазии – это может сильно повлиять на внутреннее положение в Абхазии в разных направлениях. Это может быть и с положительным знаком, и с отрицательным. Но это изменение. Вот в чем вопрос. Как это будет изменяться – сложно пока сказать. Может быть, я и ошибаюсь, но я уловил в этом какой-то симптом. Во всяком случае, это новое явление, когда открывается такая дочерняя партия, и российская партия собирается влиять на президентские выборы в Абхазии. То есть, это какая-то другая степень влияния. Это может иметь продолжение. Естественно, это надо учитывать и анализировать. Я это имел в виду. Я не выражаю беспокойство или спокойствие. Я пытаюсь прогнозировать какую-то возможную ситуацию. Что касается самой этой техники, то она вполне естественна. Я в своем докладе тоже сказал, что даже удивительно,

что до сих пор этого не было. И даже российское гражданство тоже гораздо раньше можно было бы сделать, если исходить из российских интересов. Но нам тоже надо как-то обо всем этом думать. Во всяком случае, как политолог и как аналитик я вижу проблему. Ведь я об этом говорю, а не о том, что я беспокоюсь или не беспокоюсь.

Григорий Шведов – У меня вопрос к обоим докладчикам. Что вы видите в этом Соглашении о соглашении? Чего не хватает для переговоров? Мы понимаем, что в переговорах, которые идут уже много лет, нет политической воли, чтобы они легитимизировали процесс, чтобы они влияли на общественное сознание. Эти переговоры, конечно, представляют собой интересный фактор, но реального воздействия иметь не могут. Чего не хватает? Что бы вы видели как фактор, который мог бы перевести эти переговоры на нужный уровень? Когда мы видим, что переговорный процесс возобновляется со стороны Саакашвили – мы видим это постулированием – мы готовы на переговоры, мы идем на переговоры, мы предлагаем то-то и то-то. Мы слышим в речах абхазских политиков очень внятный ответ. Мы сидим за одним столом, но у нас совершенно разные подходы. И здесь не хватает, как кажется, именно политической воли. И мне очень странно, честно говоря, слышать вот этот вопрос про Путина – как будет влиять фактор Путина? Мне кажется, что Россия достаточно беззастенчиво разыгрывает ситуацию с российскими паспортами, живым щитом и рассматриванием вообще населения Абхазии и Южной Осетии как именно щита, которым можно будет играть в случае, не дай бог, военного развития событий. Но сказать, что это в основном электоральный вопрос нельзя, потому что мы понимаем, что численность населения не настолько значительна. У нас есть статистика по голосованию по выборам в Государственную Думу в Абхазии и Южной Осетии. Поэтому мы понимаем, что, к сожалению, это проявление имперской советской, византийской политики. Конечно, фактор Путина – не очень большой вопрос, можно ли вообще формулировать как проблему то, что есть такой фактор Путина?

Абесалом Лепсая – В какой-то мере вы сами ответили на свой вопрос, когда говорили о том, чего не хватает, что нет воли и т.д. Не хватает именно, я опять, наверное, повторяюсь, самого механизма.

Стороны встречаются, и они могут предлагать что-то, что-то принимается или не принимается. Мы знаем эти заявленные позиции. Но нужен стабильный мир. А чтобы достичь стабильного мира, нужны все равно какие-то соглашения. Хотя бы по безопасности, в экономической сфере, еще в каких-то вещах. Но иногда даже самые простые вещи и то трудно достигнуть. Например, отмена экономических санкций. Вещи, которые достаточно рациональные и простые. Но их трудно достигнуть. Почему? Потому что даже если их предлагают, они могут быть отвергнуты или не поняты. Почему? Потому что нет механизмов принятия. Надо, чтобы это принимало общество. Допустим, я приведу такой пример. Я участвовал на одной встрече в рамках Шляйнинговского процесса. Там обсуждался вопрос отмены экономических санкций. Моделировалась такая ситуация. Предположим, Грузия отменяет экономические санкции, как к этому относятся? Казалось бы совершенно простой вопрос – отменяют экономические санкции и почему это не принять? А когда начали в деталях с этим разбираться, то обнаружилось, что возникает масса других проблем. Например, одна из проблем, связана с тем, что если в Грузии объявят об односторонней отмене экономических санкций, то внутри Грузии это может быть не одобрено. Если в Абхазии это воспримут как победу, то в Грузии это будет воспринято как поражение. То есть, сторонам приходится учитывать реакцию своего сообщества. И они иногда не могут принимать решения даже по самым простым вещам. Как минимизировать это заложничество перед ожиданием своих сообществ? Нужен механизм, в котором участвовали бы разные представители, которые открыто и прозрачно работали бы и которые объясняли своим сообществам, что и почему делается. Если что-то достигнуто или если что-то не достигнуто, то по какой причине этого нельзя достигнуть. Такой механизм может обеспечить принятие стабилизирующих решений, которые были бы понятны обществу. Вот об этом идет речь.

Александр Скаков – У меня скорее не вопрос, а дружеская реплика по поводу сравнения Аджарии и Абхазии. Аджария – это не Абхазия, а наоборот. Хотя наши журналисты это постоянно путают на телевидении. Но вопрос стоит в том, возможна ли сдача Абха-

зии Кремлем? Если быть честным, то в принципе, возможно. Но при этом надо понимать, что у Кремля много башен. И какую-то башню можно сдать – Абхазию или Южную Осетию. Но возможно ли это в качестве политики России? Думаю, что невозможно. Поскольку есть такое понятие – территория это национальная идея. Как пример, Армения и Карабах – это национальная идея. Сдача Карабаха приводит к краху режима в Армении, что мы уже видели по Тер-Петросяну. В данном случае для адыгейских народов Северного Кавказа и северных осетин – Абхазия и Южная Осетия – это национальные идеи. То есть, любая политика России, направленная на сдачу данной территории, приведет к росту недоверия, неприязни и неприятия России на Северном Кавказе. Это надо понимать. То есть, можно сказать так, что уход России из Абхазии и Южного Кавказа неизбежно приведет в дальнейшем к уходу России со всего Северного Кавказа.

Валентин Гефтер – У меня просьба. Хотя тема нашей встречи – российский фактор, но все-таки первые два доклада касались Грузии и Абхазии. И я, к сожалению, не очень до конца выяснил для себя – каковы взаимоотношения между властями и гражданским обществом, скажем так, неправительственным сектором, именно по вопросу конфликта. Понимаете, если я слышал про власти и про общество, то относительно Грузии я понял, но про Абхазию я ничего не услышал про власти. И поэтому я сейчас в некоторой растерянности. Если можно затронуть это после российских докладов, то это было бы хорошо.

Марина Павлова-Сильванская

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Прежде всего я хочу напомнить, что я согласилась выступать с этим текстом, потому что меня об этом просили с такой формулировкой – «мы узнаем о ваших событиях только по телевизору». Так это или не так, но я не могу вам представить никакого оригинального исследования. Я рассматриваю свое выступление как своего рода брифинг. Брифинг с точки зрения человека, находящегося внутри очень важных структур российского гражданского общества, человека, сознающего, что этот вопрос – ситуацию с гражданским обществом в России – никакое телевидение не показывает, и эта сторона вам почти стопроцентно неизвестна. Поэтому у меня будут две части выступления. Первая – это эволюция ситуации в России, касающаяся структур гражданского общества. И затем – как эта эволюция последних лет повлияла на российскую внешнюю политику. Потому что российско-грузинские отношения, отношения России с Абхазией, с Южной Осетией – это все-таки только фрагменты российской внешней политики. И вот этот некий общий контекст внешнеполитический, новые его черты – я хотела бы оговорить. И еще одно замечание в начале. Я не буду подробно рассматривать вопрос о Чечне, о «Норд-осте» или о взрывах, потому что, я заранее говорю, что мы все рассматриваем это как военное преступление, как преступление против человечности, как совершенно бесчеловечные элементы политики. В нашей среде нет никаких разногласий по этому вопросу, и я просто выношу это за скобки, потому что есть еще в российской политической жизни очень важные сюжеты, которые требуют спокойного и с холодной головой анализа. Но, прежде всего, я хотела бы сказать, что мы имеем уже на второй срок легитимного президента с не легитимной программой. Вот этот тезис очень важен для понимания процессов, идущих в России. Программа президента не легитимна, потому что подавляющее большинство населе-

ния понимает необходимость преобразований и реформ и признает в ограниченных рамках частную собственность, но не поддерживает либеральных принципов реформирования и не считает законным и справедливым переворот в отношении собственности в том виде, в котором он произошел в России. Вот эта не легитимность, непризнание сложившихся отношений собственности и критическое отношение к либеральным реформам – это центральное противоречие, которое определяет все социальные и политические процессы в стране. И поэтому во власти Путина сочетается сила и слабость. У него совершенно неслыханный рейтинг, очень высокая поддержка. Он в последние годы резко увеличил долю силовиков, военных сотрудников спецслужб в аппарате, ослабил все имевшиеся в стране автономные силы. И, тем не менее, в кругах тех силовиков шла дискуссия о слабости президента. Эта власть в течение первого срока покоилась на внешне совершенно противоестественной коалиции – либералов и силовиков. Либералы играли роль идеологов и силы, которая планирует реформы. Силовики в значительной степени поддерживают стабильность. За годы первого президентского срока и начала второго произошло, несомненно, очень заметное улучшение экономической ситуации. Была ликвидирована инфляция, начавшаяся с 2600 процентов гиперинфляции до 10, и сейчас поставлена задача снизить ее до трех процентов. Произошла стабилизация финансовой системы, которая в ближайшие годы должна привести к полной конвертируемости рубля, резко сокращен внешний долг. Россия недавно заявила Всемирному банку, что она вообще прекращает иностранные заимствования. Более того, она работает в некоторых проектах вместе с Всемирным банком и списывает задолженность развивающимся странам. США признали рыночный статус России. В этом году, по-видимому, ожидается темп роста ВВП в 8 процентов, даже больше чем в предыдущем году. Более активной стала социальная политика, произошла индексация пенсий. С некоторыми перерывами, но все-таки были прекращены задолженности по зарплате. Происходит адаптация населения, появилась в огромном числе гастарбайтеры, для которых Россия – привлекательная страна. И, тем не менее, в стране и в первый период президентства Путина и, думаю, что еще в большей степени во втором, все время существует внут-

рення подспудная социальная напряженность. Она существует, не выходя на поверхность общественной жизни, или выходя очень мало. Но именно из-за этой социальной напряженности, из-за непризнания легитимности собственности, из-за сильной бедности, из-за разницы между Москвой и провинцией, из-за вызывающего демонстративного потребления высших слоев общества возникает такая ситуация, которая очень сильно замедляет реформы, приводит к тому, что часть из них по содержанию оказываются выхолощенными. И от каких-то реформ приходится отказываться из опасности нарушить стабильность. В качестве примера, неудачная военная реформа, которая тянется уже бог весть сколько. Отказ от реформы жилищно-коммунального хозяйства. Неудача пенсионной реформы. Отказ от реформы министерства внутренних дел. По сути дела несостоявшаяся муниципальная реформа. Почему я говорю, что эта социальная напряженность усилится? Потому что предстоит вот эта отмена льгот или, как это называют специалисты «монетизация льгот», превращение их в деньги и выплата наличными. Эта реформа, наверное, самая беззастенчивая и самая отвратительная из тех, которые были задуманы за последнее время. Потому что, если жилищно-коммунальное реформирование затронуло бы более широкие слои населения, это тоже был бы удар, то этот удар – по самым бедным, по самым незащищенным, полуинвалидам, которых в России десятки миллионов. Потому что до сих пор лекарства для инвалидов были бесплатными, а теперь при страшно высоких ценах на лекарства, будет выдана компенсация, которая никак не покрывает затрат на лекарства. Я говорю об этом подробно, потому что это порождает чувство отчуждения от государства. У нас нет такого естественного здорового патриотизма, который существует в Соединенных Штатах, государстве всеобщего благосостояния, где социальная политика очень активная. Или какой существует в Германии, где наша постановка вопроса – «это не мое государство» просто невозможна, потому что люди воспринимают государство, как свое государство. А здесь после некоторого периода схождения общества и государства, опять начался очень сильный процесс расхождения. И вместо здорового патриотизма начинается национализм в самых жестких формах, связанных с ксенофобией и всякими прочими вещами.

Я хотела сказать еще одну вещь. Для современных российских властей характерна неструктурированная связь с населением. Это своего рода плебисцитарный режим. Партии не формируются естественным образом, а весь политический класс, по сути дела, заражен идеями социальной инженерии. И в духе этой социальной инженерии действует президент. Причем, это для него тоже как некий очень серьезный ограничитель всех его действий. Президент – прагматик, который представляет себе, что можно разработать умозрительную схему и навязать ее обществу в чистом виде, очень лапидарном. Это – скелет, который можно навязать обществу. И лучший дизайн, лучшая система этих общественных институтов, это те, где сигналы сверху проходят. Проходимость этих сигналов быстрая, и эти сигналы выполняются. Вот такое абстрактное, несуществующее, неживое, бюрократическое общество – так он себе представляет эти самые реформы. Это органическое неприятие и политическим классом, и президентом идеи органического роста общества, органического формирования институтов. Вот, например, муниципальная реформа, которая к великому нашему счастью, по видимому, в том виде, как ее запланировала президентская администрация, не состоится. Это была грандиозная идея перекройки всех округов с их внешними элитами, властными кланами, бюджетами, экономическими связями и т.д. То есть, на много лет это была бы тотальная национальная катастрофа, если бы такую схему попытались внедрить. Точно такая же схема была внедрена при реформе правительства. Но вот этот дизайнерский подход, социально-инженерный подход к реформированию отличался в первом сроке и во втором. Для первого срока была характерна попытка структурировать каким-то образом и гражданское общество. И эта идея заключалась в том, что можно создать влиятельную демократическую оппозицию. Президентская администрация искала возможный вариант создания такой партии, не надеясь больше на СПС и «Яблоко». И в частности, был такой момент, очень важный для нас, когда было решено попробовать – а нельзя ли создать такую карманную послушную партию из неправительственных организаций? Вначале была выдвинута идея создания Гражданского Форума, идея созыва абсолютно всех неправительственных организаций со всей

страны и создание некоей палаты общественной или какого-то такого института. Но потом власти натолкнулись на тот факт, что существуют независимые влиятельные общественные организации, которые сопротивляются этому решению. Организации настолько авторитетные, что без них вся идея создания некоей структуры гражданского общества, которая могла бы потенциально перерасти в партию – лишена смысла. Какое-то время продолжалась такая игра между властью и неправительственными организациями. Для нашего российского гражданского общества это был вопрос принципиальный. Если раньше диссидент был отрицанием связей между государством и гражданскими союзами и гражданскими организациями, то здесь встал вопрос – можно ли сотрудничать с этим государством? Для критически настроенных организаций это был вопрос – можно ли этому государству доверять, и как с ним сотрудничать? В конце концов, было принято решение, что можно сотрудничать, нецелесообразно, нерационально возвращаться к диссидентству. Но можно поставить условия, на которых можно было бы сотрудничать. Эти условия примерно были такими – на равных. Власть выступает не через подставных лиц, а напрямую участвует в Гражданском Форуме, и Гражданский Форум – это будет сумма переговорных площадок. Это будет площадка, где договариваются об условиях переговоров между государством и неправительственными организациями. Это была совершенно новая идея и новый подход. В том числе была площадка по Чечне, по военной реформе и т.д. И какое-то время эта идея, если и не была целиком успешной, но, в общем, все-таки движение шло в этом русле. Потом наступил перелом. Этот перелом был связан сначала с делом «Юкоса» и арестом Ходорковского, а затем с результатами выборов. И сейчас в последнем послании президента мы уже слышали о правозащитниках, которые кормятся из руки западных фондов, кусают руку своего собственного государства и т.д. То есть, вот этот медовый месяц кончился. Кончился точно так же и медовый месяц, который был во взаимоотношениях с бизнесом. Тот же самый конструктивистский подход. Были созданы три группы – «Российский союз промышленников и предпринимателей», «Деловая Россия» и бизнесы разного калибра – такие корпорации, которыми можно было

управлять. Эта схема с арестом Ходорковского рухнула, потому что крупный бизнес занял не лучшую позицию, не самую мужественную. А власть выиграла очень многое – поддержку населения, потому что для них олигархи – это красная тряпка, собственность на природные ресурсы – это нечто неприемлемое и т.д. В новый срок вступаем с плохо структурированным бизнесом, идет какой-то торг, возможности государства играть на противоречиях и манипулировать общественными процессами резко увеличились. Безусловно, ослабла роль гражданского общества, и произошло не то, чтобы усиление государства, я не говорю об усилении государства, а произошло огосударствление всей жизни. И поскольку вот эта затея с организацией новой оппозиционной цивилизованной партии и сетевых организаций неправительственного сектора лопнула, то стали искать других. И новый вариант оппозиционной партии в этой структуре – это так называемые новые правые. Новые правые – это организация националистического толка, такая, какой у нас еще до сих пор не было и которая, если она развернется и будет успешной, то, конечно, очень сильно повлияет на общественную жизнь. Я хочу подчеркнуть возросшую роль государственной власти во всех сферах жизни.

И последнее, что я хотела бы сказать в этой области – это рост национализма. Но нужно отличать политический национализм, национализм Рогозина, Затуллина, Ивашова, который поддается контролю и который, с моей точки зрения не так уж и опасен, потому что Затуллин – фигура маргинальная, и все понимают, что там корыстные интересы. Рогозин в открытую говорит, что против президента он не пойдет, потому что президент его работодатель. Это – управляемый человек. Но есть новый игрок в этой националистической игре, все более весомый и антимодернистский. Это – русская православная церковь, которая играет очень обдуманную самостоятельную роль по отношению ко всем непризнанным государствам – Балканы, Приднестровье и т.д., у которой есть свои идеологи и свои структуры. Идеологи типа Натальи Нарочницкой, сопредседателя Всемирного Русского Собора, которая вообще погружена в XIX век и в этом XIX веке существует. И, наконец, самый страшный слой национализма – это бытовая ксенофобия. Это слои

молодежи, которые в известной степени пали жертвой Афгана, Чечни. Или бытового национализм, связанный с появлением торговых народов на рынках России. И тут никто не разбирает – абхаз или грузин. Тут просто ксенофобия по отношению ко всем кавказским народам, народностям. Субкультура насилия с таким сильным фашистским оттенком. Это, в общем, рабочая среда, это молодежь из рабочей среды, у которой в результате реформ была разрушена система прежнего самоутверждения. Если раньше ручной труд был солью земли, то теперь те люди, которые вышли наверх и разбогатели, с точки зрения этих слоев, не обладают особыми достоинствами. «А почему они, а почему не я? Я не хуже». И вот эта культура насилия, то, что мы регулярно, каждый день видим по телевизору, в кино и т.д. – это страшная подкладка массового национализма. И теперь, исходя из сказанного – три пункта о влиянии на внешнеполитический контекст. Первое. Это было очевидно в последнем послании президента. Там ничего о Грузии нет, там вообще нет даже разговора о роли крупных регионов – о Кавказе, о Средней Азии. Общая тенденция – приоритет СНГ. Казалось бы, старый тезис со времен Козырева. Но теперь этот тезис выглядит по-другому. Экономическая экспансия. Эта идея была осмыслена и оформлена очень неудачно Чубайсом, который выдвинул свой знаменитый тезис о либеральной империи. То есть, в его понимании – это покупка, приобретение главным образом энергетики, различных видов углеводородного сырья и инфраструктуры с тем, чтобы получить экономический контроль, не политический, не затрагивая суверенитетов стран на постсоветском пространстве и интересов правящих политических элит. Экономический контроль, который позволил бы из государств Южного Кавказа экспортировать электроэнергию, газ, нефть в Европу. Но я хочу подчеркнуть, что мы сейчас имеем совершенно четкую концепцию. Корпорации, которые будут осуществлять эту новую концепцию внешней политики России – это будет концепция государственная. То, что было сделано в последние дни с «Юкосом», сообщение, что не будет объявлено банкротство при условии, что акции будут проданы государству или кампаниям, одобренным государством, очень хорошо показывает смысл происходящего. А сегодня Фрадков заявил,

что он считает, что нефтепроводы не должны быть частными. И вот я думаю, что мы все гадали по поводу ареста Ходорковского, мы думали, что может быть недовольны прозрачностью, его политическим кредо, тем, что он финансировал оппозиционные партии. Я думаю, что, наверное, не последнюю роль сыграло его несогласие по поводу североευропейского нефтепровода и желание проложить нефтепровод в Китай. То есть, его бизнес вышел из внешнеполитического подчинения государства. Более того, Путин при всем лаконизме его послания, сказал, что инфраструктура экономическая в России еще очень долго останется государственной. Вот это огосударствление в политической сфере к нему еще и прибавляется усиление роли государства в экономике и через экономику во внешнюю политику. Вы знаете, как это выглядит в Грузии, как это происходит в Армении. Это покупка Разданской электростанции, Разданского каскада. Это покупка атомной электростанции, это переговоры по погашению суверенного долга Грузии РАО ЕЭС и т.д. Сейчас идут такие же массовые покупки в Таджикистане, на Украине, попытка взять хотя бы в аренду какую-то собственность в Белоруссии. Это номер один, с чем вам придется столкнуться. Это совершенно новая выявившаяся черта внешней политики. Второе. При всем при том США остаются, конечно, абсолютно ведущим партнером. И то, что Россия пытается сделать с инфраструктурой, с покупкой собственности – это, по сути дела, процесс превращения в региональную державу, процесс, который должен получить благословение Соединенных Штатов. Поэтому я думаю, что здесь патовая ситуация. Ни у России, ни у Соединенных Штатов недостаточно ресурсов для того, чтобы в одиночку контролировать Кавказ. Здесь будет постоянное балансирование, постоянные компромиссы. И все, что здесь будет происходить, будет происходить с обоюдного согласия. А, следовательно, возможность здесь свободной игры мелких партнеров будет минимальной.

И еще одна последняя вещь. Я думаю, что мы очень сильно почувствуем, что существует неразрывная связь между всеми непризнанными государствами. Пока это была связь очевидная и латентная. Я всегда рассказываю о том, как была в кабинете у так называемого министра иностранных дел Южной Осетии. Входим мы в ма-

ленькую коморочку, стоит железный сейф и на сейфе – портрет Караджича. Уже сейчас Южной Осетии обещает помощь Приднестровская республика. Они уже заявили о том, что пришлют поддержку, и казаки уже заявили и т.д. Я думаю, что это будет чрезвычайно важный момент, с которым будет считаться русская внешняя политика, или российская внешняя политика и с которой должны считаться все участники этой ситуации.

ДИСКУССИЯ

Александр Скаков – Как вы видите особую роль или активность российской православной церкви? Более православная Южная Осетия подчиняется не РПЦ, а греческой церкви, поскольку РПЦ отказалась окормлять Южную Осетию. А второе – это маленькая поправка. АЭС в Армении не была куплена Россией и не была продана России. Россия ее не покупала.

Марина Павлова-Сильванская – Я Вам покажу, где я это читала. Я ведь не сказала, что православная церковь играет роль в Абхазии или в Южной Осетии. Я хочу сказать, что с того момента, когда началась игра с непризнанными государствами, это были сначала дни славянской культуры. Когда поставили памятник Кириллу и Мефодию на Старой площади, там бывали Затулин, Мигранян каждый раз, когда собирались в дни славянской культуры, тогда же бывали и крестные ходы. Это собрание, куда приезжали болгары, греки, представители Кипра, румыны. И все это финансировала православная церковь. И вот эта идея сейчас ушла куда-то больше в сторону панславизма. Последняя такая встреча уже шла под знаменем панславизма. Но тогда это был совершенно определенно выраженный пояс с юга, с выраженными материальными интересами в Абхазии. Затулин там развивал какую-то идею курортного поиска на юге. И в эту игру играло православное братство, «Союз православных граждан», они были очень активными. Посмотрите материалы публикаций Сретенского монастыря – это центр вот этой «патриотической» идеологии. Православная церковь всегда была законопослушной и го-

сударствопослушной. И раз православная церковь здесь играет очень важную роль, важно, как она отреагирует, если у государства здесь появятся свои собственные интересы. Возможно, что она подчинится этому. Но влияние церкви на политику государства, культурную и внешнюю – очень сильно.

Владимир Захаров – Я хочу внести какую-то ясность по поводу роли православной церкви в абхазском конфликте. Дело в том, что еще в 1993 году православные абхазы обращались к русской православной церкви и, в частности, к патриарху, я просто присутствовал при этом, с просьбой дать в Абхазию архиерея. Но Алексей II официально заявил, что он никого туда не даст, потому что Абхазия является территорией Грузии и находится в религиозном подчинении под католиком Грузии. Это первое. То, что есть русские православные священники, которые сами по своей личной инициативе приезжают в Абхазию, совершают какие-то обряды – это их личная инициатива. Но русская православная церковь официально никого туда не послала – ни священников, ни тем более архиерея.

Реплика – Но очень много русских православных организаций, которые в Абхазии играют очень плохую роль... (не слышно).

Владимир Захаров – По поводу Союза православных братств, то он практически разгромлен. Разгромлен митрополитом Кириллом уже несколько лет назад. Была запрещена деятельность православных братств, и все братства были распущены. Союз остался, и его возглавляют люди далеко не лучшей православной ориентации. Как сейчас действуют те православные абхазские братства, которые существовали в 90-х годах, я не знаю. Потому что сейчас этот Союз православных братств превратился в маломощную организацию. По распоряжению патриарха председатель союза православных братств игумен Кирилл подал прошение о снятии с себя статуса председателя братства, и сейчас союз возглавляют простые гражданские лица.

Батал Кобахия – Мы здесь говорим о большой политике. Но я хотел бы к вам обратиться как к представителям правозащитных орга-

низаций, как я понял, в основном присутствующие представляют именно такие организации. Вот вы говорите, что условия в России такие, что проводимые реформы способствуют тому, чтобы развивался не патриотизм, а национализм. И это как-то влияет на внешнюю политику России. Все, что происходит за пределами России, освещается в средствах массовой информации очень активно. Российское телевидение большую часть своего времени уделяет тому, что происходит за пределами России – либо на Южном Кавказе, либо в Центральной Азии. А как вы реагируете на это? Как вы думаете, легко будет жить в России, если вы, граждане своего государства, будете безучастны к внешней политике России? Это, в принципе, можно понимать как потакание той политике, которую Россия проводит после развала Советского Союза. Конечно, у вас большие обязательства, вы представители большого народа, вы представители большого государства. Как гражданское общество, как правозащитные организации все-таки влияют на формирование иного взгляда России на то, как должны происходить процессы в уже отколовшихся признанных или непризнанных государствах? Мы очень редко слышим ваш голос, к сожалению. Мы часто слышим бытовую ксенофобию. Рогозины и Затулины к нам приезжают. Но к нам не приезжает «Мемориал». Силком Гришу Шведова притащил в прошлом году. Даже «Мемориал» считает, что если Абхазия непризнанное государство, то вопросы, связанные с правами человека сегодня не могут рассматриваться, это должно быть в рамках Грузии. Каково ваше отношение к такому подходу, как вы могли бы влиять на этот процесс? Извините, но и на вас ложится этот груз в какой-то степени.

О православии не говорю, потому что это миф о его большой роли в политической жизни Абхазии. Это не тот фактор, который можно было бы обсуждать.

Марина Павлова-Сильванская – Я затрудняюсь удовлетворительно ответить вам на этот вопрос, потому что я уже лет семь или восемь бесконечно твержу, что вопросами внешней политики мы тоже должны заниматься, что это тоже часть гражданской позиции. Но так вышло исторически, что правозащитники сфокусированы на

другом... У нас была одна встреча с Элизабет Вебер, где она рассказывала о том, как пришла к пониманию важности внешней политики. Как-то потихоньку это пробивается, но все-таки, что касается Кавказа, самый большой пример – это Кавказский узел. Кавказский узел – свидетельство того, что нам совершенно не безразлично, что там происходит. Но, может быть, там Чечня занимает центральную роль, самые драматические события происходят в Чечне.

Манана Гургулия – Первое, что касается православной церкви, я тоже не буду вдаваться в какие-то подробности. Мне кажется, что здесь есть какое-то извращенное представление о том, что происходит в Абхазии, и какие силы играют роль. Все-таки, определяющую роль там играет Сухумо-Абхазская Епархия, а не какие-то дватри человека, которые приезжают из России или какие-то братства, которые приезжают или уезжают, поэтому я здесь не вижу никакой серьезной опасности. Это первое. И второй момент. Несколько раз на нашей встрече об этом говорилось. Очень часто абхазов попрекают тем, что к ним приезжают одиозные личности, называются те или иные имена. Но вы знаете, ни природа, ни политическая жизнь не терпит пустоты. И когда есть какая-то пустота, то она заполняется. Так получилось, что в кризисной ситуации, когда больше всего Абхазии необходима была поддержка, а поддержка ей была необходима, потому что была война, а собственно и сейчас мы живем в условиях не постконфликтной, а всего лишь поствоенной ситуации. И это достаточно неприятное положение. В этой ситуации появляются те или иные политические силы, которые ведут разговор и с политическими силами в Абхазии, и с населением Абхазии. Можно по-разному оценивать роль Рогозина и его визита. Но, по крайней мере, только из его уст какая-то часть абхазского населения услышала понимание тех проблем, которые у них есть. И они не виноваты. Население не виновато в том, что распался Советский Союз, в том, что разрушать политические системы легче, чем создавать новые. Оно не виновато в том, что наше государство сегодня не признано. И появилась вот одна политическая фигура, которая признала эти проблемы и дала людям, пусть мифическую,

иллюзорную, но веру в то, что какие-то проблемы решатся. Но я думаю, что ничего сегодня не мешает другим политическим силам, которые есть в России и которые, может быть, более либеральны или прогрессивны, менее консервативны, как хотите, называйте, определять их политическую окраску не моя задача. Им ничего не мешает приехать в Абхазию и на месте узнать, что там происходит. Потому что все, кто приезжают, говорят: «Мы приехали с ознакомительным визитом». Так вот, приехать в Абхазию с ознакомительным визитом другим политическим силам ничего не мешает и узнать, что там происходит, какая там ситуация, какие там проблемы. Если не предлагать каких-то решений, по крайней мере, достаточно громко говорить, что они думают по этому поводу. А то такие краски используются при описании того, что у нас происходит, иногда в таком одиозном свете все представлено, что совершенно не соответствует действительности, и это, честно говоря, несколько обидно.

У меня вопрос к Марине Павловне. Вы в качестве одного из факторов назвали возможность объединения непризнанных государств и привели жуткие примеры с портретами Караджича и т.д. Сколь Вам действительно серьезной представляется вот эта сила и возможность создания какого-то там политико-военного союза между непризнанными государствами? Ведь ситуация была такова, что никакие непризнанные государства никак не могли бы оказывать друг другу военную помощь, если на это не закроют глаза признанные государства? Сколь реальна угроза?

Марина Павлова-Сильванская – Я считаю, что серьезный вопрос даже не объединение, а создание любого прецедента. Это проблема общемировая. Тут я думаю, что не приходится рассчитывать на успех, потому что прецедент на Кавказе – это Каталония, это еще что-то другое. Это проблема изменения международного права.

Манана Гургулия – А Балканы в таком случае? Там не меняется международное право?

Марина Павлова-Сильванская – Ну, как вы понимаете...

Манана Гургулия – Почему одним можно, а другим нельзя? Почему в одном случае смена международных стандартов, правовых норм признается возможной, а в другом нет?

Марина Павлова-Сильванская – Республика Сербска в таком виде, в каком она возникла, не была признана международным сообществом. Были признаны единицы распада первого порядка. Так же, как здесь республики, так же там были признаны республики Югославии. А республика Сербска нет.

Арда Инал-Ипа – Они ведь защищаться собираются от военной агрессии. Вас бы озаботила эта защита?

Марина Павлова-Сильванская – Разумеется. Я не говорю о союзе. Но появление в Южной Осетии каких-то вооруженных формирований из приднестровской республики, конечно, меня пугает такое развитие событий.

Николай Митрохин – Я несколько слов хотел сказать, заканчивая православную тему. Поскольку мне это по сердцу... В настоящее время, насколько я понимаю, в Абхазии находится примерно 12 священников, принадлежащих к Сухумской епархии. Из них трое были рукоположены грузинской православной церковью. Восемь человек соответственно были рукоположены кем-то другим. Сделать это может только епископ. В Абхазии епископа нет. Значит, рукоположены они были, и об этом официально признает отец Виссарион Аплиа, который возглавляет сейчас абхазскую церковь, епархиальным Советом Майкопской Епархии русской православной церкви. Это не какие-то люди, которые случайно туда приезжают и что-то совершают. Это – люди, которые там находятся на постоянной основе, включая настоятеля крупнейшего Ново-Афонского монастыря, который, по известным мне сведениям, насчитывает до ста человек – монахи, послушники и т.д. Это первое. При этом отец Виссарион Аплиа публично заявляет о том, что он поддерживает личные, неформальные отношения с патриархом Московским, когда приезжает Москву, равно как имела встреча с грузинским патриархом в 2003 году.

Батал Кобахия – Эта встреча не состоялась. Она имелась в виду, но она не состоялась...

Николай Митрохин – Как это не состоялась? Она очень даже состоялась и есть подробности этой встречи и с той и с другой стороны. Могу отослать к интервью отца Виссариона «Независимой газете». И отец Виссарион требует присоединения пасторского окормления легально не русской православной церкви вообще, а конкретно Майкопской епархии. Я уже не говорю про свои собственные впечатления, когда я видел в Майкопе, как приезжали люди из Ново-Афонского монастыря и находились в деловых контактах с епархией. Это как бы официальная линия.

Второе. Неофициальная линия – это десятки, сотни, возможно тысячи православных людей из России и Украины, которые проникнуты психологическим ожиданием, они ожидают близкого и скорого конца света. Они еще с 50-х годов видят именно Абхазию в качестве места, где они будут спасаться, то есть, места, где они будут дожидаться этого конца. И многие из них живут сегодня на территории Абхазии.

На одном из мероприятий, которые устраивал фонд Белля, выступал вполне известный московский религиозный деятель, который постоянно находится в Абхазии. И он сидит там с 50-х годов и ждет конца. И таких много. Это просто самая известная фигура. И эти люди, которые реально влияют на российские радикальные православные круги и поддерживают с ними самые разные контакты. И это неформальное влияние на позицию русской православной церкви, о котором тоже нельзя забывать.

Нателла Акаба – Я уже довольно пессимистично смотрю на возможности обратить на Абхазию внимание российских правозащитников, потому что у меня довольно печальный опыт, хотя и довольно долгий. Но это, конечно, их право и никто не может настаивать на этом. Но мне кажется, что все-таки, российские демократические круги и российские правозащитники должны более реально осознавать, что конфликты на Кавказе взаимосвязаны. И Чечня, и все, что не дай бог может произойти на Северном Кавказе – это все может

быть связано и с конфликтом вокруг Абхазии и с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха. Мне кажется, что это такая несколько инфантильная позиция. Что касается Караджича, то в Абхазии у него нет поклонников, и ни в одном высоком кабинете вы не увидите ни Караджича, ни Милошевича. И можете, не опасаясь, приезжать и это не осквернит ваше пребывание. Но дело-то в том, что было бы хорошо, если бы гражданское общество в Абхазии ощущало какое-то внимание со стороны российских правозащитников, потому что пока что мы очень активно сотрудничаем с европейскими неправительственными организациями, может быть в меньшей степени с какими-то официальными институтами. Но мне, например, было приятно, что в Брюсселе на конференции, где я недавно присутствовала, прозвучала лестная для меня оценка того, что в Абхазии все-таки заметен процесс формирования демократических институтов. Этим она выгодно отличается от Приднестровья и уж, конечно, очень сильно отличалась от Аджарии на тот период, когда состоялась эта конференция. Не знаю, что сейчас происходит в Аджарии. Мне кажется, что нужно как-то избавиться от стереотипов и немножко по-другому взглянуть на то, что происходит в Абхазии.

Александр Соколов

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПОДХОДЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ СИЛАМИ

Название этого доклада очень большое. На самом деле было очень сложно определить – что реально является теми подходами, которые предлагает российская власть. Или что такое вообще российская власть в российско-грузинских отношениях и чем она отличается от тех общественных сил, которые существуют у нас в стране и с одной стороны давят на Кремль прямо, либо как-то проявляют свои интересы в другой, публичной активности. Конечно, ни один объективный наблюдатель не станет отрицать роли России в ситуации в Грузии. Понятно, что последнее союзное руководство в 80-х годах использовало регионально-этнический сепаратизм в Грузии как средство политического давления на Грузию. Это общепризнанный факт. И поддержка союзным руководством самопровозглашенных республик в Южной Осетии и Абхазии было, безусловно. Но этот инструмент после распада Союза оказался в какой-то момент без хозяина. Российское руководство после распада пыталось его использовать, но использовало его все время непланомерно, случайно. И единой выстроенной политики России невозможно было определить. Это было во время правления Ельцина, и, надо сказать честно, что практически весь прошедший период путинской России. Собственно говоря, пытаюсь определить какое могло быть отношение к проблемам в Грузии, можно, например, остановиться на определении Вячеслава Никонова, который говорил, что «отношение к грузинским проблемам в России – это маргинальная проблема». И очень часто проблема отношения к Грузии воспринимается как производная каких-то внутренних проблем. Какие же собственно внутренние проблемы, внутренние цели России? Первая цель, о которой упоминала Марина Павловна, это реально существующая или же просто только ощущаемая многими политологами, угроза потери стабиль-

ности на Северном Кавказе. Про потерю стабильности на Северном Кавказе нам говорили уже, по крайней мере, больше десяти лет. Безусловно, война в Чечне – это, несомненно, яркое проявление, но общего процесса дезинтеграции на Северном Кавказе мы до сих пор не наблюдали. Тем не менее, эта страшная угроза всегда остается как одна из реальных опасностей для многих наших политологов. И через нее рассматриваются проблемы в Грузии, в Азербайджане. Это первое. Вторая вещь, которую тоже можно выделить как некую отдельную цель тех, кто создает политику – это удовлетворение их имперских амбиций. Безусловно, многие люди, которые реально решают, как будет действовать власть в нашей стране, сохранили определенные имперские амбиции, которые были и раньше. Может быть, это не на сознательном уровне, но, тем не менее, это так. У великой страны сохраняется роль региональной державы, которую начинает в последнее время принимать Россия, и для них эти рамки явно кажутся тесными. Поэтому, наверное, все время так яростно встречались попытки активной политики Соединенных Штатов в Грузии, потому что мы унаследовали от Советского Союза представление о том, что Соединенные Штаты являются основным противником.

И последняя, побочная цель, но о которой, тем не менее, постоянно вспоминают – это контроль за транзитом через территорию Грузии. Для решения этих целей предлагается четыре пути, четыре позиции, которые российская власть хотела бы реализовать относительно Грузии. Первый вариант – это сохранение фактически статус-кво. То есть, слабая Грузия, которая погружена в свои проблемы. И есть множество разнообразных оценок. Насколько я помню определение Караганова – «Грузия как павшее государство». То есть, Грузия, которая уже во многом не контролирует свои государственные механизмы. И это представление, которое действительно реально существует в России. Грузия уже изменилась, но эти представления сохраняются. Второй подход – диаметрально противоположный. Для обеспечения безопасности Северного Кавказа надо иметь сильного соседа, некоего сильного лидера, который контролирует Грузию и с которым можно решать возникающие проблемы. Эта идея периодически реанимировалась, но я думаю, что приход Шеварднадзе и в какой-то момент его поддержка

– это была надежда на то, что Шеварднадзе может начать контролировать Грузию. И это оказалось абсолютно не так. И третий подход, который основан на позиции, что ситуация в Грузии нестабильна настолько, что любые усилия, которые может предпринять Россия по стабилизации ситуации все равно пропадут втуне. И единственное, что может сделать Россия – либо уйти вообще, либо поддерживать тех, кто ищет ее поддержки. И последнее. Он в принципе существует как вариант, но это скорее чисто популистский вариант, который предлагает КПРФ. Это решать национальные проблемы Грузии через идеи воссоздания союзного государства. Понятно, что это чистый популизм, и это абсолютно нереально. Но эта идея, выдвигаемая крупной политической партией, электорат которой сильно ностальгирует по Советскому Союзу, тем не менее, достаточно эффективна именно как чисто пропагандистская.

Возвращаясь в первому варианту. Этот первый вариант с Грузией – как слабой Грузией, которая погружена в свои проблемы – долго устраивал российские власти. Собственно говоря, какой-то специальной политики от Москвы в такой ситуации просто не требовалось. Что-то происходило в Грузии, из России следовал грозный окрик. Его слышали или не слышали, им возмущались или не возмущались, но какой-то системной политики от Москвы не требовалось. Москва шла за процессом в такой ситуации. И эта ситуация, когда с одной стороны Соединенные Штаты оказывали поддержку Грузии, и с другой стороны из России было постоянное давление, вызывало постоянные трения не только с Грузией, но и с Соединенными Штатами. И, понятно, что в конце концов такая ситуация должна была так или иначе разрушиться, учитывая общую перемену позиции России в мире. По-видимому, признание нашим руководством неравноценности экономической мощи наших стран и то, что Россия удовлетворяется позицией региональной державы, являются базисом, на котором возможно сотрудничество между Соединенными Штатами и Россией. И собственно говоря, последние события в Грузии, когда русская дипломатия не выступила резко против американцев, не заняла антиамериканскую позицию, а фактически только помогла, вся эта ситуация дает некоторые основания для оптимизма. С другой стороны, этот вариант

выгоден и всем остальным участникам процесса. Если исключается резкая ожесточенная борьба между Россией, Америкой и Грузией, то возможно сотрудничество. Наверно, поэтому в последнее время в прессе появилось несколько высказываний, которые говорят о том, что роль России на Кавказе, наконец, начинает постепенно увеличиваться. Соответственно совершенно по-новому звучат и высказывания из Москвы. Россия заинтересована в том, чтобы Грузия была сохранена и прекратила быть больной страной в подбрюшье России и всего Закавказья. Министр Иванов пытается помочь в событиях в Тбилиси. Активное экономическое вмешательство, которое идет в Грузию. В общем, это какие-то основы для того, чтобы перейти от попытки решения задачи как сохранения нестабильности на второй вариант, когда в Грузии ищется сильный лидер. Дальше идет гадание на кофейной гуще – когда говорят о личных симпатиях президентов, что наш президент понравился их президенту, и они как-то улыбнулись друг другу. Но, тем не менее, действительно, такие сигналы встречаются не только в грузинской прессе, как я знаю, но и в российской. По мнению Алексея Малащенко – эксперта международного Центра Карнеги, в будущем на две трети позиция будет основываться на разуме – стремлении к сотрудничеству. Я думаю, что Путин к этому готов. На одну треть эта позиция заключается в том, что мы увидели во время декабрьских выборов в Думу, в имперском подходе. Но, естественно, что эта новая линия, что этот новый подход разделяется не абсолютно всеми в России. Наверное, наиболее ярко противостоит этому подходу консервативная группа, которая говорит устами Рогозина, Затулина. В принципе, можно говорить о том, что их позиция сейчас стала, может быть, еще более крайней как бы в противовес действиям Кремля. Выдвигается идея каких-то резких консервативных шагов. И, наверное, с этим связано последнее заявление южноосетинского парламента о возможности присоединения к России, и та реакция в государственной Думе, которая была на эти заявления. Вы слышали, наверное, про заседания трех комитетов 10 июня. Это были заседания комитета по международным делам СНГ и обороны и безопасности. Стенограммы еще нет, заседание было закрытым. Но, по словам тех людей, которые участвовали и которые по-

пали в прессу, практически все участники этих слушаний, настаивали на жестком подходе со стороны России. Но в чем конкретно будет выражаться эта жесткость, никто договориться не мог, потому что каждый предполагал жесткость по-своему. Что любопытно, что приехавший на эти слушания министр иностранных дел России накануне был на совещании в Кремле, где проходило ровно такое же обсуждение уже представителей ведомств. И опять-таки обсуждались ровно те же проблемы. О чем это может говорить? О том, что до сих пор не выработана единая политика. Основная идея этого жесткого подхода заключается в том, что в случае насильственных действий Россия не может оставить своих граждан на территории Грузии без защиты. И поэтому соответственно Россия всячески должна предупреждать грузинское руководство от опрометчивых шагов. Это общее мнение, которое высказывалось на слушаниях в Думе. И судя по всему никакого конфликта с мнением министра иностранных дел у этой позиции не было.

Есть еще один принципиально важный момент, про который сегодня начали говорить. Россия ни в коем случае не заинтересована в начале конфликта. Для обеспечения стабильности на Северном Кавказе необходим мир. И, понятно, что если начнутся какие-то вооруженные действия в Южной Осетии, очень велика вероятность того, что Северная Осетия будет официально, а еще более вероятно неофициально оказывать помощь Южной Осетии. В какой форме это будет – непонятно. Будут ли это добровольцы, либо это будет уже идущее усиление североосетинского батальона в составе миротворческих сил? Но, возможно, так же, как в случае с Абхазией возможно привлечение каких-то добровольцев из других частей Северного Кавказа. Но следующий шаг, который будет абсолютно неизбежен после этого, что эти добровольцы вернутся домой. И это является кошмаром для России. Я не хочу говорить о том, что это обязательно будет сознательная помощь. Но, возможно будет очень мощный дестабилизирующий фактор. Соответственно, очень маловероятно, что московское руководство и кремлевское руководство согласятся рискнуть стабильностью на Северном Кавказе и как-то еще более агрессивно действовать в отношении грузин.

ДИСКУССИЯ

Валентин Гефтер – Прослушав два российских доклада и особенно вопросы после Марины Павловны, я понял, что не от лица аналитиков, которые сейчас оба выступали, а от действующих правозащитников можно будет немножко дополнить. Тем более, что и Нателла, и Батал спрашивали – а где же мы? Поэтому я не буду анализировать, тем более что Марина Павловна очень подробно рассказала вам о взаимоотношениях гражданских организаций и власти в России. А я хотел сказать о том, что мы за эти годы могли и чего не могли сделать в южно-кавказском направлении. Я буду говорить о реальной правозащитной работе в узком смысле слова, я не говорю за весь третий сектор, даже за «Кавказский узел», представленный здесь Шведовым. Я видел за эти годы только два живых направления в моем обзоре. И первое направление связано с проблемами политзаключенных на Южном Кавказе. В первую очередь, это, конечно, Грузия и Азербайджан. Тут мы тесно сотрудничали в Азербайджане и продолжаем сотрудничать с местными правозащитниками и как-то пытались вместе влиять на эту ситуацию. А в Грузии работали почти в одиночку, благодаря усилиям Ковалева, и через его присутствие в парламентской Ассамблее Совета Европы. Мы ему немножко помогали. Но это все в прошлом. Хотя думаю, что какое-то присутствие и маломальское влияние во времена среднего Шеварднадзе мы оказали. А что касается еще одного направления работы, то я знаю, что это активная работа Светланы Ганнушкиной вместе с немцами и азербайджанскими и армянскими коллегами и госструктурами этих стран по обмену и вызволению, скажем так, карабахских военнопленных. Так что, вам это тоже рассказывать не надо. Вот такая конкретная работа российских правозащитников. Может быть, были еще миротворческие инициативы, но такие конкретные проекты или усилия мне самому больше не известны. Хотя не могу сказать, что мы забыли в трудные времена про Южный Кавказ.

Теперь про влияние. Вот вы спрашивали – мы не знаем, есть ли у вас какие-то возможности влиять на российскую государственность в обсуждаемом вопросе. Но я думаю, что Марина Павловна вам объяснила, что если она и была, то она исчерпана полностью с точки зрения

наших контактов с властью. По крайней мере, думское направление и направление окольное через ПАСЕ, то есть, тоже через Думу в конце концов, полностью для нас закрылось в декабре, и тут мы вам ничего обещать не можем. Если раньше мы хоть могли сказать, что хотя бы попробуем, то теперь и того нет. Осталось, собственно, две вещи. Одна из них для меня принципиально важная. А другая просто поясняющая. Я сам и со Светланой Ганнушкиной пытаюсь уже в течение года-двух возбудить комиссию по правам человека при президенте, это звено администрации президента на тему – права человека в СНГ. Абсолютно глухо, потому что сама по себе эта структура не очень мощная, а к тому же еще и МИД, и люди, отвечающие в администрации за внешнюю политику в СНГ, ее как говорится, и в упор не видят. Хотя проблема острая и проблема, требующая обновления в плане конвенции по правам человека СНГ. К сожалению, в наших странах почти никто уже не помнит о том, что в 1993-95 годы конвенция зародилась, но не ратифицированная почти умерла в зародыше. Или, по крайней мере, где-то там латентно пребывает. Хотя я только что, встречаясь с украинскими и белорусскими коллегами, а до этого и в Центральной Азии, увидел, что при всех сдвигах, которые произошли за последние годы, этот инструмент мог бы служить объединению на новой основе нашего правозащитного сообщества. Потому что это все-таки инструмент равноценного, равнозначного, совсем не имперского, а равностороннего, если не решения, то, по крайней мере, постановки вопроса, который во многом не решается властями наших стран. Насколько это реально? Вот я думаю, что у грузинских коллег стоило бы спросить – если ваше влияние на нынешнюю власть гораздо больше, чем наше, по крайней мере динамика другая, есть возможность поставить вопрос на высшем уровне, на уровне спикера и президента, то, может быть, стоит вспомнить про то, что такой инструмент в принципе есть? Или все будем бегать в Европу, в Страсбург или еще куда-то? А собственного механизма межгосударственной правозащиты вообще даже создавать не будем?

И, может быть, последнее – это болезненный упрек, который был со стороны Нателлы – а почему нас нет, по крайней мере, в Абхазии? В общем, и в Грузии тоже. Нас нет хотя бы как какой-то маленькой компенсации тому, что приезжают другие, с гораздо более мощными ресурсами, не только политическими, но и экономическими, и кото-

рые могут себе позволить и съездить и прозондировать и т.д. Думаю, что тут два ответа. Первый ответ – что у нас нет таких средств. Хотя, конечно, можно найти ресурсы для того, чтобы более или менее регулярно приезжать и в Грузию, и тем более в Абхазию для того, чтобы там присутствовать как некая общественная сила, даже не в смысле конкретной правозащиты. Это первое, это, конечно, наше упущение. И второе. Я считаю, что это дорога с двусторонним движением. По крайней мере, те мои приезды несколько раз в Грузию, в Абхазию я, к сожалению, не был, наталкивались на интерес со стороны грузинских НПО, но не более того. Ни о каких совместных долго действующих проектах ни разу речи не шло. Я это могу сказать и от имени себя лично и от «Мемориала». Нет, к сожалению, у нас вот этого взаимного движения. Без этого очень трудно. Когда нет конкретных проектов, то просто приехать и рассказать о том, что в России есть нормальные люди с нашей позицией, тоже немножко странно. Зовите, тогда будем ездить, если есть нехватка в нормальных россиянах. А вот мне бы хотелось, чтобы это были такие долго действующие, плодотворные и менее пропагандистские проекты.

Вот это все. Не знаю, ответил ли я на некоторое недоумение. Но я хотел дополнить то, что я говорил.

Вальтер Кауфман – Тут действительно были затронуты разные аспекты и проблемы. И Марина Павловна сказала, что в России и в других республиках Советского Союза, нет такого понимания, что внешняя политика – это тоже дело гражданского общества, что гражданское общество, НПО должны заниматься внешней политикой и не оставлять эту сферу аналитическим институтам и геополитикам. Мне кажется, что всегда, когда мы сталкиваемся с этими проблемами, то видим, что ими интересуются только некоторые аналитические центры. Правозащитники начинают истолковывать этот вопрос как исключительно геополитический. И я чувствую такой очень осторожный подход, он чувствуется даже на таких встречах, как эта. И, по-моему, есть еще один важный аспект, который стоит углубить. Тут, конечно, очень большая разница между Грузией и Абхазией. В Грузии, действительно, крайне сложно нам, посредникам, заинтересовать своих грузинских партнеров больше заниматься российски-

ми контактами, потому что они действительно говорят: «Мы и без вас знаем, что есть нормальные люди в России, но они ни на что не влияют. Мы можем и частным образом с ними встречаться, но все-таки, чтобы заниматься правами человека серьезно, нам лучше ездить в Страсбург, чем в какие-то снговские структуры и т.д.». А когда я бываю в Абхазии, мне говорят: «Мы столько раз обращались и столько раз интересовались, но нет никакого ответа от российских правозащитников». И там, конечно, ситуация совершенно иная, потому что там вся политика в какой-то мере ориентирована по понятным причинам на Россию. И вот визит Рогозина в Абхазию – совсем другое, чем визит Рогозина в Грузию. И тут есть некоторый, может быть, даже потенциал для диалога. Я просто хотел на это еще раз обратить внимание. Очень рад, что Валентин стал об этом говорить.

Юлия Харашвили – Если можно, я скажу от своего собственного имени. Мне очень хочется отреагировать на то, что сказал Валентин. Мне кажется, что я сейчас нашла в вашем выступлении одну из причин, почему у нас возникают сложности. Может быть, действительно, нужна какая-то проектная структура. Мы, к сожалению, привыкли в рамках проектов разговаривать. Видимо, это как-то дисциплинирует и какие-то обязательства накладывает. Потому что все всё хорошо понимают, все друг друга очень уважают, и ничего не происходит. Выйдя отсюда, скорее всего, всё так и останется. То есть, мы с Гришей договаривались об обмене информацией. Вот я один раз послала, и на этом кончилось, потому что я не чувствовала себя особенно обязанной. Вот сейчас, после того, как мы вчера разговаривали с нашими коллегами из Абхазии, я поняла, что то, что меня в российском телевидении просто раздражает, играет очень большую отрицательную роль. Там никто не знает о том хорошем, что произошло в Грузии, а вот каждое слово, которое где-то было сказано, даже в частной беседе, это все афишируется. К сожалению, над этим российские правозащитники не властны. Но, может быть, действительно стоило бы задействовать программу, в которой в обязательном порядке занимались обменом информацией, и была бы какая-то нейтральная сторона, потому что, наверное, есть какие-то основания не доверять информации, когда она передается только на двусторонней

основе. Хотя мы всегда стараемся честно информацию передавать. И я знаю, что коллеги тоже всегда честно стараются передавать, но свои оценки всегда присутствуют. Это – одна вещь. Второе. Мы, правда, очень мало знаем. Или стесняемся говорить, или не знаем, или не хотим говорить. В прошлом году осенью я представила заявление российских правозащитников, которые выступали в защиту лиц кавказской национальности. Было такое заявление, которое очень много уважаемых мной людей подписали в России. Потом я сделала такой маленький опрос. Спросила очень многих своих коллег – кто это заявление в Грузии читал? Очень мало, кто его читал и очень мало был знаком с тем, что российские правозащитники сделали какой-то шаг в защиту всех – не грузин, не армян, а именно всех лиц кавказской национальности, оскорбляемых регулярно. Скорее всего, это заявление реального воздействия не оказало, но это оказало бы большое воздействие на имидж России в наших глазах. Это важно, чтобы имидж России подтверждался хотя бы правозащитными организациями. То есть, то, что к России стоит апеллировать и стоит ее фактор как-то учитывать, а не действительно бегать только в Европу. Наверное, подобная информация к нам должна как-то поступать и главное – она как-то должна доставляться к людям. Если телевидение становится все более и более ангажированным, к электронной почте, скажем, к тем же правозащитным изданиям очень мало кто имеет доступа. Дайджест Кавказского узла был очень хороший, но я уверена, что его читало не так много народа, к сожалению. А люди, которые живут в регионах, вообще к этому доступа не имеют. А там тоже формируется общественное мнение. И вот об этом тоже хорошо было бы подумать. Я приведу очень маленький пример. Мы делаем с абхазскими коллегами уже много лет проекты миротворческих лагерей. Это, конечно, частная вещь, но я думаю, что это важная вещь, потому что это рассчитано на молодежь. И с прошлого года мы это решили делать с российскими коллегами, чтобы как-то пытаться воздействовать на мнение российской молодежи. И вообще заявить, что вот эти люди тоже с двумя руками и ногами, а не рогами. (Смех). Вы смеетесь, а у нас в журнале было письмо от девочки, которая писала: «Я узнала, что у этих людей нет рогов и что они с двумя руками и с двумя ногами». Это тот имидж, который со-

здают средства массовой информации. Но вот как мы сами столкнулись с этой проблемой лиц кавказской национальности. Мы решили организовать школу на территории России, в Кисловодске. И каждый день наших ребят надо было вытаскивать из милиции. И та организация, которая нам помогала из России, при всем своем желании ничего сделать не могла, потому что ее официальные власти не слушали. При этом организация была очень хорошего и высокого профессионального уровня. Вот если мы сможем на какие-то мелкие вещи начать влиять и что-то менять, если мы отсюда уйдем, договорившись о каком-то обмене информации, может быть, это что-то и будет значить.

Давид Бакрадзе – У меня комментарий к выступлению Александра. Я постараюсь несколькими штрихами со своей стороны дополнить тот очень квалифицированный анализ, который мы все слышали.

Касательно отношения России к Грузии – должна ли она быть сильной или слабой? Какая Грузия соответствует интересам России на Кавказе? Я совершенно согласен с анализом, просто я хотел бы добавить, что в начале 90-х годов, когда все это происходило, у России были абсолютно другие интересы по сравнению с концом 90-х годов. В начале 90-х годов Россия все еще себя видела конкурентом Соединенных Штатов Америки во всем мире в целом и старалась не допустить Соединенные Штаты Америки и Запад вообще на постсоветское пространство. Одним из механизмов недопущения Запада на постсоветское пространство было создание такого хаоса, который бы просто отпугнул Запад и заставил бы их поверить, что не стоит соваться в этот хаос, в котором «мы ничего не понимаем, давайте, пусть русские сами разбираются в своем постсоветском пространстве». Это был, наверное, один из стимулирующих факторов. И в случае с Европой этот фактор, к сожалению, сработал. Европейцев довольно напугал тот хаос, который был создан в постсоветском пространстве и, в частности, на Южном Кавказе после распада Советского Союза. Однако у американцев были интересы посолоннее. И они не отступили перед этим. Так что, в конце 90-х годов позиция и политика России изменились. И один из факторов, который резко изменил эту ситуацию, Александр не употребил этого слова, это тер-

роризм. Во-первых, появилась совершенно новая угроза относительно России и Америки. По-моему, российская политика осознала, что в мировом масштабе она не может конкурировать с американцами в плане ресурсов и распределения сил. Во-вторых, появились общие интересы. И общий интерес Америки и России в этом плане – это борьба с международным терроризмом. Вот этот фактор терроризма, по-моему, радикально должен изменить подход России к Южному Кавказу. Появился общий интерес у России и у американцев. Случай с Чечней, случай с Панкиси, очень ясно показал и доказал следующее. До тех пор, пока Грузия будет слабым государством, до тех пор, пока Грузия будет фрагментированной страной, в ней всегда найдется то или иное ущелье, которое может быть использовано международным терроризмом как задний двор для дестабилизации ситуации на южном фланге России. И единственный путь – решить проблему стабильности южного фланга России, не допустить терроризм на южный фланг России – это усиление Грузии. Только в том случае, если Грузия будет сильной страной, если она будет способна контролировать свои границы, если у нее будут сильные вооруженные силы, если она будет стабильным государством, контролирующим всю свою территорию, Грузия может гарантировать России, что южный фланг России будет стабильным и защищенным. По-моему, фактор терроризма как раз являлся одним из основных моментов, который привел к некоторому пересмотру российской политики. Из политики ослабления и фрагментации Грузии в последнее время намечается переход к новой политике, к усилению Грузии и становлению полноценного государства, которое может гарантировать стабильность южного фланга России. Говоря об усилении Грузии и становлении Грузии как полноценного государства, невозможно обойти проблему территориальной целостности. Тут встает определенная дилемма. Потому что абсолютно понятно, что за прошедшие 12 или 14 лет у российского политического истеблишмента возникли определенные обязательства и перед Абхазией, и перед Южной Осетией. И оба этих региона стали фактором внутренней российской политики, которые широко употребляются российскими политиками для внутривнутриполитической борьбы в России. Так что тут создается определенная дилемма – как обеспечить стабильность южного фланга

путем усиления Грузии, чтобы с другой стороны это не было понято как подавление суверенитета и подавление воли народов, проживающих в регионах Абхазии и Южной Осетии. Я сейчас не берусь предлагать выход либо вам, либо руководству России, но, по-моему, выход уже неоднократно предлагался и озвучивался российским руководством на различных уровнях – это модель федерализации Грузии. И мы уже часто слышали за последнее время эту идею. То есть, предоставление самых широких прав населению Абхазии в первую очередь и, может быть, более лимитированных прав населению Южной Осетии. Именно об этом шла речь совсем недавно на саммите большой восьмерки. Насколько мне известно из высказываний российского президента, в принципе для него была бы приемлемой как раз такая модель разрешения вот этой дилеммы. Так что, я не рискую говорить за российскую сторону, тем более, за президента России, но я просто хотел очень интересное выступление Александра дополнить двумя штрихами. По-моему, не упомянуть терроризм в контексте приближения и появления общих интересов у России, Америки и Грузии, по-моему, было бы просто некорректно.

Батал Кобахия – У меня сложилось впечатление, что вопросы я, видимо, задаю не в той тональности, и они воспринимается людьми, как осуждение. На самом деле, мой вопрос был не к правозащитным организациям России. Я вообще имел в виду представителей гражданского общества, то есть, людей мыслящих, людей правозащитного толка. Я не имею в виду только правозащитные организации. И, конечно, в общем-то, понятно, почему российские правозащитные организации или гражданские организации очень мало работают и очень мало сотрудничают с Абхазией. Вы все говорите, что есть определенная политика. Не первую и не последнюю роль в этом играют и доноры, например, фонда Белля или еще какого-нибудь фонда. Вот Вы, Валентин, говорите, что должно быть двухстороннее движение. При двухстороннем движении, при таком огромном, мощном потенциале российского гражданского общества, вы нас просто задавите. Тут разговор не идет о таком одинаковом движении туда-сюда, все, что есть в России – к нам, и все, что есть в Абхазии – сюда. Речь идет немножко о другом. Иногда, конечно, не от вас это зависит. Мы знаем, что, к

сожалению, так сложилось в постсоветском пространстве, что гражданские организации в определенном смысле зависимы от географии финансирования доноров. А доноры, хоть они и считаются независимыми, но все-таки зависят от политики своих стран. И так получается, что мы не всегда можем организовать какие-то действия с участием общественных российских организаций, потому что их приезд в Абхазию просто не финансируется. Иногда мы эту брешь пробиваем, используя какие-то личные ресурсы, личные каналы, но разговор идет несколько об иной ситуации. Нам казалось, что мы жили в одном государстве. И вот Советский Союз распался. Но желание думать, что он распался на союз демократических государств – это ерунда. Может быть, сейчас в Грузии или в Армении другая ситуация. Но мы живем в особом классе демократических государств, в постсоветском пространстве. Я нигде не видел полноценной демократии как таковой. И нигде ее нет. И, конечно, мы во многом зависим от властей тех стран, в которых мы живем. Мы хотим, чтобы ваш голос не зависел от финансирования, не зависел от желания доноров, не зависел от желания властей Грузии, Абхазии или России быть в регионе или нет. А чтобы он зависел от вашей воли. Мы обращались, например, в «Мемориал», мы просто просили помочь в работе. Я знаю, что филиалы «Мемориала» есть везде, даже в Бишкеке их, кажется, несколько. Но почему-то нам сказали, что Абхазия – это единственный регион бывшего Советского Союза, где вообще репрессированных не было. Между прочим, в Абхазии самая первая организация по сбору материала была еще во времена коммунизма, но к нам ни разу никто не приезжал. Нам просто надо знать, что гражданское общество воспринимает нас более полноценно, нежели политические элиты или, например, организации типа ООН и ОБСЕ. Я понимаю, что у них свой формат. Я понимаю, что мы непризнанное государство, у нас нет статуса, бог с ним, с этим мы работаем, и другие работают. Но когда разговор идет о таких людях, которые здесь присутствуют, я хотел бы, чтобы мы иногда забывали о границах и не способствовали политическим элитам и властям создавать дополнительные границы. Я как-то думал, что мы можем эти границы раскрывать сами, своими действиями, своим влиянием. Это неправда, что с российскими гражданскими организациями мы мало сотрудничаем. Есть рабочая группа СНГ, в рамках которой я очень

много ездил по России. И, кстати, работал на Северном Кавказе, это же тоже часть России. Очень много проводил семинаров по развитию институтов гражданского общества, да и Кавказский форум это делал, очень много инициатив. Но, тем не менее, все-таки это небольшие организации. Знаете, все-таки в России есть несколько организаций, которые могут оказывать серьезное влияние. Они влияют на умонастроения людей, влияют на общественное мнение. И, может быть, Гражданский Форум, если бы не было 5-6 нормальных российских правозащитных организаций, стал бы таким, каким его хотели сделать власти. Но, в конце концов, вы же не дали этому случиться. Значит, все-таки, у вас есть потенциал. Мы просто хотели, чтобы он в какой-то форме немножко и на нас тоже распространялся, потому что я лично пока еще ощущаю общность некоторого пространства, от которого меня без моего ведома отторгли. За меня никто не может решать: общаться мне с вами или нет, или с грузинскими коллегами – это мне никто не может запретить. Никто в Абхазии не может регламентировать, с какими неправительственными организациями я буду общаться в Грузии или в России. У вас достаточно своих ресурсов. Вы достаточно независимы, чтобы вы могли действительно проявить собственную волю, инициативу, чтобы иногда реагировать на то, что происходит у нас. Это для вас тоже важно, поверьте мне. Не может быть в России нормальное гражданское общество, если окружение снеговское, скажем так, будет в ужасном состоянии. Потому что эти связи еще не нарушены. Они все равно влияют друг на друга, вы на нас, мы на вас. Только в этом смысле. Это не упрек и не претензия, это просто призыв все-таки больше взаимодействовать. И встреча, которую мы здесь организовали, тоже должна помочь преодолеть этот рубеж, потому что и Россия, и Грузия, и Абхазия пока еще сильно друг на друга влияют во всех сферах – и в политической, и в гражданской, и в правовом мышлении.

Марина Павлова-Сильванская – Тут говорилось о финальной версии решения проблемы абхазской. Об отдаленном рецепте решения этой проблемы – о федерализации. А я на днях читала, что были какие-то таинственные переговоры в Абхазии с российской стороной. Мне непонятно, где обсуждался вопрос конфедерализации. Что это такое?

Батал Кобахия – Может быть, ассоциированные отношения с Россией?

Александр Соколов – Предложение об ассоциированном членстве, насколько я понимаю, не скрывается. Ассоциированное членство выдвигалось как некая цель. И во время думских разговоров этот термин звучал. Его, правда, использовал, насколько я помню, не абхазский лидер, а югоосетинский, но очевидно, что это общий рецепт.

Манана Гургулия – Что касается ассоциированных отношений, то это как раз та идея, которая впервые прозвучала из Абхазии. И она, кстати, для самих абхазов была новостью, когда ее первым озвучил вице-президент. А потом уже эту идею стали озвучивать и другие политические фигуры. А что касается каких-то сепаратных переговоров о федеративном или конфедеративном союзе, то, собственно, никаких таких встреч не было. И вот при последнем приезде Рогозина достаточно открыто речь шла о тех же предложениях, я присутствовала на всех встречах, официальных и неофициальных.

Реплика – Нет, это не Рогозин.

Манана Гургулия – И до этого тоже. Что касается отношений между Россией и Абхазией, речь идет об ассоциированных отношениях при условии признания Россией Абхазии. И тогда уже возможны ассоциированные отношения, потому что возникает вопрос – а с кем ассоциироваться? В каком статусе Абхазии? Я понимаю, что это вопрос не то, чтобы дальней перспективы, неизвестно, насколько это вообще реально или нереально... Что касается Грузии, то никаких разговоров или каких-то кулуарных бесед о возможности конфедеративных отношений сегодня не идет. До 1999 года, до принятия Акта о независимости, действительно, на официальном уровне дискутировались разные варианты. После 1999 года никакой подобный вопрос не дискутировался.

Марина Павлова-Сильванская – Речь шла о том, что произошло на днях.

Николай Митрохин – Я несколько слов скажу по поводу животрепещущей дискуссии – почему российские НПО, имеются в виду в первую очередь правозащитные и другие либеральные НПО, не занимаются Абхазией. Потому что все-таки, другой спектр российских общественно-политических организаций, неправительственных организаций, которые нетрадиционалистические или недемократические по своим убеждениям весьма охотно занимаются Абхазией. И говорить о том, что они обошли Абхазию своим вниманием, не приходится. Различные казачьи организации и, скажем, организации правой части политического спектра «Союз соотечественников» и другие, они вполне поднимают проблему. Почему не занимаются либералы? В принципе, количество либералов, особенно работающих в НПО, относительно небольшое. Страна у нас большая, людей мало. Есть целая группа российских регионов, где уровень развития НПО находится на крайне низком уровне. И они, действительно, нуждаются во внимании из Москвы или Питера, но до них еще руки не дошли. С 1994 года основная часть российского правозащитного спектра движения сконцентрирована на разрешении проблемы Чечни плюс еще близких к ним регионов – Осетия, Дагестан и все прочее. Странами СНГ занимаются редкие энтузиасты, кому эти страны, действительно, глубоко интересны и в очень нечастых случаях. Если говорить о центрально-азиатском регионе, то из всех крупных российских НПО этим занимается только «Мемориал» – центрально-азиатский проект, два человека. Острейшие проблемы, связанные с массовыми нарушениями прав человека в том же Азербайджане, в Грузии во времена Шеварднадзе, в Армении, просто этим физически некому заниматься. Поэтому, к сожалению, все упирается в это, но не в политику доноров. Я абсолютно уверен, что если бы какая-то российская правозащитная группа из Москвы или из Нижнего Новгорода или, может быть, из Новороссийска решила бы заниматься ситуацией с правами человека в Абхазии, нашла бы у вас партнеров, то, безусловно, она смогла бы найти и средства на эту деятельность. Да, на это потребовалось бы полгода, год, равно как и на любой другой проект в этой сфере.

Арда Инал-Ипа – Здесь был задан вопрос о том, есть ли разница между властями Абхазии и НПО в подходе к проблеме разрешения конфлик-

та. Я считаю, что разница есть и довольно существенная. Несмотря на то, что в вопросе о независимости Абхазии у нас нет расхождений, подход к урегулированию у нас, как я считаю, разный. Первое, власти в поисках помощи и каких-то ресурсов урегулирования как-то очень одновекторно действуют и направлены только на помощь со стороны России. В этом смысле гражданское общество старается учитывать и использовать тот опыт, который есть и в других странах, европейских структурах, международных аналитических центрах.

Второе существенное различие состоит, мне кажется в том, что наши власти считают образ врага, эту враждебность каким-то необходимым условием, необходимым оправданием стремления к независимости. Гражданское общество считает, что дело не в том, что сейчас Грузия плоха, а дело в том, что интересы наши таковы, как мы их понимаем, что независимость Абхазии – в интересах абхазского народа. Я, например, считаю, что и для Грузии, конечно, со мной многие здесь не согласятся, Абхазия, какая она есть в реальности – это тяжелые оковы на грузинском государстве. Мне кажется, что если бы они освободились от этой проблемы, то Грузия просто рванула бы вперед. У меня вот такое ощущение. Потому что, хотите, признавайте это или нет, но Абхазия и Грузия – это два разных социальных организма, два разных народа, два разных языка и т.д.

Третье существенное различие состоит в том, что абхазское правительство предполагает в будущем строить отношения с Грузией как, например, с Новой Зеландией. Как-то мы планировали конференцию, и нам прямо так и было сказано: «Что нам разговаривать о каких-то моделях взаимоотношений? У нас с ними должны быть такие же отношения, как и с Новой Зеландией». Мы же, конечно, далеки от такого легкомыслия и считаем, что при независимом статусе Абхазии с Грузией должны быть особые, специфические отношения, учитывающие, что у нас есть грузинское население, учитывающие тяжелый опыт войны, вообще конфликты и многое другое – общие границы, соседство, экономические интересы. Может быть, я не все учла. В этом контексте мы считаем, что очень важен диалог, который мы ведем, что он нужен обязательно, потому что необходимо найти взаимопонимание между нашими обществами. И в связи с нашим различным подходом мы, неправительственные организации,

занимающиеся проблемами конфликта, очень часто подвергаемся жестокой критике, и заниматься нашей деятельностью очень сложно, честно говоря.

Еще о чем я хотела сказать – об отношении к непризнанным государствам. Эти государства уже возникли, это реальность, они выросли. Но мы часто видим, что отношение к ним, как к беспризорным детям. От них просто хотят отгородиться, не включая в различные структуры, процессы и т.д. Я ловила каждое слово доклада Марины Павловны. На самом деле, очень интересное выступление, большое Вам спасибо. Но, действительно, обидно было слышать то, что основную опасность вы увидели в том, что непризнанные государства перед лицом военной угрозы, могут, защищаясь, объединяться. Я, например, считаю, что коалиция признанных, вполне благополучных стран, которые воюют в Ираке, не менее опасна для мирового сообщества, чем возможная, эфемерная коалиция между непризнанными государствами, которые пытаются фактически морально оказать поддержку друг другу, оказавшись перед лицом агрессии, услышав призывы силовым путем решать эти конфликты.

Еще мне хотелось бы сказать о том, что вот такое невнимание, попытка отгородиться от процесса образования новых государств ни к какой стабильности не приведет. Я не специалист в израильско-палестинском конфликте, но там тоже очень серьезная проблема. Фактически никак не признается палестинское государство, хотя реально уже готовы даже физически обозначить это государство, строя огромные стены между ними. То есть, ясно, что Палестина существует, но только почему-то никак нельзя признать это на бумаге, законно. Насколько у нас разные взгляды! С нашей точки зрения это абсурд, не признавать существование того, что уже выросло, что уже стало реальностью. А вам легче строить стены, отгораживая от себя реальность. Физически вы признаете фактически существующее государство, которое действительно в отдельных случаях может стать источником терроризма из-за абсолютной бесперспективности легального решения своей проблемы. Однако ООН не готова признать, что границы меняются. Но, как мне кажется, ни в какой момент нельзя так вдруг остановить исторический процесс. Какие бы принципы не провозглашали сильные мира сего. Все постоянно

меняется. И когда нам говорят: «мир неизменен», мы видим, что реально вокруг происходят другие процессы. Я хотела сказать, что невнимание к Абхазии оставляет абсолютно непризнанным тот факт, что, несмотря на то, что мы дважды травмированное общество: и от распада Союза с последующим изменением экономической формации и, главное, от страшной для Абхазии войны, тем не менее, мы выжили в условиях экономической блокады, и постоянной военной угрозы. Выжить было не просто. Мы тоже могли превратиться в общество типа того, которое сформировалось в Туркмении, например. Но настолько велика воля народа к государственной самоорганизации, что у нас достаточно сносно функционируют все необходимые институты, в том числе и демократические. Я не хочу преувеличивать, но фактически есть и жизнеспособная оппозиция, и свободная пресса и диалог с конфликтной стороной ведется на уровне гражданского общества. Это все далось большим трудом. Я не хочу входить в пафос, но я серьезно считаю, что в смысле внутренней самоорганизации абхазское государство состоялось, несмотря на все тяжелейшие условия, в которых это происходило. В это же время рядом соседняя Грузия постоянно получала беспрецедентную политическую и экономическую помощь от всего мира. И при этом объективные политологи все равно называют Грузию квази-государством. Нам не то, чтобы помощь нужна, ну хотя бы в какие-то моменты не мешали бы развиваться. Я думаю, что мы смогли бы показать, что готовы установить порядок в стране, в том же Гальском районе.

И последнее, о чем я хотела сказать. Мне кажется, что пришло время поговорить о ценностях гражданского общества. Это могло бы стать предметом общего разговора представителей гражданского общества. Я считаю тревожным симптомом, когда представители гражданского общества, анализируя сложные взаимоотношения между народами, во главу угла ставят принцип территориальной целостности. Этот принцип начинает подменять такие ценности, как безопасность, соблюдение прав человека, справедливость. Меня это пугает. Сегодня я поняла, что для многих уже и военная агрессия не является фактором, по поводу которого стоит беспокоиться, если она исходит от признанных государств. Я считаю, что этот момент признанности и непризнанности, который за одни и те же действия извиняет одних и

усугубляет вину других, на самом деле доходит до абсурда. Например, организуется конференция по поводу экологии Черного моря, на которой отказываются выслушать представителя абхазской стороны. Мы говорим: «Как же вы собираетесь осуществлять мониторинг Черного моря? Абхазский отрезок окажется черной дырой, потому что грузинские организации не располагают необходимой информацией». А нам отвечают: «Вы не признаны, нас не интересует ни экология, ничего, что вас касается». И этот абсурд воспроизводится в очень многих сферах. Мы понимаем, что политический статус непризнанных государств еще долгое время будет оставаться проблемой, потому что мировое сообщество еще не готово к решению этого вопроса. Но гуманитарные проблемы уже сегодня могли бы решаться на основе разумности и целесообразности, чтобы принцип территориальной целостности не блокировал хотя бы информацию, которая может быть полезна для всех. Мне представляется, что если бы какие-то надэтнические, надгосударственные структуры, связи, сети больше развивались на том же Южном Кавказе, то в этом был бы большой ресурс для более разумного нашего сосуществования.

Григорий Шведов – Я хотел бы высказаться по некоторым затронутым вопросам. Самое простое по поводу «Мемориала», поскольку я как раз занимаюсь региональными нашими организациями. Я хочу сказать, что это очень простой для нас вопрос. Наша организация отличается от многих замечательных правозащитных организаций тем, что мы не создаем из Москвы филиалов, отделений. И вот какая в Тбилиси есть организация, которая хочет заниматься вопросами сугубо своих членов, репрессированных людей и не более того, такая и будет работать. Мы не в состоянии проводить кадровые зачистки, не делали этого, и не будем делать. И поэтому отсутствие и невозможность возникновения за эти годы новых организаций, несмотря на прекрасный потенциал и наличие людей, с которыми мы сотрудничаем в Абхазии, мы не можем принять на свой счет. Мы не «Human Rights Watch», мы не открываем офисы. Такова наша ситуация. Мы – горизонтальная российская общественная организация, международная организация. Есть много организаций, которые хотят вступить в «Мемориал». Это тоже отдельный вопрос. Но, конеч-

но, это не то, что делается из Москвы. Именно поэтому, мне кажется, с «Мемориалом» готовы работать плотнее. С нами можно сотрудничать, потому что мы не вертикаль, которая отстраивается в России. Мы не решаем из Москвы вопросы, даже сугубо российские.

Что касается общей деятельности, что касается обмена информацией, то мы такой обмен готовы наладить хоть сегодня. Что касается информации, то я лично за десятки семинаров, встреч, конференций Кавказского форума, других замечательных организаций не понял и не смог получить для себя ответ на вопрос – а есть ли заинтересованность? Мы буквально сегодня, и это не пустые слова, можем организовать рассылку ко всем участникам этого прямоугольного стола или любого другого сообщества. Рассылку с вопросами – а что происходит в одном регионе, в соседнем регионе, какие гражданские инициативы, с каким обращением выступили женщины Абхазии, хотят ли об этом знать в Дагестане, заинтересованы в этом в Чечне или нет. К сожалению, мы не видим интереса к этим темам. Хотя Кавказский узел как раз создавали для того, чтобы, в том числе, создать возможность информационного обмена. И на сегодня мы не видим такого запроса. Не видим его не только на уровне частном, индивидуальном, но и на уровне образования сетей кавказских организаций. Мы видим, к сожалению, и это мое личное мнение, может быть, я не прав, больше такой внутриорганизационный, внутрикорпоративный интерес. Кавказский форум хочет развивать Кавказский форум. Встреча сегодня – это знаменательный лично для меня шаг, потому что грузино-абхазский диалог вышел за рамки грузино-абхазского диалога и сказал: «А вот российские участники. Давайте предложим вам в этом принимать участие». Хотя для этого потребовалось много-много лет. Тем не менее, это первый шаг, который я лично вижу на Кавказе, когда организация выходит за пределы своей деятельности, за пределы своих полномочий, переосмысляет их и делает предложение в адрес российских участников. Неизвестно еще, хорошо ли это будет или плохо в будущем.

Вот теперь относительно более общего вопроса, который был здесь затронут – вопроса общего пространства. Общее у нас пространство или пространство у нас все-таки не общее? Мне кажется, что вполне справедливыми могут быть пожелания в адрес российс-

ких правозащитных организаций более активно реагировать на те события, которые происходят на Южном Кавказе. И, наверное, стоило бы более активно реагировать. Для нас, конечно, это вопрос такого небумажного партнерства, потому что на уровне индивидуальном у «Мемориала» сотни друзей. На уровне партнерства у нас, как Валентин сказал, развивающихся, многолетних проектов почти нет. С чем это связано, сказать сложно. И российское гражданское общество находится в очень сложном, кризисном положении или, правильнее сказать, переходном положении. Что касается кавказских организаций, то это отдельный вопрос их развития, их ориентации. Естественно, ориентация кавказских организаций не в сторону Москвы, а в сторону европейских государств, европейского сообщества. Мы это понимаем хорошо, хотя нам кажется, что, наверное, имело бы смысл нам больше сотрудничать, потому что через некоторое количество лет уже не с кем в России будет сотрудничать. Уже со СМИ сотрудничать вы не можете, уже с Государственной думой можете только с Рогозиным. Про Совет федерации, про такие органы исполнительной власти я не говорю. То есть, в этом смысле можно потерять в нашем лице просто каких-то потенциальных партнеров.

О чем хочется сказать? Вот есть общие проблемы. Мне кажется, что мы ориентированы на их решение, и мы могли бы их решать. Но такого должного, честно говоря, уж простите за критичность, понимания в этом смысле мы не видим. Что мы можем сделать? У нас есть сферы образования и культуры. Есть обмен информацией, но не на уровне новостей, которые можно через электронную почту организовать, на уровне последних публикаций, книг, исследований, статей, библиографий, научных публикаций и т.д. Организовать обмен книг в принципе просто. Мы организовали поставку книг по нашей правозащитной тематике в Абхазию, в Южную Осетию, в Грузию и в другие страны. Сказать, что это к чему-нибудь привело, сложно. С помощью фонда Белля была осуществлена передача огромного массива в грузинскую национальную библиотеку. К чему это привело? Может быть, кто-то стал больше читать, а может быть, и нет. Сказать, что видна какая-то отдача, сложно. Есть помимо образования и культуры область социальных услуг НПО, в которой мы явно могли бы делиться опытом и вместе что-то на методическом

уровне делать. Мы не видим интереса к этой теме. Есть уровень правовой оценки. Если «Мемориал» занимается Чечней, когда мы сидим с нашими абхазскими и грузинскими коллегами за одним столом, нам, наверное, тоже важно было бы понять, а как они, и даже больше абхазские, чем грузинские коллеги, воспринимают ситуацию в этом регионе, как они реагируют? В силу определенных причин этот вопрос достаточно интересен.

Мы сделали на самом деле достаточно много вещей как Кавказский узел. Мы проводили грантовые конкурсы, мы проводили исследовательские конкурсы. Здесь за этим столом есть победители этих конкурсов. Мы издаем какие-то публикации, мы делаем общую информационную площадку «Кавказский узел», наверное, это единственное издание в России, на котором полностью можно опубликовать как книгу, так и заявление без купюр. Делаем-то мы много. Вопрос в том, разговор о том, как эту деятельность организовать, как к ней привить больший интерес, больше участия. Сегодня у нас разовое мероприятие. Я нахожусь в глубоком убеждении, что мы, действительно, об этом сейчас поговорим и разойдемся. Спасибо.

Вальтер Кауфманн – мне не хотелось бы, чтобы мы сегодня обходили геополитический контекст. Когда мы не затрагиваем вопросы геополитики, то получается так, что мы не находим ответы, не находим причины – почему что-то не получается. Потому что всегда существует этот геополитический контекст. И мне хотелось бы для последнего часа сегодняшней дискуссии, чтобы участники все-таки попытались связать вот эти уровни и не обходили ни один из них.

Йенс Зигерт– Я хотел бы все-таки снова вернуться к вопросу Батала, который он уточнил после ответа Валентина Гефтера, что это было адресовано не только узко к правозащитным организациям – вопрос о том, почему вы не приходите к нам в Абхазию, вообще к так называемым НПО. Я хотел бы на это ответить частично с точки зрения наблюдателя, но и частично с точки зрения человека, который очень тесно и уже достаточно продолжительно именно с этими организациями сотрудничает. Именно с теми организациями, которые здесь в России считаются самыми сильными. Можно сейчас перечислить

некоторые имена для того, чтобы понимать, о чем я говорю. Это, конечно, «Мемориал», это Московская хельсинкская группа, это Социально-экологический союз, это Конфедерация обществ защиты прав потребителей, это Фонд защиты гласности. И еще целый ряд других организаций. Это пермские гражданские организации, которые, помимо московских и питерских, считаются самыми влиятельными и самыми раскованными. Хотя они считаются среди неправительственных организаций зубрами в общероссийском масштабе, у них в исторической ситуации очень большие трудности. И это не кокетство то, что некоторые здесь присутствующие, как мне кажется, слышали в докладе Марины Павловны слова об относительной слабости этих гражданских организаций. На самом деле, у многих из них есть это ощущение, и по моим оценкам, это недалеко от истины, что они стоят прижатыми к стенке. В данный момент у них разговор идет не о том, чтобы защищать одного или другого, нет, речь идет о том, как защищать то пространство свободы, которое пока еще осталось в России. Кстати, к этой свободе относятся и такие мероприятия, как сегодняшняя наша встреча. Еще раз коротко и, действительно только по пунктам перечислю, что происходит в последнее время. Пришел Путин, сначала выжали Березовского и Гусинского, захватили непослушные с точки зрения государства телеканалы. Сегодня прозвучало, как важны для массового восприятия именно телеканалы, а не Интернет или газеты, которые распространяются не очень большими тиражами. Потом был следующий шаг – так называемая договоренность Путина с олигархами, где договорились о следующем: вы, олигархи, не занимайтесь политикой без нашего кремлевского разрешения, за это мы вам разрешаем зарабатывать. Следующим было то, что Совет федерации, до этого довольно влиятельный и самостоятельный, превратился в орган, в котором нет никакой самостоятельности в отношении Чечни. Следующий шаг был – описанная Мариной Павловной попытка построить неправительственные организации, что не получилось по разным причинам, я сейчас не буду на них останавливаться. Я говорил об этом первый раз в Тбилиси, когда мы организовали нашу первую российско-грузинскую встречу на неправительственном уровне. На самом деле собственные силы российских НПО в этом играли свою,

но не решающую роль. Следующее – думские выборы. Вы это прекрасно сами знаете. И, конечно, все, что сейчас происходит вокруг Ходорковского и «Юкоса», и что означает этот сигнал. В данный момент появляются высказывания Путина о том, что существуют неправительственные организации, которые кормятся иностранными фондами и сомнительными группами, имеются в виду внутри России. Это только одна маленькая часть того, что происходит. Происходит вторая попытка нападения на неправительственную среду и одновременно идет очень сильное давление на оставшихся региональных лидеров, которые, по крайней мере, в своем регионе, пока еще сохранили некую независимость. Речь идет о таких людях, как Лужков, как Шаймиев в Татарстане, в Башкортостане. Действия прокуратуры против Аяцкова несколько недель тому назад – это тоже такой очередной звонок. Вы должны себе представить, в какой сложной среде действуют российские неправительственные организации. И в этом надо, конечно, признаваться. Я не думаю, что я драматизирую, но действительно, с моей точки зрения сложилась вот такая ситуация. И в этой ситуации продолжают действовать более или менее независимые политические силы.

Батал Кобахия – Я просто скажу одну фразу. Я имел в виду только одно. Я не ждал защиты со стороны неправительственных организаций России правозащитных организаций Абхазии. Я имел в виду, что одна из целей гражданских неправительственных организаций – влиять на принятие решений в своих государствах, потому что мы являемся гражданами своих государств. Я сейчас не даю оценку тому, какие это государства – хорошие или плохие, правовые или нет. В данном контексте, поскольку Россия все-таки как государство функционирует не только в рамках российского государства, но и пытается влиять на политику в сопредельных регионах и влияет на политику в Абхазии, то мне казалось, что гражданские организации России также должны влиять и на эти процессы, которые происходят в российском государстве. Почему тут надо говорить о встречном движении? Так уж исторически сложилось, что Абхазское государство почти никак не влияет на российское. Просто разговор идет о том, что это происходит и если этого не видеть, это означает, что очень слож-

но реально строить гражданское общество у себя в России. Хотя я понимаю, что сил нет. Меня в этом убеждать не надо. Я очень хорошо знаю и о Перми, мы следим за публикациями и реагируем. Но вопрос не в этом. Мы ничего не просим. И мне непонятен этакий патерналистский подход Григория: «Приходите к нам, и мы вам дадим». Просто я считаю, что гражданское общество – это достаточно большое понятие. Если у государственной политики границ нет, она продолжается за пределами, значит, и гражданское общество должно на это реагировать. Вот и все. Помощи от вас не ждем.

Лиана Кварчелия – Батал сам постарался объяснить, что он имел в виду. Хотя по реакции на его первоначальное выступление у меня складывалось впечатление, что, может быть, кто-то думает, что абхазское гражданское общество хочет вступить в ассоциированные отношения с российским гражданским обществом. (Смех). Дело в том, что, может быть, и есть какая-то обида и связана она, не с тем, что мы ждем от вас помощи. Мы понимаем, что российское гражданское общество само находится в сложных условиях. Нам важно было услышать от вас объективную оценку тех событий, которые происходили и происходят вокруг Абхазии. Конечно, вызывает сожаление, что во время войны, когда имели место массовые нарушения прав человека, такой оценки с вашей стороны не было. Вспомните первую чеченскую кампанию. Ведь тогда российские правозащитники достаточно активно выступали в защиту прав чеченцев, а по отношению к правам абхазского народа у них был совершенно иной подход. Сегодня здесь уже говорилось о том, что правозащитная риторика, когда речь идет о непризнанных государствах, уходит в геополитику. Действительно, в данном случае права, которые основаны на ценностях, подменяются некими принципами, придуманными признанными государствами. Я понимаю желание российских правозащитников дистанцироваться от того, что вы называете «российской имперской политикой» в отношении новых государств. Но вместе с этим, вы дистанцируетесь и от фактов нарушений прав человека этими новыми признанными государствами. Что касается урегулирования конфликта, то можно, конечно, поступить как обычно: обменять спокойствие в Панкисском ущелье на Абхазию, или на

Аджарию или на Осетию, в разных комбинациях и т.д. Но вряд ли это разрешит противоречия и обеспечит безопасность и стабильность, в которых, как я думаю, должны быть заинтересованы все. В этом смысле, стоит поговорить о том, что мы ожидаем от посредников. Очень часто мы слышим упрек в адрес конфликтующих сторон в том, что им не хватает политической воли для урегулирования. Наверное, политическая воля у них есть, но нельзя отрицать, что она есть и у других участников процесса, имеющих свои интересы в регионе, которые и направляют эту волю. Я думаю, что достижению соглашений мешает то, что над переговорами по любым вопросам довлеет заранее известный ответ посредников по поводу политических взаимоотношений между Грузией и Абхазией. Фактически, Абхазии предлагается соглашение, которое отражает политическую повестку дня грузинской стороны. И, таким образом, посредники хотят вести переговорный процесс вокруг именно этой повестки дня. Если же относиться к соглашению как к процессу, а такие попытки делаются, и в рамках сочинских и женеvских встреч, создаются рабочие группы по конкретным проблемам, то тогда возможен прогресс. Но в реальности продвижению в решении вопросов регистрации беженцев, безопасности, восстановления экономической инфраструктуры, железнодорожного сообщения мешают часто именно эти предварительные условия, связанные с требованием политических уступок со стороны Абхазии. Если бы не было этого момента, если бы посредники не приходили с заранее известным рецептом урегулирования, то это только способствовало бы созданию атмосферы доверия. При таком подходе, мне кажется, что было бы больше шансов продвигаться в более позитивном направлении.

Виктор Коган-Ясный – выступление Митрохина я считаю очень ценным. Я разделяю многие позиции, которые высказал Григорий Шведов в последнем выступлении, когда он касался ограничения деятельности российских неправительственных организаций и наших возможностей и того, что абсолютно незаметно даже то, что удается сделать за пределами России, потому что это носит такой спорадический и частный характер. И в силу реальных объективных проблем регионов деятельность российских организаций про-

сто тонет и остается незамеченной, хотя это бывает подчас серьезная работа, просветительская в частности.

Дальше мне хотелось сказать, что за отсутствие серьезного мониторинга в зоне непосредственного конфликта, в частности во время войны, когда это было в начале 90-х годов и сейчас в зоне конфликта, мы тоже несем определенную ответственность. Хотя мне кажется, что все честные люди, активные в гражданском смысле, представляющие общественные организации и Абхазии, и собственно Грузии должны быть честны в вопросах мониторинга и, прежде всего, насколько это возможно, насколько это позволяет личная безопасность, осуществлять такой мониторинг независимо от своих политических установок, честно и объективно. А то, что мы в этом участвуем мало – да, это факт. Постараемся больше с вашей помощью и при вашем участии. Мониторинг – это важнейшая вещь в любой ситуации нарушения прав человека и вещь политически нейтральная и требует только одного – честного подхода.

Теперь, что касается геополитики, сейчас мне хочется ответить уважаемым абхазским товарищам. Конечно, не о геополитике речь, совсем не о геополитике, а, на мой взгляд, немножко о другом. Речь о реальной точке отсчета. Ведь мы здесь собрались для того, чтобы попытаться в каких-то новых условиях выработать какой-то общий угол зрения на ситуацию. Как бы ни говорили, что у правозащитников должен быть другой подход, ситуация такая, что все равно приходим к политическим вопросам. Так вот, нужна точка отсчета, с которой все, так или иначе, в каком-то самом общем виде были бы согласны. Хорошего выхода из такой ситуации не существует в принципе. Потому что есть три варианта. Один вариант – международное признание независимости Абхазии. Исторически мы эту точку для кого-то – к сожалению, для кого-то нет, проскочили. Это был 1993-95 годы, когда можно было безболезненно делать такие ходы. И еще какую-то независимость признать, например, Чечни. Сделать несколько каких-то вещей, и это прошло бы совершенно спокойно. Но мы эту точку проскочили. Если пойти таким путем, то начнется немедленный эффект домино по всему миру, включая бывший Советский Союз, но и не только, с абсолютно непредсказуемыми последствиями. Другой вариант – это присоединение Абхазии и Юж-

ной Осетии к Российской Федерации. Тем более трагическая вещь и западня с абсолютно непредсказуемыми последствиями. В общем, непонятно, что из этого может произойти. И те, кто это предлагают – это люди в высшей степени безответственные. И остается третий вариант – возврат Абхазии в государственно-правовое поле Грузии. Вариант очень тяжелый, но боюсь, что в том или ином виде неизбежный. Боюсь, что вариант неизбежный и хотелось бы, чтобы он прошел максимально гладко и с максимальным учетом интересов и прав тех людей, которые живут в Абхазии и, в частности, народа Абхазии, абхазского этноса. Есть еще четвертый вариант – это подвесить просто ситуацию на пятьдесят лет вперед – ни того, ни другого, когда будет то, о чем говорила уважаемая коллега – просто развиваться – это будет черная дыра коррупции, отсутствие правового поля вообще. И это маловероятно. Поэтому мне представляется, что активные, граждански мыслящие люди, которые способны видеть общий контекст ситуации, а не просто пространство лозунгов, должны все-таки выработать такой путь решения, где опасность и негативные последствия меньше из всех возможных плохих вариантов. Если граждански мыслящие люди этого не сделают, то боюсь, что так или иначе что-то за них совершенно ужасное начнут делать совсем другого типа товарищи и совершенно другими методами. Извините, пример более близкий нам и мне лично, когда ригидность людей, стоявших твердо на позиции государственной независимости Чеченской республики привела к тому, к чему она привела всех сейчас. И привела она, кстати, к тому, что те, кто честно выступал за право чеченского народа на полное самоопределение, это делать перестали, ввиду исторической непродуктивности на этапе, когда вопрос себя уже исчерпал. Вот собственно в общих чертах то, что я считал необходимым сказать. Раз уж мы встретились, и раз уж не хотелось разойтись совсем просто так.

Кстати, очень не хотелось бы единого абхазского ответа или единого грузинского ответа, потому что консолидированная позиция всегда вызывает определенное недоверие...

Дмитрий Фурман – Мне кажется, что абхазская проблема очень сложная. В некотором смысле она сложнее, чем многие другие про-

блемы, в своем ценностном и моральном аспекте. Сохранение культуры, сохранение абхазского народа – это такая базовая, очевидная цель. Вторая ценность – тоже для нас базовая – ценность демократии. Вот эти ценности в абхазском случае не очень стыкуются по очень простой причине, потому что, исходя из переписи 1989 года, абхазы составляли всего 18 процентов населения Абхазии. Плюс-минус это восемнадцать мест в парламенте, в котором, предположим, сто мест. Во всяком случае, это далеко не большинство. Для чеченцев, например, такой проблемы нет, чеченцев большинство на своей территории. В недемократическом обществе вообще такой проблемы не было бы. И поэтому, кстати, до эпохи демократии не было этнических чисток, не было изгнаний. Предположим, в каком-то районе абхазская верхушка могла управлять грузинскими крестьянами. И проблем не было. Так на Кавказе много раз было. И в Советском Союзе, в котором утвердилась сложная иерархия наций, вводилась система квот. Существование автономной республики предполагало наличие каких-то особых прав. Все это решалось не демократически. Существовали негласные правила, например, если Председатель Верховного Совета обязательно должен был быть абхазом, то заместитель – грузин.

Валентин Гефтер – А если что, так в Казахстан возили.

Дмитрий Фурман – Да, а если что, так в Казахстан возили. И поэтому приход демократии, при которой один человек – один голос, реально вызвал у абхазов большие опасения. Будучи меньшинством, абхазское население составляет максимум сто тысяч, поддерживать всю необходимую инфраструктуру, свой университет, свои газеты – очень сложно. И даже если, предположим, грузины совершенно были бы лишены национализма и были бы очень добрыми и прекрасными, все равно в этой ситуации через одно-два поколения, через смешанные браки произошел бы переход на грузинский язык, и народ в такой ситуации исчезает. В какой-то степени, мне кажется, изгнание грузин и было ответом на эту проблему. Когда грузин нет, вроде бы обеспечено большинство. Получается, что сохранить демократию можно только за счет того, чтобы вытеснить какую-то часть населе-

ния и сохранить демократию плюс свою титульную нацию и ее особое положение. Получаются очень большие и очень глубокие противоречия. Вот говорят, федерализация. А что значит федерализация? Если принять федерализацию при возвращении грузин, всех беженцев, при свободных перемещениях, то опять-таки через некоторое время – возникнет грузинское большинство, отсюда – потеря абхазами ключевых позиций и ничего эта федерализация не даст. А если это такая федерализация, при которой беженцы не могут возвращаться – то, тогда это не федерализация. Что же это за единое государство или даже конфедерация, при которой люди не могут переезжать из одной части страны в другую? Значит, вот здесь очень глубокие противоречия, очень сложные противоречия. И надо думать над ними. Надо пытаться найти здесь какой-то компромисс, учитывая эти две базовые вещи. Первое – демократия и то, что людей нельзя изгонять. Беженцы, конечно, должны вернуться. И второе – что народ должен иметь право гарантированного самосохранения. Как это можно решить? Может быть, я ошибаюсь, я сейчас полностью абстрагируюсь от всякой политики и от реалистичности или не реалистичности того или иного пути. Логически я вижу только два пути. Первый путь – в условиях единого федеративного, или какого-то другого государства восстановление системы квот при международных гарантиях. Чтобы завтра не получилось так, что грузинское большинство захочет их отменить. Должна быть заложена система, какие посты занимают абхазы в Абхазии, сколько процентов бюджета идет на абхазскую культуру и т.д. И все эти договоренности должны быть абсолютно гарантированы международными организациями. Это первый вариант, некоторое ограничение принципа «один человек – один голос», но ограничение в определенных рамках. Второй вариант, я опять говорю, что я полностью абстрагируюсь от реалистичности или не реалистичности обоих этих вариантов – это малая Абхазия. Нельзя допустить, чтобы восемнадцать процентов превращались в пятьдесят. Сто тысяч грузин куда-то же должны деваться? Малая Абхазия, полностью независимая, которую Грузия признает субъектом международного права. Если, кстати, был бы второй вариант, то у меня он вызывает интересную картину. Я представляю себе, что если бы Грузия пошла на такой вариант, то что бы стало в

мире твориться? Во-первых, Россия тут же пала бы на колени перед Грузией, умоляя этого не делать, предлагая любые условия, любые деньги, но лишь бы этого не было. Потому что при этом произойдет неожиданный переход от игры по одним правилам к игре по другим правилам. Это все переворачивает. Но с точки зрения логики и существующих ценностей, мне кажется, что есть только два вот этих варианта. Или сложная система квотирования и гарантий, или Малая Абхазия. Других вариантов просто нет. Есть и третий вариант – сидеть еще 50 лет, а там кто как разберется. Это тоже не такой уж нерепальный вариант. Вот все, что я хотел сказать.

Валентин Гефтер – А идеальный вариант ты не рассматриваешь?

Дмитрий Фурман – А какой идеальный вариант?

Валентин Гефтер – Это отдельная тема.

Ивлиан Хаиндрава – Я бы тоже хотел откликнуться на несколько мотивов, которые тут прозвучали. Начать хочу с взаимопроникновения, со «сквозьграничного» взаимодействия гражданских обществ и, в частности, правозащитных организаций. В Грузии, во всяком случае, мы приветствуем появление такого рода организаций, работают ли они под официальными эгидами, под эгидой ОБСЕ, под эгидой ООН, будь это «Международная амнистия» или «Human Rights Watch» и т.д. Все это, конечно, облегчает работу нашим собственным правозащитным организациям, укрепляет, поддерживает их, помогает представлять в ООН альтернативный доклад и прочее. Я не очень доволен уровнем развития чисто правозащитных организаций в Грузии. И даже если бы был доволен, то такое взаимодействие можно только приветствовать. Соответственно, можно было бы приветствовать любые представительства российских правозащитных организаций в том или ином плане, будь это собственно в Грузии или в Абхазии. Проблем нет. Правда, автоматически встал бы вопрос – насколько успешно защищают эти организации права, допустим, лиц кавказской национальности собственно в России. В ситуации, когда азербайджанцев убивают только за то, что они азербайд-

жанцы. Как это было воспринято обществами на Кавказе? Я не совсем понимаю, когда появляется какая-нибудь британская серьезная организация, и некоторые представители экстремистских кругов им говорят: «Вот у вас там на стадионе оскорбили негра, а вы к нам лезете». В этом случае вопросы были бы еще и дополнительные. Хотя в принципе, наоборот, можно всячески эти контакты развивать.

Второе. Здесь прозвучало, почему получается так, что в Абхазию ездят Рогозины и Затулины, а вот другие не ездят. Рогозины и Затулины ездят, как мне представляется, в Абхазию потому, что они приезжают туда, говорят приблизительно то, что там от них ждут, то есть, говорят приятные слова по поводу того, что «вы хотите быть независимыми, ладно, мы вас поддержим. Вы хотите войти в состав России? Хорошо. Вы хотите ассоциированные отношения с Фарерскими островами? Ладно». Естественно, что их принимают и, естественно, что они туда ездят. В то время как турецкий посол вызывает раздражение, потому что турецкий посол, как и посол любого государства и как вообще любой ответственный политик на земном шаре, придерживается тех правил игры, которые на этом земном шаре существуют. И признанное государство для него признанное государство, а непризнанное государство для него непризнанное. Все до сих пор, наверное, помнят тот колоссальный всемирный скандал, который последовал за выступлением де Голля 40 лет назад в Квебеке. Это, правда, был еще и де Голль. Но и скандал был всемирный, и до сих пор его помнят. Я понимаю чувства и то, что, допустим, Арда говорила. Но, тем не менее, существует Каталония, где язык другой и народ другой. И существуют фламандцы и валлоны в Бельгии. Существует Сардиния со своим самосознанием, Корсика и т.д. Но, тем не менее, есть какие-то правила игры. Правила игры могут нарушать маргинальные политики. Ответственные политики следуют этим правилам игры вне зависимости от того, нравятся они им или нет. Говоря о независимости, многие сказали, что есть правила игры, есть опасность эффекта домино. И я, пожалуй, согласился с тем сожалением, что, если завтра парламент Грузии начнет обсуждать вопрос о признании независимости Абхазии, то к нам станут приезжать эмиссары из Москвы с просьбами: «Ну, ребята, вы что обалдели?». Тем более, мне кажется, что такое стремление к независимос-

ти с повальным принятием гражданства другого государства начинает вызывать недоумение, по крайней мере. Я опять же понимаю все тяготы, которые люди там испытывали от подвешенного состояния, от фактического отсутствия признанного гражданства. Но я думаю, что этот фактор породил серьезные сомнения в искренности намерений. Потому что, повторяю, настаивать на собственной независимости и бороться за ее признание и повально становиться гражданами другого государства – здесь есть, конечно, с моей точки зрения очень серьезное противоречие. Теперь о тех сценариях, о которых здесь, в общем, правильно говорили. Есть четыре сценария, допустим. Пока, в принципе, осуществляется четвертый сценарий. То есть, замораживание ситуации в таком состоянии. Мне представляется, что абхазская сторона работает именно на это. Россия пока тоже ничего лучшего не нашла, как работать на это. Может быть, последние кипрские события, придали дополнительный импульс тому, чтобы работать на замораживание, потому что, судя по Кипру, мы получили то, что греки-киприоты турецким киприотам сказали: «А в общем-то вы нам не нужны. Мы и без вас хорошо живем». Но все-таки, таких прямых параллелей я бы не проводил. И потом, у меня есть ощущение, что мы все вместе теряем время. Теряем время и мы, грузины. Теряют время и абхазы. В определенной степени, мне представляется, что теряет время и Россия, потому что, если говорить о железной дороге через Абхазию, мне представляется, что самая заинтересованная в этом деле страна – это Россия. Потому что если сейчас грузинский рынок заполнен турецкими товарами, то российским товарам ничего не стоило бы их оттуда выдвинуть и занять эту нишу. Не имея готовых рецептов, имея определенные предложения на разных этапах, причем по двум разным направлениям – вариант Малой Абхазии в 1997 году нами был предложен, но он скорее был предложен как полемический, а не как реальный, чтобы как-то стимулировать этот диалог и размышления как с одной, так и с другой стороны. Но сейчас несколько по-иному наши предложения будут выглядеть. Но, тем не менее, я повторяю, не стоит терять какое-то весьма важное, весьма драгоценное время на фоне тех процессов, которые происходят в Европе. Европа расширяется и т.д. И все-таки надо быть открытыми для новых идей, предложений, нео-

рдинарных, нестереотипных, потому что понятно, что в каждом конкретном случае требуется нестереотипный подход, каждый конфликт по-своему уникален. Наш тоже по-своему уникален. Все-таки, надо искать и находить новые пути, но при наличии доброй воли, при наличии, безусловно, крепких международных гарантий, иначе, видимо, никакого доверия не будет. Спасибо.

Александр Скаков – Я хочу поднять вопрос о возможности признания независимости Абхазии. Я не считаю, что такое признание нереально вообще. На самом деле очень важно для этого вопроса то, как будут развиваться события вокруг Косово. Совершенно понятно, что Косово уже никогда не станет частью Сербии. Какой оно будет иметь статус в будущей Европе – это никому не известно. Поэтому давайте подождем. История развивается, процесс исторический идет. История покажет и рассудит. Косово показало две вещи. Первая вещь – это то, что история продолжается и то, что нет вечных границ. И, конечно, подход на основе какой-то абстрактной гражданской мысли, приложимый к далеким непонятым регионам, которые не являются ни Аджарией, ни Чечней, а совершенно третьим особенным регионом – здесь такой подход не работает. Во-вторых, Косово показало, что система международного права полностью рухнула. Это уже надо признать. И Ирак это подтвердил. Поэтому говорить, что правила игры нельзя нарушать уже, наверное, поздно. Правила игры нарушены и нарушены не Россией и даже не маргинальными игроками, а нарушены такими игроками, как господа Клинтон и Буш. Или мы считаем их маргинальными игроками? И поэтому я думаю, что в данном случае для России уже вставать на колени и просить Грузию, чтобы она не признавала независимость Абхазии, уже поздно. Об этом можно было говорить лет пять назад, когда еще существовала система международного права. Это первая реплика.

Вторая реплика такая. Говорить о помощи стран Северного Кавказа и Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии – это в какой-то степени миф. Объясняю почему. Потому что в отличие от 1992 года в настоящее время границы России на Кавказе более или менее контролируются. Например, проникнуть из Северной Осетии в Южную Осетию против воли России, против воли пограничников – нереаль-

но. Для этого нужно либо по воздуху перелететь, либо вырыть тоннель под кавказскими горами. Ни то, ни другое для приднестровских гвардейцев нереально. Поэтому в данном случае вопрос не в позиции Приднестровья или народов Северного Кавказа, в данном случае, а вопрос в позиции России. Другой вопрос, что будет стоить России и ее авторитету на Северном Кавказе, если она не пустит этих добровольцев в Абхазию или в Южную Осетию в случае худшего варианта событий, то есть, войны. Этот вопрос уже другой. Насчет отношений России и Грузии. Мы в последнее время слышим очень много раз очень хорошие высказывания нового президента Грузии насчет этих отношений. Но мы слышим и другие высказывания, которые немножко противоречат этим. Приведу пример. Госпожа Мая Надирадзе, которая, если я не ошибаюсь, шла первым номером в списке национального движения, сказала такую фразу: «С Россией нельзя говорить языком дипломатов. Она это не понимает». Каким языком можно говорить с Россией? Хотел бы слышать от наших коллег из Грузии комментариев по поводу таких заявлений. Я думаю, что надо честно признать, что у России и Грузии есть какие-то общие интересы, а есть интересы различные. И Грузия вправе свои интересы отстаивать, и мы тоже вправе их отстаивать и их активизировать. А общие интересы, понятно, какие – борьба с терроризмом, исламским радикализмом. Это все совершенно правильно, и это наши общие интересы.

Далее. Есть еще такой момент, который тоже хочется сегодня обсудить, он еще не звучал и хочется услышать комментариев на эту тему. Это вопрос о роли истории в конфликте. У меня такое ощущение, что эта роль очень велика, и она во многом недооценивается. Дело в том, что пока в Грузии на официальном или полуофициальном уровне звучат высказывания, практически лишаящие абхазов или южных осетин права существовать как народы или права на свою территорию, до этого времени говорить о движении этих наций друг к другу, сложно. Приведу в пример вышедшую года три назад книжку, если не ошибаюсь Гасвиани, на русском языке «Абхазы древние и современные». Здесь звучала фраза такого типа – «абхазы пришли на исконно грузинскую землю, не принесли с собой ничего кроме варварской, хотя и немало самобытной культуры». Напомню, что автор этой книжки по-

лучил за свои труды грузинский орден чести. Помню совсем недавно уже при новой власти в газете «Свободная Грузия» за апрель есть статья академика Анзора Шония, которая потом была переопубликована в Абхазии. Статья, можно сказать, совершенно ужасная. То есть, утверждается, что народа абхазов нет, что это те же самые грузины, просто они об этом забыли и надо напомнить, что они грузины. Об идеях автора можно судить по повторяющимся словам «генетический код нации», «генетика нации» и т.д. То есть, лексика, напоминая недавнее прошлое. Как все это увязывается с широкой автономией, с широкими правами? О каких широких правах можно говорить, когда отказывают в том, что они вообще нация? Роль истории важна и для непризнанных государств. Есть и другой пример из Южной Осетии – труды некоего бывшего историка, а затем политика Алана Чочиева, который создает совершенно матёрую, крайне радикальную идеологию осетинского национализма, основанную на утверждениях, типа «среди древнейших культовых центров мира, таких как Мекка, Медина, Иерусалим должен быть и Цхинвал».

Реплика – А он в тюрьме сидит.

Александр Скаков – Да. За оскорбление президента Северной Осетии. И его книги издаются большими тиражами и во многом формируют идеологию данной территории, данного народа. Это тоже угроза. Поэтому роль истории и так называемых историков, довольно плачевна и опасна. Я хотел бы услышать комментарий наших коллег из Грузии на тему таких исторических штудий, которые до сих пор издаются в Грузии. Давайте приведу примеры. Это то же самое, если бы сейчас в России издавались бы работы, где доказывалось, что нет Чечни, а есть Грозненская область, что чеченцы пришли на исконно русские территории в XVII веке и что вообще это те же самые русские. Это было бы примерно то же самое.

Реплика – А что, у вас такое не выходит?

Александр Скаков – У нас это не выходит на уровне официальных газет, и за подобные издания у нас не присуждают орден чести.

И, наконец, что касается роли НПО на Южном Кавказе. Я думаю, что тут есть два момента, где НПО могут сыграть позитивную роль. Во-первых, это роль мониторинга о выборах, происходящих на Южном Кавказе. Это раз. Поскольку мы знаем, что приезжает из Москвы Яров, который куда бы не приехал, хоть в Туркмению, всегда скажет, что выборы были честными, справедливыми и достойными. Я думаю, что если бы мониторинг выборов везде – и в Грузии, и в Абхазии, и в Южной Осетии – проводился бы с участием НПО, то это было бы только хорошо. Второе – это вопрос соблюдения прав человека. Что я имею в виду? У нас принято говорить о правах беженцев, о правах населения Южной Осетии или о правах жителей Абхазии, которые являются гражданами России, о правах русских, живущих в Прибалтике, хотя эта тема уже оккупирована Рогозиным. Можно даже поднять вопрос о положении других национальных меньшинств в той же самой Грузии. Я имею в виду, что если мы говорим об осетинах, живущих в Грузии, то давайте вспомним об осетинах Панкисского ущелья и осетинах Боржомского ущелья. Каково их положение? Все ли права по отношению к ним соблюдаются? Я не говорю, что в России все хорошо с правами человека. Я хочу лишь заметить, что здесь есть поле для работы. И опять же, вопрос о возмещении ущерба осетинам, возвращение имущества беженцам из других районов Грузии. Пока этот вопрос не решен, конечно, сложно говорить о каких-то подвижках.

Йенс Зигерт – Александр Скаков поставил столько вопросов, что может быть, кто-то из грузин захочет ответить?

Манана Гургулия – Тут называли несколько сценариев развития грузино-абхазских событий, включая российский компонент. И о многих говорили, что они непредсказуемы. Но почему-то самую большую опасность вызывает сценарий либо признания независимости Абхазии, либо подвешенное состояние. Тем более, выразили опасение, что при подвешенном состоянии будет очень много коррупции. Я думаю, что если говорить о коррупции, то в признанных государствах ее ничуть не меньше, а может быть и больше, чем в непризнанных государствах в силу финансовых возможностей и финансовых вливаний. По-

этому, поскольку все-таки все четыре варианта достаточно непредсказуемы, то я думаю, что имеет смысл ориентироваться на тот вариант, при котором меньше возможностей военных столкновений. Это первый момент. Второй момент. Нам приводилось несколько примеров того, как сегодня сосуществуют народы и т.д. Поднимали проблему Каталонии и целого ряда других народов и других регионов. Дело в том, что война между Грузией и Абхазией была совсем недавно, она была всего лишь 11 лет тому назад. И поэтому здесь отношение достаточно острое. И об этом нужно знать. Упрек в адрес абхазов и сомнение в их стремлении к независимости связан с тем, что они вдруг стали принимать российское гражданство. Дело в том, что абхазы в массовом порядке стали принимать гражданство буквально год назад. Долгое время не принимали никакого гражданства. И сегодня есть большое количество людей, которые из принципиальных соображений не принимают российского гражданства. Но возникает вопрос перемещения людей с непризнанными аннулированными паспортами. Неоднократно абхазы предлагали грузинам и предлагали посредникам, в том числе и ООН, найти какую-то форму международного документа, который позволил бы людям, физическим лицам, перемещаться, а не жить в условиях совершенно жесточайшей блокады. Вопрос этот услышан не был. Что удивительно, сейчас я слышу от некоторых сотрудников международных организаций, включая и ООН: «А как бы вы посмотрели на то, чтобы использовать нансеновские документы или что-то подобное?». Но такие разговоры появились только после того, как Россия как правопреемница СССР решила предоставить абхазам российское гражданство. Напомню, что абхазы – бывшие граждане Советского Союза, не принявшие никакого другого гражданства после распада СССР, за исключением гражданства своего собственного абхазского государства, никем кроме них самих не признанного. Причем здесь никакого нарушения закона ни СССР, ни российского нет. Это что касается гражданства. Поэтому я думаю, что абхазы в этом плане не отступают от своей независимости. Теперь о другом, тут несколько раз говорили, что Абхазия вступает в Россию и т.д. Да не идет речь со стороны Абхазии о вступлении в Российскую Федерацию и превращении Абхазии в один из субъектов Российской Федерации. Никто этого не говорит. И то не все политики, а только часть из

них сегодня декларируют возможность установления или обсуждения вопроса об ассоциированных отношениях с Россией при условии юридического признания абхазской независимости, потому что, я повторяю, возникает вопрос – кто будет ассоциироваться? Какие субъекты и с каким политическим статусом должны ассоциироваться?

Даже в условиях незыблемости и непоколебимости, как многие тут доказывают, международно-правовых принципов, абхазы продекларировали в 1999 году независимость и видят именно в ней гарантии сохранения себя. И не только себя как абхазского этноса. Когда мы говорим «абхазы», часто мы используем это слово в расширительном смысле. Речь идет о населении сегодняшней Абхазии, о людях, которые живут на территории Абхазии. Это не только абхазы, это и армяне, и русские, это пусть и небольшое количество греков, это и какая-то часть грузин. Я не имею в виду только Гальский район. Мы говорим именно о них. И когда речь идет о независимости, то за независимость стоят не только этнические абхазы, но и представители других национальных групп, проживающих на территории Абхазии. Хотите, приезжайте и проводите мониторинг, социологические опросы и т.д. Даже в Гальском районе ситуация не столь однозначная и не такая монохромная, как иногда хотят нам представить наши коллеги из Грузии, которые говорят о том, что Гальский район однозначно выступает за присоединение к Грузии. Теперь, что касается демографии и процентов, то, честно говоря, давно мы об этих процентах не говорили. И во многих дискуссиях, двусторонних и многосторонних, как бы забыли такие аргументы, как 18 процентов, Абхазский государственный университет, еще Абхазская гостелерадиокампания, подаренная нам в 1978 году Шеварднадзе. Мы как бы эти аргументы не использовали, потому что казалось, что уже несерьезно говорить о них. Проценты появились не сами по себе, и абхазов на собственной территории стало 18 процентов не просто так, а в силу целого ряда обстоятельств исторических, социальных, экономических. Это и XIX век, не хотелось к нему возвращаться, и поэтому Нателла быстренько свой доклад через страницу читала. Это и 37-40-е годы, что, кстати, признают не только абхазы, но и некоторые грузины. Об этом, в том числе, неоднократно писал Давид Бердзенишвили. Он говорил, что аморально обвинять абхазов, что их

стало мало на собственной территории после того, что и мы приложили руку к тому, чтобы их стало на собственной территории очень мало. И, тем более, сегодня говорить о том, что в силу того, что нас 18 процентов, мы не вписываемся в какие-то демократические принципы и демократические рамки, я думаю, что это не совсем верно. А потом демократия – это ведь не только власть механического большинства, это и предоставление права власти тем, кто представляет собой какие-то меньшинства. Если абхазы у себя на территории меньшинство... Слава Богу, Ивлиан Хаиндрава сказал, что грузины не рассматривают абхазов, как национальное меньшинство. Еще один момент. Здесь шла речь о железной дороге и том, кто в ней заинтересован. Я думаю, что в железной дороге заинтересована не только и не столько Россия, может быть, сколько в первую очередь Армения. А что касается рынка сбыта, то, думаю, что Россия в силу своего пространства сама для себя является хорошим рынком сбыта, и проблема грузинского рынка не столь острая проблема. И еще один момент. Это момент, о котором мы говорили – борьба с терроризмом и о том, что Грузия в случае урегулирования отношений с Абхазией более эффективно будет бороться с терроризмом. В 2001 году мы видели, как эффективно боролись с терроризмом, засылая военизированные грузино-чеченские группы на территорию Абхазии, в Кодорское ущелье, контролируемого, кстати, грузинскими официальными властями. К сожалению, эта территория пока контролируется не абхазскими, а грузинскими властями. Засылая людей на территорию Абхазии, а потом представлять Абхазию, так сказать, рассадником терроризма, я думаю, что это достаточно легко. И я думаю, что при доброй воле Грузия могла бы показать пример борьбы с терроризмом на той территории, которую она хорошо контролирует. Даже может быть, больше контролирует не Кодорское ущелье, а Панкисское ущелье. А уж потом пусть говорит об Абхазии. Потому что, да, действительно, сегодня Абхазия находится в уязвимом положении и можно любую провокацию совершить, а потом попытаться разобраться с нами. Тем более, международно-правовые нормы, к сожалению, это позволяют. Позволяют тогда, когда их читают так, как хотят большие государства. Спасибо.

Ивлиан Хаиндрава – А результаты переписи опубликованы в Абхазии?

Манана Гургулия – К сожалению, результаты переписи не опубликованы в Абхазии. Спорили по этому поводу и НПО и гражданский сектор. Мы обращались с просьбой опубликовать их. Нам выдали те аргументы, которые приводятся официальными властями, что перепись была проведена с нарушением. То, что я сама знаю совершенно точно – это, действительно, проводили перепись в очень неудачное время – 14 января, в нерабочий день, в день, когда люди уезжают из города в деревню и т.д., есть такой священный праздник, который отмечают все абхазы. Они просто целый ряд районов не охватили. Поэтому я бы не совсем доверяла тем цифрам, которые у них есть, потому что эта перепись не совсем корректно была проведена.

Константин Кублашвили – Я хотел бы продолжить мысль уважаемого профессора Фурмана. Он акцентировал внимание на том, сколько процентов абхазов проживают или проживали в Абхазии. Здесь говорилось о том, что можно сделать, чтобы не произошло так, что после возвращения грузин абхазы окажутся в меньшинстве и безопасность их не будет гарантирована. Но я хочу сказать, что это уже совсем другой этап, нам нужно еще дойти до этого. Если мы дойдем до этого этапа, то тогда легко можно придумать такие системы, при которых абхазское меньшинство, те, кто живет в Абхазии, сами будут решать судьбу своей родины. Есть такие системы, при которых абхазы могут быть представлены в парламенте Абхазии как минимум на 50 процентов. Я не имею в виду здесь ту избирательную систему, которую мы вместе выбрали в 1991 году, ту, которая была основана на этническом принципе. Я не приверженец этого принципа. Юридически мою идею можно назвать принципом позитивной дискриминации. То есть, Абхазия – это родина абхазов, и если грузин, которые там проживают, большинство, то они дискриминированы в некоторых правах, но это принцип позитивной дискриминации и он совместим с демократическим обществом. Есть такие общества, где действуют эти принципы демократического государства. В этом случае отдаются все права тому народу, который проживает на своей родине, который вместе с представителями другого народа, составляющим большинство,

решают судьбу своей родины. Я уже говорил, что это очень дальний этап и мы еще должны дойти до этого. Но я хочу сказать еще одно. Во всех переговорных процессах, в которых я сам участвовал, от абхазской стороны мы всегда слышим одно: очень категорическое требование подписать мирный договор, договор о мире, и это будет гарантией безопасности Абхазии, и абхазы не будут ожидать от Грузии каких-то силовых решений. Я лично поддерживаю такое мнение абхазской стороны, но с одним условием. С моей точки зрения, этот договор или соглашение о мире мы можем, конечно, подписать, в котором в первую очередь напишем, что все стороны, которые участвуют в конфликте, отказываются от применения силы. Но не только об этом мы должны договориться в этом соглашении. В этом же соглашении все стороны должны взять на себя новые обязательства. То есть, сделать один шаг и остановиться – так не выйдет. Мы должны сделать этот шаг и при этом взять новые обязательства для того, чтобы подготовить базу для новых шагов. И в этом случае мы можем утверждать, что не будем использовать силу. К тому же нужно признать многовековые традиции государственности абхазского и грузинского народов. Необходимо также взять обязательства по подготовке нового соглашения, начиная с того, что откажемся от экономической блокады и начнем перепись всего населения, которое сейчас проживает в Абхазии и всех беженцев, которые проживают в Грузии и в других странах. И после выполнения этих обязательств будет начат планомерный процесс добровольного возвращения беженцев. И уже после этого данный документ могут подписать полномочные представители сторон. Между тем, вы говорили об этом, надо договориться о международных гарантиях. Я тоже так думаю. Я думаю, что во время работы над этим документом нам обязательно понадобится помощь международных организаций и других государств, которые вместе с нами на паритетной основе – грузинская и абхазская стороны и международные посредники – подпишут это же соглашение. Таким образом, мы создадим базу для развития ситуации, развития процесса и не остановимся на том, что соглашаемся на мир и все.

Гиви Габния – Манана уже сказала то, о чем я собирался говорить. Давайте зададим себе вопрос – кому мешают самостоятель-

ность и независимость Абхазии? Мне кажется, что это выгодно и Грузии, это выгодно и России. Это невыгодно только Америке, если говорить откровенно. Теперь давайте обоснуем это аргументами. Возьмем Грузию. Сегодня новый вектор в политическом кругу или во власти в Грузии, в которой в первую очередь ставятся вопросы развития экономики страны, социальных каких-то мероприятий. Если логически подумать, нынешняя власть думает о людях и, как они считают, о своих гражданах. Вот, допустим, жители нынешней Абхазии с точки зрения грузинских властей – это такие же граждане Грузии и нужно думать об их экономическом, социальном положении и т.д. Давайте пофантазируем немного, и тогда с этой точки зрения можно будет сказать, что Грузия желает, чтобы в этой стране – в Абхазии – люди жили хорошо. То есть, чтобы у них не было социальных, экономических проблем и т.д. Это одна сторона. Но с другой стороны, вообще-то военные действия происходили на территории Абхазии. Эта война привела к таким разрушениям, я уже не говорю о гибели людей, это неопределимо, естественно. Но если говорить о материальном моменте, то материальный ущерб, который был нанесен Абхазии, составляет 11 миллиардов долларов. Данный вопрос как-то обходится стороной. Я думаю, что если сегодня действительно руководство Грузии относится к данной проблеме так, как я об этом говорил, то этот вопрос встал бы. То есть, в первую очередь нужно было бы оказать помощь или каким-то иным образом вернуть порядка 11 миллиардов. Нужно было бы разобраться с этим и прямо сказать: «да, мы желаем людям этой страны процветания, желаем, чтобы действительно это были такие же люди, как и во всем мире, со всеми возможностями, правами и т.д.». Я думаю, что этот вопрос должен был бы стоять в первую очередь. Это действительно тот вопрос, который волнует нас внутри страны. Я представляю организацию, которая является оппозиционной нынешней власти. Мы критикуем нынешний режим. И в этой части тоже. К сожалению, наша власть жестко не ставит вопрос по поводу такого ущерба. Еще у меня есть аргумент такого характера. Если бы в Грузии социально-экономическая ситуация была бы намного лучше, сравнима с ситуацией в развитых европейских странах, то, я думаю, что Грузия с легкостью пошла бы на призна-

ние абхазской независимости. А вообще, я думаю, что это не такая большая проблема. Грузия могла бы признать независимость Абхазии и могла бы первой это сделать. Это было бы большим прорывом и на будущее тоже. Можно такую базу заложить для взаимоотношений двух соседей. И для истории, я думаю, что это было бы неплохо. Это был бы прецедент, и ничего невозможного в этом нет. Я согласен с тем, что Россия не побежит к Грузии и не будет ее просить. И России это, в принципе, выгодно. России тоже интересно, чтобы Абхазия была независимой. Теперь еще один момент.

Реплика – Вы скажите – а почему это невыгодно Америке?

Гиви Габния – Почему американцам сейчас это невыгодно? Потому что, чем больше здесь будет появляться проблем, тем им интереснее. То есть, больше возможностей для того, чтобы укрепить здесь свое влияние. По поводу того, что к нам зачастили товарищ Рогозин, Затулин и у них только свои интересы и т.д. Помимо, товарищей Рогозина, Затулина в наше государство приезжают и другие представители политической элиты России, депутаты Думы и т.д. Есть у нас некоторые политические партии, которые имеют взаимоотношения с такими же партиями в России, в частности. Давние отношения имеются и у Коммунистической партии Абхазии с коммунистами России, которые приезжают к нам, какие-то вопросы обсуждают. Вопросы эти затем ставятся и в российской Государственной Думе. Я являюсь заместителем председателя политсовета Народной партии. Мы с Народной партией России тоже в тесных контактах. Сейчас, может быть, многие скажут, что Народная партия пережила крах в выборах в Думу, но партия будет существовать и дальше. Не только выборами определяется ее деятельность. Многие, наверное, не знают, что Народная партия России и Народная партия Абхазии заключили декларацию или договор, в котором российская Народная партия заявляет, что Абхазию нужно признать, что Абхазия должна быть членом ООН и другие моменты. Все это не только на уровне Рогозина и Затулина. Мы проводили различные мероприятия, например, круглые столы в Госдуме.

Нагелла Акаба – Я хочу отметить, что иногда даже в этом зале, а не в Совете безопасности и не в Генассамблее ООН я слышу слово «никогда», и меня это очень огорчает. Это сужает наши возможности и нашу фантазию. Давайте вообще не будем думать в терминах «никогда», потому что никто не знает, как дело повернется и, может быть не четыре сценария, а двадцать четыре. В конце концов, почему бы не предположить, что будет такая ситуация, что Грузии будет выгодно признать независимость Абхазии при обеспечении прав грузинского населения. Кроме того, может быть и другая ситуация. Может быть, наступит момент, когда абхазы скажут: «Давайте мы с вами, дорогие грузины, создадим новое государство и назовем его Абрузия», или как-нибудь более благозвучно. Поэтому не исчерпываются все возможности только этими четырьмя сценариями. И, кроме того, мне хочется сказать, что все-таки самый важный момент – то, что это конфликт вокруг этнической идентичности абхазов. Самые страшные конфликты и реки крови проливаются именно в таких конфликтах, когда покушаются на этническую идентичность. И до тех пор, пока в Грузии будут звучать такие лозунги, будто абхазы – это никакие не абхазы, а какие-то там апсуйцы, откуда-то они пришли, что земля эта не абхазская и т.п., ничего у нас с вами не получится. Тут затрагивалась тема Чечни. Знаете, конечно, то, что произошло в Чечне – это трагедия, это драма народа и драма России тоже. Но Россия, и здесь это упоминалось, никогда не посягала на этническую идентичность чеченцев. Она никогда не говорила чеченцам: «Никакие вы не чеченцы, вы русские», или «мы здесь жили испокон века». Это очень важно. Это совершенно другой конфликт. И поэтому, дорогой Ивлиан, вы уже шесть лет не можете нам простить того, что мы принимаем российское гражданство. Вы ведь упрекали меня, когда мы были в Соединенных Штатах на каком-то семинаре. Понимаете, в этом нет ничего преступного, и это совершенно не означает, что я стала русской и перестала мыслить как абхазка. Просто получается так, что вы, грузинская сторона, меня к этому принудили.

Лаша Бакрадзе – Что касается истории, то не только грузинская сторона выдумала какие-то вещи, но и абхазская сторона. И вообще приводить аргументы из этой области – ничего не дает. К сожалению

нию, это советское наследие, когда существовала патриотическая историография и нужно было обязательно с патриотической стороны подходить к истории. И не надо аргументировать, что история – это правда, потому что это никуда нас не ведет и ничего это не дает.

Реплика – Да, история – это относительное дело.

Ирина Агрба – Динамика разговора мне была очень интересна. Но мне кажется, что мы заканчиваем почти за упокой после выступления профессора Фурмана. Я лишний раз убедилась в том, что ученые в политике – это очень опасно. Нас, видимо, вообще к политике нельзя подпускать. Здесь, как я считаю, прозвучало очень много оскорбительных вещей. Мне показалось, что если бы профессор Фурман был бы консультантом президента России, то это было бы очень опасно, потому что Ваши доводы и аргументы – это попытка сделать вчерашний день завтрашним. У меня такое ощущение. Потому что, то, о чем Вы говорили, это уже давно позади. Мне казалось, что мы настолько хорошо понимаем друг друга в рамках этого проекта, что мы уже приближались к совершенно другим, более конкретным и более реальным вещам. И вот таким тоном друг с другом совершенно не разговаривали. А вот сегодня складывается совершенно другое впечатление. Потому что, на самом деле, мы не собирались говорить об истории. Даже когда Нателла достаточно подробно говорила об этом, и не успела уделить внимание XX веку, мне казалось, что это даже и не нужно было. Но теперь я поняла, что на самом деле, оказывается, это нужно, потому что многие вещи потом были извращены. Я об этом не буду подробно говорить, но я хотела бы спросить: как можно, оценивая способность народа к государственному творчеству, исходить из того, что соответствующим критерием может быть поголовье, я специально употребляю это грубое слово. Я думаю, что это некрасиво, потому что все относительно и все познается в сравнении. Если, скажем, великий русский народ поставить рядом с китайским народом, знаете, вас тоже будет очень мало. И вообще способность к государственному творчеству не этим определяется. Очень много принципов и критериев. Курдов много миллионов, но, как вы знаете, до сих у них и национальная идея не

вызрела и, в принципе, они еще ни к чему не пришли. Если мы считаем, что у нас есть воля, что у нас есть традиции, что у нас способности, то я думаю, что не уважать наше право – это просто видимо, не уважать какие-то демократические принципы. И все время думать о том, что независимость Абхазии или создание Абхазского государства – это фрагментация Грузии – это неправильно. Вот Лаша говорит, что не надо эти аргументы из прошлого приводить. Вчера в частном разговоре Вы сами говорили очень много, основываясь на ингороквавских идеях, не хотелось называть, но вы говорили именно так. Я считаю, что Вы должны исходить не из этого. Мы должны исходить из того, что сегодня даже международное право стало уже другим. Происходят очень большие коррективы. То международное право, по нормам которого мы живем последние десять лет, складывалось в другом контексте. Коррективы обязательно будут. Мы в этом плане оптимисты. И почему так дико надо воспринимать желание народа построить свое государство? Я сейчас не буду какие-то контраргументы приводить. Это будет очень долго. Но на что я хотела бы обратить внимание. У меня складывается такое ощущение, вы так хорошо и плавно перешли к проблемам гражданского общества, что мне казалось, что здесь на самом деле мы могли бы очень интересно поговорить. К сожалению, это по-моему не очень удачно. И у меня начало складываться такое отношение, что гражданское общество в России вообще непонятно, какую роль играет. Вы сами, я думаю, это осознаете лучше нас. А что касается гражданского общества в Грузии, которое я уважаю и которое по впечатлениям предыдущих встреч вселяло большие надежды, то сегодня мне стало казаться, что оно скоро может оказаться в объятиях самой власти. И не знаю, как вы потом сможете отгородиться от этих объятий.

Почему я считаю, что гражданское общество должно получить развитие и в Грузии, и в России, и в Абхазии? Потому что все-таки это тот сектор, где людям легче будет воспринять сложные проблемы, в том числе и конфликты, которые должны разрешаться в расчете на длительное время. Очень опасно, когда кто-то ждет сиюминутных плодов. В принципе, это обычно свойственно политикам, властям, а гражданское общество, как мне кажется, мудрее и более терпеливо относится к этим процессам и поэтому уровень, зрелость

гражданского общества будут иметь большое значение. Но, по-моему, сегодня нам мало, чем можно гордиться в этой области.

Еще мне хотелось отреагировать на выступление Григория Шведова. Он сказал, что кавказские неправительственные организации сотрудничают вместе, но деятельность этих организаций идет в европейской ориентации. Если он так думает, значит, это может произойти. На самом деле, если Россия осознает свое значение правильно и адекватно, поймет, какую роль она может играть на Кавказе, и в соответствии с этим уже в глобальном геополитическом контексте продумает и, может быть, изменит свои позиции, свою политику, то это вызвало бы большие надежды. Подозревать кавказские организации в том, что они куда-то ринутся, мне кажется, не стоит, потому что Кавказ сегодня очень разнообразный, он очень разновекторный.

Еще одно, между Александром и Давидом состоялся очень короткий диалог, на который, может быть, не очень обратили внимание. Речь шла о сильной или слабой Грузии, какая она нужна России. Последним оказался тезис Давида о том, что России нужна сильная Грузия, что это выгодно и нужно России. Я хочу сказать, что это очень сложная тема – насколько сильная атлантистская Грузия соответствует жизненным интересам России на Кавказе. Я в этом очень сомневаюсь и такие тезисы, как мне кажется, небезупречны.

И еще один момент. По поводу Чечни можно высказать определенный упрек, почему мы вообще ничего не говорим и нет никакого реагирования на чеченский вопрос. Я очень коротко скажу, может быть, это будет не очень связно. В свое время, когда начиналась чеченская война, российское руководство инициировало письмо о согласии с действиями властей, подписанное северокавказскими руководителями. С таким же предложением обратились и к президенту Ардзинба. Но к его чести, он это письмо не подписал. А сегодня мы понимаем, что в России очень много людей, которые считают, что эту войну не надо было начинать. После первой чеченской войны мы решили поехать туда, потому что у нас там были друзья, родственники и т.д. Нас было три человека – волонтеров, которые никакого отношения ни к какой организации не имели, но просто очень сочувствовали Чечне. Было очень опасно, но, тем не менее, мы добрались до Грозного. Мы общались с простыми людьми, мы общались

с чиновниками высшего ранга в то время. Это было в 1998 году, как раз приближалась вторая война. Мы общались и с радикалами. И у меня тогда сложилось такое ощущение. Простые люди, которые прошли через фильтрационные лагеря, все равно были настроены на начало новой жизни. Они все хотели, чтобы не было войны и чтобы началось строительство новой жизни. Меня даже удивляло, сколько оптимизма было у этих людей, они не думали о новой войне. Что касается госчиновников, то потом, когда началась вторая война, они оказались в лагере радикалов. А в то время эти люди говорили, что «нас устраивает статус-кво, который есть сегодня, мы чувствуем, что Россия свои обязательства не выполняет. И нам сложно будет удерживать общество от новой эскалации». Что касается радикалов, с кем мы общались, то они говорили «что так все равно жить невозможно, наша республика задохнется и надо идти дальше». Вот такая была ситуация в 1998 году. Мы, естественно, понимаем, что очень много общего между чеченскими и абхазскими проблемами, но и очень много разного. Разного в том плане, что после войны мы все-таки остались в состоянии консолидации, а у них этого не произошло.

И последнее, что я хочу сказать. Мне кажется, что многие аналитики теперь уже признают то, что в мировом историческом процессе параллельно идут два процесса – это синтез и распад. И, естественно, что будут возникать новые государства. Мы знаем пример успешных сецессий. И поэтому когда мы ведем диалог, не стоит нашим оппонентам делать вид, будто они говорят с противной стороной, которая ходит в каких-то набедренных повязках. Нет совершенно. Есть народ. Я говорю сегодня об абхазах, это народ, у которого есть воля строить свое государство и именно независимое. На кого ориентируется и почему ориентируется – я думаю, что в этих проблемах многие из вас очень хорошо разбираются. Спасибо.

Йенс Зигерт – На этом мы сегодня заканчиваем. Завтра новым участником встречи будет Дмитрий Тренин, который будет завтра единственным докладчиком. Спасибо вам за очень интересную и глубокую дискуссию.

Дмитрий Тренин

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

22 июня 2004 г.

Я надеюсь, что от моего короткого выступления никто в экстаз не войдет. А если и войдет, то я буду единственным объектом этого экстаза. (Смех). Действительно, тема здесь сформулирована «Аджария как пример». Я думаю, что Аджария, действительно, является примером. Я не буду говорить об Аджарии. Я буду говорить о российской политике, и Аджария является примером этого. Я не специалист по Аджарии, так же я, конечно, не специалист по Абхазии. Я просто буду говорить о своих впечатлениях от российской политики на Южном Кавказе, которая, по-моему, сейчас существенно меняется. Эти изменения стали очевидны с конца прошлого года, когда из различных вариантов реагирования на то, что произошло в Тбилиси, российское руководство выбрало, на мой взгляд, вариант близкий к оптимальному, скажем так. У меня были очень большие страхи. Не то, чтобы опасения, а просто страхи в отношении того, что могло бы произойти в Грузии, в российско-грузинских отношениях, в российско-американских отношениях сразу после, назовем это свержением Эдуарда Шеварднадзе. Я думаю, мы отошли от этой опасной черты, хотя мы пока еще не можем поздравить себя с тем, что российская политика определилась и что она является не то, чтобы близкой к оптимальной, а оптимальной. Что, на мой взгляд, произошло в российской внешней политике? Произошел отказ от не высказывавшейся явно официальными лицами, а высказывавшейся скорее неофициальными лицами, теории управляемого конфликта. Мне кажется, что это важно. Второе. То, что российское руководство отошло от де-факто поддержки раздробленности Грузии. И гораздо меньше стало остаточное стремление контролировать соседнюю страну. Вместо этого, на мой взгляд, усиливается представление о том, что не управляемый конфликт, а регулирование конфликта больше соот-

ветствует российским интересам, что не раздробленная Грузия, а Грузия каким-то образом объединенная является более приемлемым партнером для России на Южном Кавказе. Я думаю, что вместо стремления контролировать идет, развивается политика более тонкая, более сложная, политика партнерства, конечно, неравного партнерства между Москвой и Тбилиси. Но все-таки это политика партнерства, а не политика остаточного контроля. Я думаю, что очень важным было то, что в конце концов Кремль решил дать шанс Михаилу Саакашвили, несмотря на то, что очевидно, что один проамериканский политик в Тбилиси сменил другого проамериканского политика в Тбилиси, если говорить совсем грубо. Но российская дипломатия, российская внешняя политика, прежде всего, проявили доселе невиданную гибкость и Россия, на мой взгляд, заняла примерно такую позицию. Неважно, кто находится у власти, не важны его философские, политические и какие-то другие устремления, привязанности и пристрастия и т.д., а важно, насколько он готов с нами сотрудничать по той программе, которая у нас есть. Эта программа включает комплекс интересов безопасности, связанных, прежде всего с Чечней. Эта программа включает отношение с третьими странами в области безопасности. И эта программа, если опять-таки говорить о безопасности, включает определенные отношения на двусторонней или многосторонней основе между Россией и новыми государствами. Вот это, если говорить о безопасности, примерно такая программа. Если по ней руководитель соседнего государства готов конструктивно работать с российским руководством, то российское руководство готово закрыть глаза на те или иные прозападные, проамериканские или какие-то другие приверженности этого политика. В области экономики, я думаю, что речь идет о благоприятных возможностях для экспорта российского капитала, вернее для экспансии российского капитала в эту страну. Кстати, этой страной может быть Грузия, этой страной может быть любая другая страна. И в том, что касается конкретно Грузии, я думаю, что российским интересом является легализация тех активов, которые в России есть, в частности, в Абхазии, в Южной Осетии. Это тоже, безусловно, интерес России. В области политической эта программа включает, на мой взгляд, отказ правительства, в данном случае

Грузии, от игры на противоречиях между Россией и Соединенными Штатами и отказ от каких-то действий, которые Россия может рассматривать как явно недружественные в политической области. Есть еще гуманитарная часть программы. Она включает и положение меньшинств, положение с русским языком, информационное пространство, визовый режим и целый ряд других вещей. Мне кажется, что примерно вот такая программа вырисовывается в отношениях России с Грузией и с рядом других странах. Это гораздо более прагматичный подход. И он, на мой взгляд, представляет собой позитивное изменение российской политики. Как часто бывает в нынешней России, в принципе, позитивный поворот не сопровождается, не опирается на продуманную долгосрочную стратегию. Но, может быть, не стоит слишком многого ожидать от сегодняшней ситуации. Надо сказать спасибо за то, что поворот был в позитивную сторону. Мне представляется, что российская политика и в Грузии и в других странах СНГ является сегодня гораздо более активной, гораздо более целеустремленной, гораздо более скоординированной внутри России. Россия как бы говорит своим соседям: «Прошло двенадцать лет после распада Советского Союза. Ваша независимость не под вопросом. Мы не посягаем на вашу независимость. Вы признаны международным сообществом. Мы не хотим ни присоединять вас, ни контролировать вас. У нас достаточно проблем внутри своей собственной страны. Но мы ожидаем от вас, чтобы вы учитывали реальность отношений между вами и нами не как бывшими советскими республиками, а как участниками международной системы отношений. Ведь мы учитываем в отношениях с Соединенными Штатами разность весовых категорий. И вы учитывайте разность весовых категорий. И тогда у нас может быть более прочная основа для взаимоотношений». Вот, что Россия говорит своим соседям. Мне представляется, что период неопределенности в российской политике в отношении и к Грузии, и к другим странам СНГ заканчивается. И нынешний вектор, который обозначается, на мой взгляд, является достаточно долговременным вектором.

В конкретном случае с Грузией, я уже говорил о том, что Москва дала шанс Саакашвили. Хотя не сразу его приблизили, но дали шанс

практически сразу. Могли бы быть и другие варианты, и вы об этом знаете прекрасно. Помогли разрядить кризис в Аджарии, главное, что избежали кровопролития. Хотя, на мой взгляд, кровопролития помогли избежать и американцы. В данном случае совместные действия Москвы и Вашингтона помогли избежать кризиса в Аджарии. И это хорошо, это пример российско-американского сотрудничества.

Что касается Южной Осетии и Абхазии, то ситуация здесь безусловно иная, чем в Аджарии. И на это, конечно, нужно обратить внимание. Есть соглашение 1992 года, есть грузино-абхазский процесс, есть российско-грузинские договоренности, есть комплекс отношений России и Абхазии. И это все является фактором в решении проблем. При этом Россия очевидно и совершенно недвусмысленно говорит о том, что силовые методы, не только военные, но и методы нажима, которые Россией были восприняты как терпимые, если говорить о методах политического нажима в отношении Аджарии, в отношении Южной Осетии и Абхазии, рассматриваются российским правительством как неприемлемые и как недопустимые. Я думаю, что Россия будет сопротивляться этим методам. В отличие от ситуации в Аджарии, Россия имеет определенный голос формально и в Южной Осетии и в Абхазии. И я думаю, что она не будет допускать посягательств на то, что она рассматривает в качестве своих законных интересов и своих законных прав. Я думаю, что у России нет плана договоренности между Грузией и Абхазией. Я думаю, что договариваться должны конфликтовавшие стороны. Россия будет способствовать договоренности, но Россия не принесет договоренность Тбилиси и Сухуми, и не будет навязывать договоренности, на мой взгляд. Россия будет ждать, когда Тбилиси и Сухуми проявят соответствующую волю, готовность договариваться на той основе, которая будет ими признаваема как справедливая или, по крайней мере, терпимая. Для России важно, чтобы то соглашение, которое будет достигнуто, в конце концов, выполнялось бы. А собственно интересы России, как я уже говорил, кроме проблем безопасности, это легализация той собственности, которая сегодня у России есть в Абхазии и немалая, я так понимаю собственность. И Россия будет стремиться эту собственность легализовать. В этом смысле это рычаг давления на Россию или козырь в той игре, которая сейчас про-

должается вокруг Абхазии. Потому что Россия, безусловно, заинтересована и она будет готова проявить определенную гибкость в ответ на понимание своих собственных интересов. Но главное это то, что экономическое развитие Грузии, включая и Абхазию, и Южную Осетию, тесно связано с восстановлением связей с югом России. Сегодня Абхазия фактически является продолжением экономики Краснодарского края. И это хорошо. Я думаю, что в дальнейшем позитивное развитие экономики Грузии будет также тесно связано именно с развитием связей с российской региональной экономикой на Кавказе.

Наверное, еще два коротких момента и потом я буду завершать, после чего можете атаковать. Что касается проблемы российского военного присутствия в Грузии. Я говорил уже о том, что для российского руководства принципиально важно, чтобы Россия не выталкивалась из других стран. Россия, наверное, готова будет пойти на сокращение и, возможно, на ликвидацию своего присутствия в Грузии в довольно обозримой перспективе. Наследие, которое имеется у российской армии в Грузии, наследие советского имперского периода, в общем-то, оно сегодня для российской безопасности большой роли не играет. И скорее является обузой и фактором риска для России, чем каким-то дополнением к российскому военному потенциалу. Грузия может быть свободна от иностранных войск, если она этого хочет, а она, очевидно, этого хочет. Постоянное базирование, размещение гарнизонов на территории Грузии для России, на мой взгляд, невыгодно и не нужно. Я не исключаю того, что между Россией и Грузией когда-то может быть достигнута договоренность о том, что какие-то военные объекты, аэродромы, ... что Россия может получить доступ на военные объекты в Грузии в случае определенных обстоятельств. Это может быть зафиксировано. Это, на мой взгляд, тенденция, которая сейчас становится все более очевидной и в американской базовой стратегии и отчасти в российской. Посмотрите на договоренности с Узбекистаном и на то, что происходит в Центральной Азии. Не нужно иметь базы на чужих территориях, но нужно иметь иногда, если потребует ситуация. Ситуация может развиваться так, что такая потребность возникнет. Миротворческие силы в Абхазии и Южной Осетии – это

отдельный вопрос, это не вопрос присутствия, это вопрос достижения договоренности. На мой взгляд, миротворческие силы будут оставаться до достижения такой договоренности. Уход миротворческих сил может рассматриваться как отсутствие договоренности, лишь как приглашение к вооруженному конфликту, подобно тому, как вывод наблюдателей ООН из египетско-израильской границы в 1967 году предварил конфликт, который стал потом известным как шестидневная война. И Россия, наверное, должна была бы изменить отношение к военному сотрудничеству с Грузией и быть гораздо более открытой к такому сотрудничеству, гораздо более щедрой если хотите. И такое сотрудничество, наверное, было бы в интересах России. Сильные вооруженные российские силы или эффективные вооруженные грузинские силы, безусловно, в российских интересах.

Что касается российского отношения к американскому военному присутствию, то это, конечно, дело Грузии. Но в России, я думаю, укрепилась точка зрения о том, что постоянное военное американское присутствие в странах, которые входят в СНГ, является негативным фактором с точки зрения российской политики, российской безопасности. И вывод российских войск из Грузии, я думаю, будет включать или Россия будет настаивать на том, чтобы вывод ее войск с территории Грузии сопровождался обязательством Грузии не размещать на постоянной основе на своей территории войска третьих стран. Россия и лично президент Путин проявили инициативу, закрыв российскую разведывательную базу в Лурдасе, на Кубе, которая была раздражителем для Соединенных Штатов. И Россия, и российское руководство ожидает подобного же отношения к себе со стороны Соединенных Штатов. Я думаю, что вообще проблема российско-американского сотрудничества на территории СНГ сейчас является одной из наиболее актуальных и одной из перспективных.

В заключение. Я бы сказал, что на постсоветском пространстве заканчивается постсоветский период. Конфликты постепенно из положения консервации переходят в стадию разрешения, хотя и не все. Но создаются условия для разрешения этих конфликтов. Такими условиями можно воспользоваться, а можно и нет. И наверное не

все конфликты будут разрешены, вообще наверное не все конфликты имеют разрешение. Но главное, чтобы даже неразрешенные конфликты не приводили к вооруженным столкновениям. И эта задача, на мой взгляд, вполне выполнимая. Россия будет поддерживать грузинское руководство в наведении порядка, в борьбе с коррупцией, в усилиях по созданию реальной экономики, модернизации страны. И Россия будет поддерживать создание в Грузии, я не хочу, чтобы это был термин, но какого-то общего государства, где наряду с грузинами жили бы абхазы, осетины и все остальные этнические группы. Но это дело уже самой Грузии и самих грузинских сторон, грузин и абхазов в данном случае, достичь такой договоренности. Россия не будет, на мой взгляд, поддерживать независимость Абхазии де-юре. То есть, будут люди, которые будут этого требовать, будут люди, которые будут выступать с заявлениями, люди, облеченные важным высоким статусом. Но я думаю, что российское руководство не пойдет на признание независимости Абхазии, равно как и любой другой отколовшейся части какой-то бывшей советской республики. Выгоды от такого признания для России минимальны, а потери очень велики. Поэтому признания де-юре не будет. Хотя признание де-факто – это другой вопрос. Я думаю, что с американцами и с европейцами Россия в конце концов договорится. Я не думаю, что пространство СНГ станет полем серьезных баталий. Будут, конечно, трения. Они уже сегодня есть. Но я думаю, что эти трения будут скорее побуждать Россию и ее западных партнеров к достижению какого-то взаимопонимания. И я думаю, что это должны учитывать новые независимые государства. Спасибо.

ДИСКУССИЯ

Виктор Коган-Ясный – У меня к вам три вопроса. Первый вопрос – когда Вы говорили об аэродромах, какие ситуации Вы имели в виду, когда это потребовалось? Второй вопрос. Вы сказали, что Россия не будет осуществлять политического вмешательства на ситуацию переговоров в отношении между Тбилиси и Сухуми, так же, как и между Тбилиси и Цхинвали. Позиции там практически несовместимые. Как

Вы все-таки видите урегулирование без внешнего вмешательства мировых сверхдержав или региональных в качестве посредников и, так сказать, спонсоров процесса? Третий вопрос такой. Когда Вы говорите о России и обо всем остальном, Вы высказываете официальную точку зрения или взгляд наблюдателя?

Дмитрий Тренин – Я начну с последнего вопроса. Я оставил государственную службу одиннадцать лет тому назад. С тех пор я наслаждаюсь свободой, в том числе и свободой говорить. Я, естественно, высказываю мнение одного человека, который смотрит на ситуацию и делает какие-то выводы для себя. Я пытался реконструировать российскую внешнюю политику, пытался найти, в чем ее суть.

Виктор Коган-Ясный – Здесь сидят люди, которые каждое слово «Россия» воспринимают как то, что...

Дмитрий Тренин – Ради бога, не воспринимайте ничто из того, что я сказал как слово, под которым стоит подпись «Россия».

Батал Кобахия – Мы понимаем, что тут не вся Россия, тут много интересов...

Дмитрий Тренин – Что касается ваших вопросов, я думаю, что ситуации могут быть разные. Дело вот в чем. К сожалению, грузино-абхазский конфликт является не единственным конфликтом на Кавказе. И, к сожалению, это не единственный конфликт, который может привести к войне. Есть другой конфликт, который может привести, на мой взгляд, к еще более серьезному вооруженному противостоянию – конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Время работает на конфликт в Нагорном Карабахе сейчас. У России есть определенные интересы в Армении, у России есть определенные отношения с Азербайджаном. Россия имеет в Армении небольшую группировку войск, но в отличие от Грузии, эта группировка свертываться не будет. И кое-какая инфраструктура России потребуется для того, чтобы эффективно присутствовать и, если хотите, вмешиваться, если нужно

будет, в конфликт между Арменией и Азербайджаном. Я бы так сразу ответил на ваш вопрос. Хотя, естественно, это не официальная точка зрения. И я нигде ее не видел. Я не имею никакого отношения к секретным документам генштаба и т.д.

Что касается вашего второго вопроса, я думаю, что Россия, конечно, вмешивается в переговоры, она участник переговоров. Она, в общем-то, не сторонний наблюдатель. Она пытается посредничать более или менее успешно, она пытается, наверное, и чуть-чуть давить, не знаю насколько успешно. Но что я хотел сказать. Это то, что Россия не будет навязывать решения. Россия не сделает для Грузии и Абхазии мир, который она навяжет, как это делают, скажем, посредники на Ближнем Востоке. Вот этого не будет. Квартета какого-то не будет. У России, во-первых, нет для этого ресурсов и не будет в обозримой перспективе, потому что, чтобы урегулировать такой конфликт нужны очень большие ресурсы, которые если бы они и были, то они были бы потрачены в другом месте. Для России опять-таки и я хотел бы это подчеркнуть, неприемлема война. Россия в течение десяти лет и даже больше десятилетия живет в условиях того противостояния, которое существует между Грузией и Абхазией. И может жить еще дольше. Проблема не в этом. Мы не знаем, с каким конфликтом мы имеем дело: проблема вовсе не решаемая или проблема, решаемая в течение пятидесяти или ста лет? В конце концов, решение будет зависеть от Грузии и от Абхазии. Захотят грузинские и абхазские руководители договориться – значит, они договорятся. И тогда Россия, Соединенные Штаты, Европейский Союз и международное сообщество осветят это, дадут какие-то деньги на реализацию этого соглашения, пошлют каких-то миротворцев или кого-то еще, наблюдателей и все, что хотите. Но это не будет спущено сверху, потому что у международного сообщества есть гораздо более опасные для него конфликты. У международного сообщества есть, к сожалению, ограничения в том, что касается того внимания, которое можно уделить каждому конкретному конфликту. К счастью для международного сообщества и для Грузии и Абхазии, конфликт между Грузией и Абхазией не относится к числу тех, который может взорвать международную ситуацию. Поэтому он может продолжаться и довольно долго.

Паата Закареишвили – Очевидно, что Россия, в самом деле, меняется. Если посмотреть на то, как она работала в контексте Шеварднадзе и Абашидзе, видно, что Россия в самый последний момент непосредственно подключается. До этого она как бы испытывает новые грузинские власти. Она до конца не вмешивалась и соответственно давала возможность самим разрешить ситуацию. То есть, Шеварднадзе мог поехать в Батуми, в Ереван, Москву, в Баку. Потом в Москве собирались лидеры территорий Грузии – Южная Осетия, Абхазия. Явно видно, что Москва как-то заигрывала, рассматривала как бы разные варианты. И после того, когда уже на волоске висел Шеварднадзе, только после этого подключились и приняли правильное решение. С Абашидзе произошло то же самое. Очень долго тянули, играли как кошка с мышкой и потом уже в самый последний момент, когда точно было ясно, что все довольно серьезно, Абашидзе уходит и может пролиться кровь, что новые власти явно убирают Абашидзе, только после этого Москва подключилась к этому. Не является ли это политикой заигрывания, испытания новых властей и там, где уже невозможно устраниваться, когда уже обязательно нужно включиться, чтобы Россия не потеряла своего лица, чтобы Россия осталась миротворцем, чтобы она стала гибкой, дипломатичной и т.д. и после этого включается в ситуацию. Нечто подобное сейчас происходит с Южной Осетией. Грузинские власти делают какие-то маневры, правильные или неправильные – это другой вопрос, но Россия как-то держит себя нейтрально и немножко поддерживает силы Южной Осетии. Войска прошли по Южной Осетии, легитимные или нелегитимные войска, но не может быть так, чтобы границу пересекли несколько десятков тяжелых машин, по крайней мере, с вооруженными людьми. Явно, из России оказывают какую-то поддержку тем силам, которые противостоят центру, Тбилиси. Хотя на словах в телефонных разговорах Путин поддерживает центр и соответственно поддерживает тот порядок, который хочет установить Саакашвили. Насколько Россия все-таки не полностью поменяла свою политику, а заигрывает и ищет минусы и просчеты у новых властей, чтобы в итоге все-таки наказать для примера перед всеми СНГ-скими странами, что мол, такие революции так просто не проходят и что

демократизация не самая главная цель России. То, что происходит в странах СНГ, то что мы видим – это все-таки закручивание гаек против демократизации?

Дмитрий Тренин – Я с вами полностью согласен, с тем, что вы сказали в самом конце. Демократизация – не цель российской политики в странах СНГ, безусловно. Российская политика достаточно нейтральна к проблеме демократизации и демократии и в широком смысле прав человека, если это не относится к правам русскоязычных меньшинств. Российская политика направлена на другое – на создание более стабильной ситуации в странах СНГ, на превращение стран СНГ в экономических партнеров России. Если говорить о российской внешней политике и, наверное, это нужно сказать, целью российской внешней политики является восстановление России как современной великой державы в региональных масштабах. Региональные масштабы – это СНГ, великая держава, отдельно стоящая, не входящая ни в ЕС, держава, не являющаяся младшим американским партнером. И современная – это означает то, что она основывает свое влияние и будет основывать свое влияние прежде всего на экономике. Если говорить о внешней российской политике в целом, то она вот такая. Можно говорить о том, плохо это или хорошо, но она вот такая. Что касается российско-грузинских отношений. Я говорил о том, что Россия делает правильное решение, но эти решения не подкрепляются какой-то серьезной стратегией. То есть, в конце концов, и это очень важно, Россия принимает правильное решение. Но перед этим иногда перебираются, иногда просматриваются другие варианты, а что можно? Я думаю, что примерно вот такая ситуация существует в российско-грузинских отношениях. Но это не заигрывание само по себе. Меняются, и это очень важно, основы российского подхода, они становятся более современными. Хотя, может быть, от этого не легче. И вот на эти изменения я хотел бы сделать упор. А то, что тесные контакты с руководством Аджарии, то, что тесные с руководством Абхазии, разные контакты официальные и неофициальные с руководством Южной Осетии – это уже другое. Это то, из чего мы исходим, с каким политическим материалом мы имеем дело.

Поэтому, действительно, были разные варианты. Ни в коем случае не считайте, что я где-то что-то услышал, но я бы предположил, что варианты были в отношении Шеварднадзе и Саакашвили самые разные, в том числе, наверное, были и плохие варианты. Мне кажется, что я боялся не зря. Мы проехали очень большую грозу.

Ивлиан Хаиндрава – Спасибо за легкий такой анализ. У меня, с вашего позволения, два вопроса. Вы подчеркнули, потому что повторили это два раза, что Россия не собирается навязывать модель грузино-абхазского урегулирования. И в то же время Россия поддержит тот вариант, который будет признан справедливым. С вашей точки зрения, каковы те базовые принципы, которые такую договоренность могут сделать справедливой? И второй вопрос. Вы упомянули, что Россия будет поддерживать Грузию или новые власти в Грузии в борьбе с коррупцией. Зачем?

Дмитрий Тренин – Я начну с последнего вопроса. Я думаю, что Россия, под Россией я в данном случае имею в виду Кремль, потому что Россия сегодня сжалась до одного человека, если говорить о внешней политике. Это плохо, но это реальность. Я думаю, что они... что он... (Смех). Что он устал, я думаю, что он не может не знать некоторых вещей, некоторых обстоятельств, связанных, скажем, с функционированием российских баз на территории Грузии, с тем, насколько тесно связаны коррупция и, скажем, весь комплекс чеченских вопросов. Я думаю, что есть понимание и в принципе он от этой коррупции ничего не получает, он может с ней бороться или, по крайней мере, позволять господину Саакашвили бороться с коррупцией. Но это дело Грузии. Проблема коррупции в России, проблема коррупции в Чечне – это другая проблема, с которой, я думаю, президент тоже познакомился последние месяцы поближе. И наверное, немножко ужаснулся. Что касается справедливости, знаете, это сложный конфликт. Я не стал бы брать на себя смелость говорить, что справедливо для грузинской и абхазской сторон. Я мог бы себя представить грузином или абхазом, и я тогда для себя решил бы. Если бы я был грузином, и если я не могу контролировать какую-то территорию, то я мог бы сказать: «Пусть эта

территория выбирает свой статус, и мы с этой территорией будем иметь какие-то другие отношения. Мы договоримся о вопросах, связанных с кровью, с болью, с захватом собственности и многое другое». Но если бы я был грузином, то я не хотел бы, чтобы мое государство подрывалось изнутри элементом, который был бы чуждым. Я приведу другой совершенно пример. Я, говоря уже совершенно о других отношениях – российско-белорусских. Вот я был бы против включения Белоруссии в состав России, потому что это расшатало бы Российскую Федерацию. Лучше иметь те отношения, которые даже сегодня существуют. Я надеюсь, что они будут более интегрированными экономически, но забирать независимость для того, чтобы через двадцать лет или тридцать лет какое-нибудь молодое поколение, начитавшись в книжках о подвигах Шушкевича, или Поздняка или кого-то еще, стала бы проводить у меня, на моей территории, демонстрации и требовать отделения? Да не надо этого. Проблема территориального контроля не стоит в двадцать первом веке так остро, как она стояла раньше. Это если бы я был бы грузин.

Если бы я был абхазом, то я сказал бы, что для меня нет ничего более важного, чем благосостояние моего народа. И я бы сделал бы все, чтобы вернуть Абхазию в экономическое пространство. И я был бы готов пойти на разные компромиссы, уступки... Но я русский, я россиянин и у меня нет позиции. Это ваша позиция.

Батал Кобахия – Спасибо за последнее, что вы сказали, потому что теперь вопрос полегче задавать. (Смех). Я испугался, насколько это отображает вашу точку зрения или же действительно официальную...

Дмитрий Тренин – Я представляю американский фонд. (Смех).

Батал Кобахия – Вы сказали, что как бы не планировала сейчас Россия свои отношения с Грузией, все-таки долгосрочного планирования нет. Насколько я понял, есть краткосрочное видение на пять, десять, пятнадцать лет. В связи с этим такой вопрос. Саакашвили – человек, который всегда стремится к успеху. Но успех имеет определенные границы. Маленький успех – маленькие границы, еще успех

и потом еще что-то надо покорять, я имею в виду не территорию, а вообще. Но Путин тоже человек, который стремится к успеху. Как вы думаете, в этой перспективе от краткосрочной до долгосрочной, где могут соприкоснуться эти их стремления к успеху? Столкнутся ли их стремления к успеху и в какой форме это может произойти? Второй вопрос. Как вы думаете, все-таки политика России состоит в том, чтобы включить Грузию в свое экономическое пространство через Абхазию?...

...Можно ли предполагать, что она будет полностью экономически зависимой от России? Или придется какие-то силовые методы использовать?

Дмитрий Тренин – спасибо за легкие вопросы. (Смех). Что касается вопроса об успехах, я думаю, что коса может найти на камень.

Батал Кобахия – Когда? (Смех).

Дмитрий Тренин – Если президент Саакашвили сочтет, что исчерпаны мирные средства решения осетинского или абхазского конфликта, то он получит в лице президента Путина не партнера, а политического противника. И тогда будет другая игра. Я думаю, что этого не произойдет. Я надеюсь, что этого не произойдет. Против этого работает и российская политика, против этого работает и американская политика, Европа в той степени, в которой она присутствует. Но американцы, как я понимаю, очень активно работают для того, чтобы конфликты в Грузии не возгорелись опять. С другой стороны, если говорить уже о позитиве, то успехи господина Саакашвили во многом могут зависеть от успехов господина Путина, в то время, как успехи Путина не зависят от ситуации на Южном Кавказе. Они могут зависеть от ситуации на Северном Кавказе, но даже и это не самое главное. Это, безусловно, взаимосвязано. Так что, конечно, успехи Путина, прежде всего, лежат в экономической области. Если ему удастся сделать то, на что он уже подписался, он будет успешным президентом. Не удастся, значит, тогда он войдет с другим клеймом в историю. Что касается того противоречия, о котором вы говорили, оно действительно есть. Но

я хотел бы подчеркнуть, что Россия стремится не столько создать новые пространственные интеграции. Хотя сейчас опять пошли разговоры об этом. Я думаю, что главное в российской экономической политике в странах СНГ – это сделать страны СНГ удобными для России экономическими партнерами. Иными словами, не страны сами, а сделать эту территорию или, скажем, эти экономики сферой благоприятного применения российского капитала. Речь идет о вывозе российского капитала, занятии российским капиталом тех или иных позиций не для того, чтобы контролировать страну, а для того, чтобы получать больше прибыли. В странах СНГ в целом ряде случаев можно получить большую прибыль, чем в России по понятным причинам. Поэтому я думаю, что российская политика – это не политика интеграционистская, это политика экстенционистская. Но в этом, я бы сказал, есть шанс для соседей России. Что касается противоречия между этой политикой и стремлением Грузии в ЕС. Я недавно был на экономическом форуме в Варшаве, кстати, там сидел и президент Саакашвили на подиуме. На подиуме сидел и президент Илиеску. Одним из широко обсуждаемых вопросов на этом форуме был вопрос в том, где сейчас, после расширения находится центр Европы. И каждая страна говорила о том, что центр переместился к ним... Президент Илиеску, правда, не говорил напрямую, что центр Европы теперь в Румынию переместился, но он сказал, что неправильно называть Румынию и ее соседей Юго-Восточной Европой. «Мы, – сказал он, – Центральная Европа, а юго-восточная Европа – это Грузия, Армения и Азербайджан». Есть такая точка зрения. Но думаю, что до реализации этой точки зрения пройдет довольно длительное время. Я не думаю, что сейчас России нужно бояться конкуренции с Евросоюзом в странах Кавказа. Во-первых, конкуренция – сама по себе хорошая вещь, если она не переходит определенные границы. Это хорошо для всех участников. Каждый стремится быть наиболее эффективным. И поэтому конкуренция – это хорошо. Кроме того, приход Европы, я имею в виду под Европой – Европейский Союз, на Кавказ, а под Кавказом имею в виду Южный Кавказ, означает модернизацию и содействие укреплению экономики обществ, государств. Это, в общем-то, хорошо для России. Кроме того, Россия

развивает свои отношения с Европой. Если говорить о каком-то противоречии, то, скорее всего, это Украина. В перспективе это может быть Белоруссия, Молдавия. Но это больше, чем те пять лет, о которых вы говорите. Кстати, пять лет по современным российским масштабам – это долгосрочная политика. Под краткосрочной политикой я имел в виду несколько месяцев, под среднесрочной – пару лет, долгосрочная – это пять лет. Ну, мы сейчас живем в такой парадигме. У китайцев другое. Но у них другая страна, там – пять-десять лет. У каждой страны есть свое понимание. Американцы живут четырехлетними периодами.

Александр Крылов – Вчера доминировал образ многобашенного Кремля. А мне кажется, что Кремль имеет одну башню. Мне кажется, что это было бы упрощением, потому что видима одна большая башня и много-много мелких. Говоря о России, ей нужно иметь продуманную политику на Кавказе. Возвращаясь к Аджарии хотелось бы узнать, что означает уход России из Аджарии, а сейчас есть приметы того, что и Осетия тоже может быть оставлена, определенные моменты об этом говорят. И вместе с тем Россия заявляет, что Абхазия и Южная Осетия – это не Аджария, это совсем другое, и что этого не произойдет. Если посмотреть на трассу нефтепровода, то нефтепровод как раз проходит в Осетии и Аджарии. Вот в этой связи нельзя ли говорить о том, что произошел определенный раздел сфер влияния, и американцы в ответ на то, что мы уходим из зоны нефтепровода, гарантировали, что наша зона влияния в Осетии будет сохранена. Каково Ваше мнение американиста? В принципе, американская администрация может пойти на такие размены, или это невозможно для демократического общества, каковым является американское?

Дмитрий Тренин – Я думаю, что на этот вопрос легко ответить. Я думаю, что американцы не пойдут на такую сделку. Американцы в принципе не идут на сделку не только потому, что общество демократическое, а потому что в Америке секреты живут очень недолго и кому-то придется отвечать, но при этом никто не хочет отвечать за

какую-то сделку. Нет. Я думаю, что есть разговоры, есть серьезные обсуждения проблем взаимодействия на постсоветском пространстве, но дележа постсоветского пространства такого, как при Молотове с Риббентропом, которые с карандашами по карте лазили, вот этого нет, и не будет. Теперь, что касается однобашенного и многобашенного Кремля. Я говорил, что интересов, конечно, много. Но если серьезный вопрос, то его решает один человек. Это не значит, что он решает, не обращая внимания на огромную массу существующих интересов. Интересов много, но мне кажется, что многобашенный Кремль – это уже прошлое, это реальность, но вчерашнего дня. Сегодняшняя реальность другая. Есть Иван Великий, башен много, а Иван Великий – он один. Он видит далеко, когда нужно он звонит. Зовут его...

Я думаю, что с точки зрения российских интересов, то поддержание Джавахетии в качестве самостоятельного анклава на территории Грузии – российским интересам особенно не соответствует. Это, возможно, соответствует армянским интересам. Но это другой вопрос. Российские интересы сосредоточены в другом месте. Россия сейчас, если вы обратили внимание на общую тенденцию, уходит с тех позиций, где интересы второстепенные или третьестепенные. Ну вот, скажем, базу в Лурдасе закрыли. В этом году исполняется пять лет приштинскому броску. Где эти чудо-богатыри сегодня? В прошлом году все прошло очень тихо, без всякого общественного интереса, а ведь пять лет назад чуть с НАТО серьезно не сцепились, но потом ушли, потому что Балканы с точки зрения современной российской политики – не зона российских политических интересов. Да, туда ведут нитки нефтепроводов, да, есть кое-какие экономические интересы, но пусть со всеми прелестями Балкан разбирается Европейский Союз. А мы будем сосредотачиваться на тех позициях, которые важны для России. В Грузии таких позиций две – это Абхазия и Южная Осетия. Но самая главная российская позиция в Грузии – это Тбилиси. Поэтому отношение к Тбилиси имеет более важное значение, чем отношение и с Абхазией, и с Южной Осетией. Это довольно прагматичный взгляд. Я говорю о том, что подход, конечно, не взвешенный и непродуманный. Нет стратегии. С другой стороны, где такая страте-

гия есть? Покажите такую страну, где такая стратегия есть. Соединенные Штаты Америки? Это не пример.

Нателла Акаба – У меня два вопроса. Вчера была поляризация мнений по вопросу о принятии российского гражданства жителями Абхазии. И если одни преподносят это как вражды происки, то другие как продвижение российских интересов. Каково ваше мнение? И второй вопрос – чего нам ждать от результатов выборов в соединенных Штатах? Что изменится на Южном Кавказе, если к власти придут демократы?

Дмитрий Тренин – Я рискну высказать противоречивую точку зрения. Я думаю, что демократы к власти в Соединенных Штатах не придут. Хотя я могу быть посрамлен через несколько месяцев, но я думаю, что они не придут к власти. Если бы они пришли, то я думаю, что можно было бы ожидать большего внимания к конфликтам на постсоветском пространстве. Можно было бы в большей степени ожидать критику в адрес российской политики в Чечне, большую критику российского давления на соседние страны, в том числе и на Грузию. И я думаю, что это означало бы, что вопросы демократии и прав человека, империализма, неоимпериализма в российской политике стали бы более приподнятыми, по крайней мере, в информационном пространстве. Это не привело бы к каким-то результатам в России. Россия, на мой взгляд, имеет достаточный иммунитет по отношению к американскому давлению по таким вопросам. Но, наверное, атмосфера была бы создана такая. Через некоторое время, увидев невозможность продвинуть эти позиции, новая администрация должна была бы искать свой собственный путь к сердцу или к душе президента Путина. Возможно, тогда позиция изменилась бы на ту, которая ближе к нынешней позиции администрации Буш-младшего. Но я не думаю, что это вероятно. На мой взгляд, это было бы вероятно в двух случаях. Если бы Буш предстал перед американским народом как некомпетентный руководитель. А этого не произошло, несмотря на всю встряску, которая была в последнем месяце. И если бы он лгал американскому народу. Я думаю, что он не лгал. И во лжи он не был уличен. И я думаю, что это его спасает.

Любая ложь привела бы к концу. Он не лжет. Можно соглашаться или не соглашаться, но он не лжет.

Принятие российского гражданства. Я думаю, что все-таки здесь сыграло свою роль много факторов, начиная от чисто прагматических факторов. Есть абхазы, которые де-факто являются продолжением экономики Краснодарского края. И в интересах развития этих экономических связей, у вас же есть партнеры в России, есть партнеры в Абхазии и эти партнеры говорят: «Нам нужен российский паспорт, чтобы ездить». Есть возможность получить этот паспорт легально. Может быть, что-то как-то надо обойти какие-то углы, но это не противозаконно. Есть некоторые легальные возможности для предоставления гражданства. С другой стороны, наверняка речь все-таки шла о периоде правления Шеварднадзе и о другой политике России в отношении Грузии. Был элемент жесткости по отношению к Тбилиси. Вы не учитываете наши интересы? Прекрасно. Вы заигрываете с американцами? Замечательно. Вы говорите о том, что Россия – империалистическая и захватническая и т.д.? Хорошо. А мы дадим абхазам российское гражданство и вас спрашивать не будем. Это – старая политика. Я думаю, что такое решение сейчас принять сложнее. Потом есть все-таки отношения между российским руководством и абхазским руководством. Наверное, целый ряд факторов привел к этому решению. Но я не стал бы преувеличивать значения этого, потому что с точки зрения, как я понимаю, большинства жителей Абхазии, дело не столько в том, что они решили стать россиянами, а в том, что они, в конце концов, не хотят жить в том гетто, в котором оказались. Речь идет о людях, речь идет о десятках тысяч людей. И в общем-то это их интерес. Люди хотят получить паспорт для того, чтобы ездить. Конечно, если в полемическом плане такой вопрос был задан под критическим углом зрения представителем Грузии, а я был представителем России, то я мог бы сказать, что гораздо больше грузин с российскими паспортами, чем абхазов с российскими паспортами. И все. Но это был бы разговор на уровне элегантного обмена ударами.

Георгий Гогия – Вы наверное знаете, что уже десять лет продолжаются переговоры на официальном и неофициальном уровне, есть

различные программы народной дипломатии. В общем-то, можно сказать, что все эти переговоры зашли в тупик и несколько лет мы уже говорим одно и то же. Не хотим идти назад ни на один шаг, не хотим идти на встречу нашим интересам и т.д. У меня вот такой вопрос – как вы думаете, в чем главная причина вот такой ситуации, которая сейчас возникла, такой тупиковой ситуации в переговорном процессе? Особенно в официальном, так называемом, Женевском процессе.

Дмитрий Тренин – Я не возьму на себя смелость давать оценку, и не потому, что я боюсь, просто потому, что я недостаточно компетентен. Если я чем-то занимаюсь, то это, наверное, российская внешняя политика и политика безопасности. А грузино-абхазские отношения, к сожалению, не являются сферой моей непосредственной профессиональной деятельности. Я читаю газеты, статьи какие-то, книги попадают, но у меня нет серьезного анализа, я не могу его вам предложить. Единственное, что я могу сказать, что это случай, который скорее подтверждает правило, чем исключение. Посмотрите на Кипр. Даже перспектива вступления в Европейский Союз, то есть, как раз таки перспектива вступления в Европейский Союз и план Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и то не сумели объединить Кипр на сегодняшний день. Кипрский конфликт все-таки на двадцать лет старше грузино-абхазского конфликта. Проблема как всегда в политической воле тех или иных лидеров. Но что такое политическая воля? Это не ответ. Поэтому я ответа не знаю. Я думаю, что вы знаете его гораздо лучше, чем я.

Валентин Гефтер – Мне захотелось немножко поиграть вот в эту игру с двумя башнями. Одна – тут недалеко, а другая в Тбилиси.

Ивлиан Хаиндрава – В Тбилиси она еще строится.

Валентин Гефтер – Ну, неизвестно, чья острее. Дело в том, что много общего. Мне немножко непонятна ваша уверенность в том, что в южноосетинском и абхазском конфликтах будет тот предел, та граница, за которую Кремль не даст Саакашвили перейти. Чем вы руко-

водствуется? Очень близкие по сути явления эти обе башни, да? Почему вдруг то, что Путин себе позволяет с Чечней, он не даст сделать по аналогии Саакашвили? Или предположим, если Путин одобрительно смотрит на ситуацию с паспортами абхазскими, так почему, если завтра Саакашвили даст туркам-месхетинцам грузинские паспорта и наконец легализует их хоть как-то в их бесправном положении, почему это вызовет или не вызовет аналогичную реакцию Кремля?

Дмитрий Тренин – Очень интересно то сравнение, которое вы провели между двумя президентами. Один мой знакомый и даже в прошлом начальник и крупный американский меценат написал статью на эту тему и, возможно, она скоро появится на русском языке. Я не буду называть имя и т.д., но возможно, вы прочтете. Он сделал устный доклад и сейчас хочет сделать его в качестве статьи. Действительно, наверное, есть много общего, хотя различия столь же велики, как различия между Грузией и Россией. Я думаю, что положение Грузии и России как положение любых других двух субъектов международных отношений асимметричны. Если бы Россия граничила на Кавказе не с Грузией и с Азербайджаном, а скажем, с Соединенными Штатами и Китаем, и эти Соединенные Штаты или Китай имели бы определенную позицию по Чечне, то я думаю, что российская политика была бы другой. Это вполне естественно. Но Россия граничит с другими странами и поэтому она такая, какая она есть с точки зрения международных аспектов российской политики в Чечне. Я думаю, что у России достаточно возможностей и одна из этих возможностей, если говорить о красных линиях, это взаимодействия с Соединенными Штатами в отношении, скажем, необдуманных действий грузинского руководства. Вообще говоря, несмотря на всю эйфорию в связи с революцией роз, в Соединенных Штатах очень многие, в том числе очень многие ответственные сотрудники Госдепартамента и других ведомств, в обще-то испытывают определенные сомнения...

Валентин Гэфтер – Понимают, что розы бывают с шипами.

Дмитрий Тренин – Да. И в общем-то, они не были уверены в том, что новые власти при всей своей западной направленности будут проводить политику, которая не приведет к осложнениям, которые потом Соединенные Штаты должны будут разгребать каким-то образом. В Соединенных Штатах сегодня полно других дел. Им не нужны новые конфликты. И они будут, в частности здесь, стремиться конфликты гасить до их вооруженной стадии. И здесь у президента Путина есть хороший партнер – президент Буш. Я думаю, что вдвоем они справятся с ситуацией в Тбилиси. Да и сам президент Путин, несмотря на все суверенное равенство государств и т.д. в отношениях с президентом Саакашвили чувствует себя старшим партнером.

Вальтер Кауфманн – Я вас слушаю и думаю, что российская внешняя политика выглядит выпрямленной, консолидированной. Очень приятно говорить, что постсоветский период прошел. Мы работаем на Кавказе и думаем, что Россия не так уж хорошо выглядит. И Россия на Северном Кавказе тоже не так уж хорошо выглядит и не так уж консолидирована. И поэтому я спрашиваю, насколько эти маленькие башни, которые существуют даже там в регионе все-таки имеют свое влияние.

Вот если представить себе ситуацию на границах. Там какие-то манипуляции, эта же игра не прошла полностью. И российские всякие аферы тоже в этом участвуют и зарабатывают и т.д. Насколько консолидирована российская политика, чтобы справиться с этими проблемами?

Дмитрий Тренин – Вальтер, я не хотел представить российскую политику консолидированной политикой. Я говорил только о том, что появились точки кристаллизации. Я же не сказал, что постсоветский период закончился. Я сказал, что постсоветский период на постсоветском пространстве начинает заканчиваться. Он будет долго заканчиваться. Но уже, на мой взгляд, ситуация перешла в другую фазу развития, где у России, в данном случае мы говорим о президенте Путине, появились некоторые точки консолидации, некоторые точки прояснения, которые приводят к некоторым вполне опреде-

ленным политическим шагам, которые формируют определенную тенденцию. За этой тенденцией нет стратегии, нет каких-то продуманных вещей. Это все-таки, как ни крути, политика одного человека. Она, конечно, отвечает чьим-то интересам, а чьим-то интересам в России она не отвечает. И, несмотря на весь авторитаризм российской власти, когда вся власть сосредоточена в руках одного человека, а он такой же, как мы все с вами, то реальная власть или значительная, большая часть власти находится в руках различных элементов бюрократии, или каких-то актеров, которые творят свой собственный курс. Вот это есть. Я не говорю, что политика консолидирована. Я говорю, что она более консолидирована. И мне кажется, что в этом основное. Это новое. Мне кажется, что на это нужно обращать внимание. А малые башни существуют. Есть интересы военных. Есть интересы коррумпированных кругов. Есть интересы тех, кто никогда по своей воле не уйдет из Грузии, потому что это «кому война, а кому мать родна». Это, правда, к Чечне относится. А в Грузии тоже есть своя соответствующая формулировка. То есть, это коррупция, на ней живут, и любой, кто будет пытаться ограничить это или свернуть, рискует своей жизнью. Когда президент Путин полетел на вертолете в Грозный, для меня это было очень важно. Вы знаете, я бы не полетел на вертолете, честно вам скажу. Я вам скажу почему. Будучи в своей предыдущей жизни советским офицером, я в российский вертолет без такой надобности не сел бы, даже над Москвой. А он полетел в Грозный.

Юлия Харашвили – Дмитрий Витальевич, я хочу сейчас с башен немножко спуститься, совсем вниз. Вы отметили три фактора, но о третьем, гуманитарном факторе сказали вскользь. Слово «гуманитарное» должно вызывать более положительные эмоции, но у нас это обычно связано или с нарушением прав меньшинств или с нарушением прав языка, то есть, все это больше идет в негативном плане. Видите ли Вы какой-то позитив гуманитарный, который на уровне общества сегодня в этом трехстороннем диалоге мог бы сыграть консолидирующую роль? И второй вопрос на этом же уровне, на уровне площадки под башнями. Что делать с тем, что человеческие контакты очень разрушены между этими тремя территориями – меж-

ду Россией, Грузией и Абхазией. Когда ослабевают человеческие контакты, то любые политические игры становятся гораздо более легкими. Можно ли это исправить и как?

Дмитрий Тренин – То, что уже много лет существует тот диалог, который сегодня продолжается здесь в Москве – это замечательный пример того, что есть люди, которые готовы инвестировать существенную часть своих усилий, если хотите, своей жизни, в то, чтобы пытаться решить проблему. Причем люди, которые в течение многих лет занимаются вопросом, который не имеет ясного решения, не имеет ясного ответа. И этот ответ не за углом. Он все-таки в какой-то далекой перспективе. И то, что это существует, по-моему, это очень здорово. Я так понимаю, что те люди, которые участвуют в этом диалоге не обязательно самые популярные люди у себя дома. И, наверное, легче быть тем, кто поддерживает официальную позицию или по крайней мере занимает очень жесткую позицию. Всегда легче занимать очень жесткую позицию.

У меня, честно говоря, претензия к третьей – российской стороне. Мне кажется, что российская сторона, российская общественность, российское политологическое сообщество, относительно небольшое, но все-таки, оно существует. Это сообщество очень в недостаточной степени занимается теми проблемами, которые сегодня реально находятся на первом плане российской внешней политики. Гораздо больше людей, которые занимаются проблемами отношений с Соединенными Штатами или отношениями со странами Латинской Америки. Это все очень правильно и очень хорошо. Но в России не появилось за последние двенадцать лет серьезного, мощного сообщества людей, которые занимались бы новыми странами. Знали бы языки, знали бы историю, питались бы не только воспоминаниями о пляжах Сухуми или Пицунды, но хорошо знали бы историю этих стран, то есть, были бы специалистами по новым странам, действительно занимались бы этими вопросами, но, к сожалению, таких людей очень мало. И серьезные российские специалисты смотрят на ситуацию в соседних странах свысока, с тем высокомерием, которое не помогает. На мой взгляд, российская внешняя политика очень сильно выиграла бы, если бы проблемой отношений с сосед-

ними странами и проблемой конфликтов в соседних странах занимались бы не те, кто на этом делают политические карьеры, и кто использует это в частных или групповых целях, а люди, которые работали бы на повышение уровня информированности российской внешней политики. Вот здесь у меня претензия к моим коллегам и к самому себе в том числе.

Марина Элбакидзе – Я хочу продолжить тему паспортов. Как мы уже тут отметили, Россия охотно выдает паспорта тем, кто не проживает на территории России – абхазам и осетинам – и отказывает в этом туркам-месхетинцам, которые вроде бы имеют больше юридических и моральных прав получить этот паспорт и российское гражданство. Это один момент. Другой момент. Вы отметили, что Россия признает, декларирует де-юре единство и целостность Грузии. Но в то же время явно де-факто поддерживает ситуацию статус-кво. Что значат вот эти моменты? Это значит, что у России и вправду нет долгосрочных планов и стратегии или все же это какая-то игра? Может быть, это и есть долгосрочная стратегия – просто поддерживать статус-кво в ожидании каких-то перемен в мире? Может быть, все же какие-то долгосрочные планы существуют, и это просто не оговаривается?

Дмитрий Тренин – У России, наверное, долгосрочных планов нет. Мы об этом уже говорили. Но дело не в этом. Мне показалось, не столько по вашему вопросу, сколько по тональности вашего вопроса, что вы видите Россию в качестве, скажем, организующей силы, доброго старшего по подъезду, страны, которая решает различные проблемы в интересах соседей. Да? Мы имеем дело с другим. Россия является традиционной страной. В этом смысле она гораздо ближе к Америке, чем к Европейскому Союзу и странам Европейского Союза. Россия, как и другие такие же страны, преследует свои собственные эгоистические интересы. И от России не надо требовать, чтобы она преследовала какие-то другие интересы. Если ваши интересы совпадают с интересами России, есть, о чем договариваться. Если эти интересы не полностью совпадают, значит, пространства для договоренностей меньше. Поэтому та ситуация, о которой мы

говорили – поддержка де-юре, потому что отказ от поддержки де-юре бьет по российским интересам, и Россия на это не пойдет. С другой стороны, поддержка де-факто, которая, в общем-то, Россию устраивает, но не устраивает Грузию и Абхазию. Но это другой вопрос. Относительно ситуации де-факто, если не будет войны, то в принципе с этим жить можно. Поэтому смотрите на Россию, как на традиционную страну, страну из двадцатого века. Россия – это пока не постмодерн. Россия – это очень даже модерн. И это многое объясняет. Иными словами, призывы быть более моральной, более справедливой – эти призывы могут раздаваться, но не надо ожидать, что эти призывы будут значить больше, чем конкретное понимание конкретных интересов.

Что касается турок-месхетинцев, то я недостаточно хорошо знаю ситуацию. Это очень интересная вещь. Я посмотрел и мне кажется, что здесь тоже видна какая-то часть российской политики. Это очень важно. Но, к сожалению, я просто невежественен в этом вопросе.

Дмитрий Фурман – Я бы хотел дополнить. Мне кажется, что Вы недостаточно сказали об одном аспекте российской внешней политики, ее логике. Что касается стабилизации режимов, установившихся сейчас на постсоветском пространстве. Значит, пространство – это единое. Оно сохраняет свое единство за счет, прежде всего, русского языка, за счет того, что все смотрят телевизор и т.д. И приход оппозиции к власти, например, в Грузии, эта бархатная революция произвела совершенно колоссальный эффект в очень далеких странах. Например, в Киргизии. Был такой эффект, что в Киргизии стали появляться какие-то заявления о том, что их ситуация отличается от грузинской, потому что там у власти был старый партократ, а у нас академик. То же самое было в Казахстане и т.д. Вообще, грузинская ситуация во многом была связана с уникальной нелюбовью к Шеварднадзе. Чуть бы меньше его не любили, и была бы очень сильная поддержка Европы. К Азербайджану уже совершенно другое отношение. Вот это один очень важный аспект. И есть вторая сторона этого дела. У меня такое впечатление, что в относительно обозримый период может быть очень большая волна дестабилизации. Потому что многие режимы с моей точки зрения, а я могу ошибаться,

держатся на волоске. Вот, скажем, тот же киргизский. В Казахстане тоже сложная ситуация, она тоже в любой момент может взорваться. Армянский, украинский, тут и говорить нечего. Молдова это уже другое. Молдова в общем вышла на систему ротаций. В Молдове нет этой проблемы.

А вот дальше может возникнуть такая цепочка, при чем, если Грузия произвела такое впечатление на всем постсоветском пространстве, то, например, Украина произведет просто колоссальное впечатление. И вот здесь есть элемент непредсказуемости. В любой момент ситуация может взорваться. Я, например, не могу сказать, какая степень стабильности у азербайджанского Ильхама Алиева. Этот режим может в течение года взорваться, а может быть, и нет...

Вот то, что я хотел добавить.

Дмитрий Тренин – Я бы хотел это немножко прокомментировать. Это очень важное и интересное дополнение. Я согласен с тем, что стабилизация режимов на постсоветском пространстве является важной целью российской внешней политики. Я думаю, что, в общем-то, эта цель, возможно, была невысказанной, но она присутствовала и раньше, потому что от стабильности режимов зависит и стабильность самого пространства.

Я думаю, что конечно, Украина – это другое дело. Но с другой стороны, меня немножко поразило то, что в Вашингтоне так много внимания уделяется возможной смене режима на Украине, иными словами приходу к власти Ющенко. Мне кажется, что в Москве такого ощущения нет, вот такого апокалиптического отношения нет. Есть какие-то статьи, конечно, и понятно, что определенная группа людей, близких к Кремлю, работает активно, это безусловно. Но я бы опять рискнул сделать такое предположение – если на Украине придет к власти Ющенко, я не знаю насколько это вероятно. Если приходит к власти Ющенко, то я думаю, что правительство в Москве примерно сможет реализовать тот же вариант отношений к Украине, как это было сделано в отношении к Грузии. Вот это для меня методологически очень важно.

Дмитрий Фурман – Сопротивляться до последнего, а потом принять...

Дмитрий Тренин – А если Ющенко будет мудрым политиком, то он первый визит, конечно же, нанесет Ивану Великому. И поэтому, на мой взгляд, вот этот катастрофизм или судьбоносность сильно преувеличена вашингтонскими людьми. Конечно, там действует украинское лобби.

Дмитрий Фурман – А в чем судьбоносность?

Дмитрий Тренин – Судьбоносность в том, станет ли Украина будущей частью Запада, то есть, станет ли Украина Польшей или она станет Белоруссией? Мой ответ, что она останется Украиной. Она останется примерно там, где она есть. Но при этом она, конечно, будет модернизироваться, она будет европеизироваться. Но мы ушли от главного вопроса. Я думаю, то, что делает сегодня Россия и не только Россия, это не столько стабилизация режимов, сколько обеспечение преемственности режимов. То есть, стабилизация режимов в широком смысле слова. И визит президента Путина в Узбекистан имеет прямое отношение не только к отрыву Узбекистана, условно говоря, от ГУУАМа и приближение его к пророссийским структурам, к самой России, но и является очень важной инвестицией в будущую передачу власти в рамках режима. Так что, Россия озабочена вот этим. Хотя в других странах имеют место более радикальные варианты. Для России вполне приемлемы те режимы, которые есть, и в рамках режима, если не получается в рамках персональных систем координат, Россия готова согласиться на инородное тело, при том, что режим в принципе сохраняется с теми или иными модификациями, но остается узнаваемым.

Марина Павлова-Сильванская – Я хочу уточнить вопрос насчет Ивана Великого. Если, скажем, усиление авторитарных тенденций в политической системе вызывает обоснованную критику, то в случае с Иваном Великим во внешней политике мы имеем дело с конституционной нормой. Это конституционные полномочия президента. И

я хочу Дмитрию Витальевичу напомнить один эпизод, когда он убеждал Бориса Ельцина в том, что надо примириться с НАТО и наладить отношения. Убедил, назначили день визита и через неделю мы увидели обострение отношений. Конституционная норма тогда абсолютно не подкреплялась реальностью. Мне кажется, что касается Путина, то он действует в рамках своих конституционных полномочий. Не иначе обстоит дело в Соединенных Штатах, во Франции и т.д. Вопрос квалификации аппарата, обслуживающего президента и формулирующего внешнюю политику. Конечно, очень хотелось бы, чтобы наш МИД был бы более квалифицированным. Но и в Соединенных Штатах последние недели или месяцы показали нам, что там тоже весьма солидные институты, обслуживающие президента, оказываются совершенно некомпетентными и неквалифицированными. Поэтому мне кажется, что сколько угодно Ивана Великого можно критиковать, но в данном случае, мне кажется, продвижение все-таки идет к лучшему.

Арда Инал-Ипа – Когда Вы говорили о том, с какими силами Россия будет сотрудничать, добиваясь стабильности на Кавказе, Вы в первую очередь сказали об Америке и упомянули Европу. Я согласна, что, как вы говорите, весовая категория другая, но все-таки у Европы появляется некоторый интерес к конфликтам на Кавказе, в частности. И есть некоторые предложения европейских интеллектуалов. Вот, например, «Пакт стабильности на Кавказе», может быть, Вы слышали об этой инициативе? Мне хотелось бы узнать Ваше мнение, как Вы считаете, есть ли перспективы у такого подхода, который предполагает некое объединение кавказских стран. Есть как бы формат южнокавказский, есть более широкий формат, который включает и Россию, и Иран. Там особый взгляд и на де-факто существующие непризнанные государства, которые таким образом получают какой-то голос и представительство. Как Вы рассматриваете такую перспективу? Будет ли она в интересах России?

Дмитрий Тренин – Значение таких документов в том, что они будят мысль. И прежде всего в кавказском регионе. То есть, это

пища для размышлений. Что касается политического значения, то главное политическое значение и, на мой взгляд, единственное серьезное политическое значение этих бумаг на сегодняшний день заключается в том, что они подвигли Европейский Союз включить кавказские страны в свою карту, карту своих интересов. Они сегодня на этой карте присутствуют. Этого не было несколько лет назад. Сейчас они есть. Я бы сказал, что политический результат такой. Я думаю, что вам виднее, насколько это мощный интеллектуальный вклад. Практическое решение этих проблем, конечно, займет очень много времени. Я думаю, что сейчас высказываться по поводу деталей этого Пакта было бы преждевременным. Я о нем, конечно, слышал и кое-что читал, но я не думаю, что это сейчас было бы практично. Думаю, что Россию такая европейская инициатива не пугает, потому что в нее не очень верят. Во-вторых, меня всегда несколько смущает такая формулировка российских интересов, которую иногда можно слышать – будто России выгодна нестабильность, коррупция, сепаратизм, конфликты, экономический застой, будто любая экономическая реформа – это против России и т.д. Это не так на самом деле. Я не хочу Россию идеализировать. Под Россией мы подразумеваем российскую политику. Но это на самом деле не так.

Валентин Гефтер – У меня просто маленькое замечание. Есть точка зрения, что Саакашвили – некий шанс на то, чтобы появилась постсоциалистическая элита, новое руководство в одной из стран постсоветского пространства. И в этом смысле мне кажется, то, что говорил Дмитрий не совсем так. Путинскую Россию гораздо больше сближает с Грузией Саакашвили или, предположим, с Ющенко или Януковичем, чем вот эти игры с бывшими членами политбюро или промежуточными фигурами типа Акаева. Потому что по сути вот эти авторитарные модернизаторские режимы гораздо ближе друг другу. Может быть, у них возникают серьезные конфликты, когда они пересекаются, но в смысле взаимоотношений, мне кажется, что тут ничего Путинской России не грозит. Наоборот, было бы очень неплохо, если бы, наконец, генерация руководителей Центральной Азии или Лукашенко ушли, и пришли бы люди подобные или хотя бы близ-

кие по духу путинскому пониманию, как нужно руководить своей страной. Вы согласны?

Дмитрий Тренин – В принципе, да. Я думаю, что, конечно, Путин не член политбюро, у него совершенно другой взгляд на вещи, безусловно. И в этом разгадка многих вопросов или ответ на многие вопросы. А время членов политбюро или кандидатов в члены политбюро – оно практически уже завершилось в европейской части бывшего Советского Союза. Но проблема с точки зрения России, здесь я согласен с Дмитрием Фурманом, не в том, что номенклатурщики – это плохо. Россию заботит стабильность. Если Узбекистан поплывет, то лучше бы там сидел член политбюро и секретарь ЦК и еще кто угодно, чем хаос. Но они сейчас работают, наверное, ищут там путинных...

Валентин Гэфтер – Поэтому Путину гораздо ближе Саакашвили, чем совершенно патриархальные руководители Абхазии или Южной Осетии...

Алексей Симонов – Я никак не могу понять, кого вы считаете членами политбюро? Это Лукашенко член политбюро? Или Ильхам – член политбюро? Что имеется в виду? Что такое член политбюро?

Шум.

Рейчел Клогг – Вы сказали, что вряд ли Россия будет навязывать решение грузино-абхазского конфликта. На самом деле, меня интересует, на чем Вы обосновываете этот аргумент? Я согласна с Вами, что сейчас статус-кво устраивает Россию с точки зрения российских интересов. Но вы тоже сказали, что отношение Москва-Тбилиси важнее, чем отношение Москва-Сухум или Цхинвал. При этом уже наблюдаются некоторые изменения, формируется общее направление и будет больше сотрудничества с США. Я не говорю, что Россия единственный игрок в этой игре, но она на самом деле могла бы достаточно сильно давить на Абхазию с точки зрения определенного разрешения. Мне просто интересно Ваше мнение по этому поводу.

Дмитрий Тренин – Я бы сказал так – тот, кто навязывает свое решение, при не очень готовой договоренности с другими, должен платить. И я думаю, что Россия сейчас не готова платить. Если бы выгоды для России, а мы говорим о вполне материальных вещах, сразу и при очень близкой перспективе существенно перекрыли бы те затраты, которые она должна будет понести, навязав такое соглашение и став его гарантом, имплементатором и т.д., то тогда, наверное, да. Но России для того, чтобы уломать абхазское руководство, придется потратить много. И с точки зрения российского руководства, игра не стоит свеч. И так не только в Абхазии. Посмотрите на сложные отношения с Белоруссией. Иногда слышишь от наших друзей с Запада: «Ну что вам стоит убрать Лукашенко?». И в принципе, наверное, это можно было бы сделать. Но это потребовало бы очень большого вложения, это было бы связано с огромным риском. И игра не стоит свеч, однозначно. Здесь то же самое.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ

Вальтер Кауфманн – Мы приступаем к заключительной дискуссии. Ее главная цель – подвести итоги работы, которая проводилась вчера и сегодня утром. Нам всем, особенно организаторам, хочется понять, что, на ваш взгляд, было полезно в этой встрече, что стоит продолжать, какую работу стоит продолжать, и как вы относитесь к такому трехстороннему формату встреч. Конечно, интересно понять, что следует за политической оценкой ситуации.

Арда Инал-Ипа – Было интересно. Что мне не понравилось вчера? Мне показалось, что все-таки было недостаточное реагирование на то, что прозвучало в грузинском докладе и в абхазских выступлениях. Больше было представление друг другу предварительных установок и подходов. То есть, мы ознакомились с некоторыми заготовками. У меня было такое ощущение. И, может быть, поэтому так тяжело шел диалог. Но я не считаю, что из-за этого не стоит встречаться в будущем. Наоборот, я считаю, что это начало. А для того, чтобы пошел диалог, нужен процесс. Не хватало некоторого реагирования. К сожалению, не было ощущения, что мы думаем вместе, произошло какое-то столкновение, но не было процесса поиска. Наверное, наивно было бы ожидать содержательного диалога с первой встречи, когда мы действительно не знали, каковы подходы к проблеме у участников. Мне кажется, что процесс имеет перспективы. И как раз интересно было бы на второй встрече посмотреть, как развиваются представления о конфликте и о влиянии российского фактора с учетом того, что мы все услышали вчера и сегодня, какие моменты мы захотим обсудить, над чем интересно будет поразмышлять вместе.

Вальтер Кауфманн – Я так понимаю, что вы это связываете именно с появлением новой, третьей стороны, что из-за не получился здесь контакт?

Арда Инал-Ипа – Не только с появлением третьей стороны. У нас были новые участники с обеих сторон. Пришлось заново проходить

какие-то моменты, которые мы уже прошли, приходилось заново что-то проговаривать и заново испытывать те же эмоции, заново обнажать какие-то вещи, реакцию на которые мы уже прожили на предыдущих встречах. Мы открыты для подключения новых участников. Просто хотим, чтобы количество старых было достаточно большим, чтобы сам процесс имел преемственность, а не начинался бы каждый раз с нуля.

Валентин Гефтер – А можно спросить – а чего вы ждете от российских участников? Может быть, нам будет яснее понять, какая перспектива для нас в дальнейших встречах?

Батал Кобахия – А что, вы будете вести себя в соответствии с нашими ожиданиями?

Валентин Гефтер – Нет, абсолютно нет. Но все-таки хотелось бы знать ожидания.

Батал Кобахия – Может быть, тогда я скажу. Дело в том, что ничего не ждем. Но просто было интересно. В течение очень многих лет идут различные процессы – миротворческие, исследовательские, появляются различные взгляды на то, что происходит, как разрешить конфликт. И, конечно, на первых абхазо-грузинских встречах иногда мне казалось, что мы представляем президентов и озвучиваем политические декларации, позиции: независимость или возвращение. Но потом, когда процесс углублялся мы переходили на какие-то глубинные вещи, интересы, безопасность, больше отходили от таких деклараций. Конечно, нам это было интересно. Мы давно говорили о том, что необходимо было бы включить российских участников, потому что, как справедливо замечали многие докладчики, роль России очень значительна за пределами самой России, в том числе на Кавказе. Нельзя сказать, что мы плохо знали, что происходит в России. Но я бы сказал, что у нас не было такого непосредственного, прямого диалога. В этом смысле, какие были у меня ожидания? Я вообще, честно говоря, еще вчера говорил, что я не политик, но мне кажется, что группа, которая сейчас в этом процессе, не сбалансиро-

вана. Тут есть ученые, которые занимаются стратегическими исследованиями, есть просто представители гражданского общества, есть люди, по чьей судьбе конфликт как ножом прошел, и они просто вынуждены заниматься тем, как разрешить конфликт, потому что в первую очередь это вопрос их личной безопасности. Для других это исследование каких-то глобальных процессов. И поэтому, может быть, есть некоторое раздражение и недопонимание. Когда господин Тренин выступал, Виктор задал ему вопрос о том, это его личная позиция или это позиция, которая исходит из Кремля, государственная позиция. Очень приятно было услышать, что это его собственные наблюдения. И эти его наблюдения вполне понятны мне. Ну, ничего мы не ожидали от вас, не бойтесь. И мы ничего не требуем. А что можно ожидать в будущем? Наверное, если этот процесс будет развиваться, может быть, следовало бы продумывать круг участников и уровень участников. Если это собираются аналитики, то неплохо было бы, чтобы это были аналитики, представляющие различные точки зрения, которые тематически продумывали бы какую-нибудь линию, какую-то стратегию. Если это представители неправительственных организаций, которые волею судеб все равно как-то замешаны на политике, то это был бы другой уровень. Во всяком случае, я доволен тем, что определились какие-то векторы того, чего мы с вами могли бы обсуждать. У меня, например, складывается такое впечатление, что, наверное, плохо, когда правозащитники занимаются политикой и плохо, когда политики занимаются правозащитой. И не поймешь, как-то грани хочется провести.

Иногда я чего-то не понимаю, иногда я не чувствую, когда это личная точка зрения, а когда это точка зрения, которую нужно озвучивать, потому что есть какая-то статья какой-то конвенции и мои проблемы и мои представления приносятся в жертву, потому что я представляю меньшинство.

Тем не менее, очень интересные были сообщения, в особенности от российских участников, потому что с грузинскими мы более или менее знакомы.

Арда Инал-Ипа – Может быть, имеет смысл не относиться к российской стороне, как к абсолютно стабильной, которая может пере-

дать нам свой опыт. Опыт очень интересный, Кавказ и на российской территории тоже достаточно горячая сфера. И здесь мы просто могли бы вместе подумать о многом. Вот мы переживаем свой конфликт, у вас тоже свой конфликт в Чечне, я знаю, что происходят какие-то сложные процессы в других республиках Северного Кавказа, мы как-то об этом просто не заговорили. Мне кажется, что действительно, те, кто хочет как-то предотвратить возможность эскалации этих конфликтов, могли бы вместе пытаться понять процессы, которые происходят в этом сложном регионе и думать вместе о том, что можно было бы сделать.

Абесалом Лепсая – Я думаю, что проблема не в участниках. Просто наши встречи до этого проходили в двустороннем формате, и они уже имели какую-то историю, какую-то свою логику. И мы уже выходили или пытались выходить на какие-то определенные конструктивные предложения, а не только обсуждать, что происходит во взаимоотношениях сторон. И, видимо, наложение еще третьей стороны, что было объективно неизбежно, привело к тому, что опять мы начнем заново проговаривать какие-то вещи, поскольку здесь появился уже российский фактор, российские интересы. И, может быть, стоит подумать о том, как сделать так, чтобы участие российской стороны строилось на более конкретных перспективных предложениях, чтобы можно было размышлять о том, как можно продвигаться, а не только обсуждать, что произошло в прошлом, хотя это во всех встречах в любом случае происходит. Хотелось бы создать условия для более перспективного мышления, а не для выяснения позиций, к чему, к сожалению, во второй половине дня свелась наша встреча.

Нодар Сарджвеладзе – Я многому научился в течение этих дней. Вчера я молчал и вслушивался в процесс, и это было очень интересно. Действительно, эта трехсторонняя встреча во многом очень полезная. С другой стороны, я хотел бы сказать, что с 1997 года мы участвуем в этом процессе. И мы прошли какой-то путь. Но ведь это было в ту эпоху, которая была эпохой Шеварднадзе с нашей грузинской стороны. То есть, процесс продвигался в контексте одного и

того же правительства, в контексте одной и той же Грузии и т.д. Реалии с тех пор изменились. Слушая вчерашние и сегодняшние доклады, мне стало ясно, что многие реалии, безусловно, изменились и в России. Мир вообще стал очень динамичным. И это очень большой вызов для нашей группы, для той группы, которая прошла эту эволюцию совместно с 97 года по сей день. Многие вещи изменились, и возникает вопрос, как нам двигаться вперед, что предпринимать новое и т.д. Первая мысль, которая мне пришла в голову – это то, что мы должны это признать, что мир стал другим, надо что-то менять даже в нашем коллективном дискурсе. Я не могу сказать, в каком направлении надо менять, но факт остается фактом – это реалии той же Грузии и России, и Абхазии тоже, потому что там совершенно другая ситуация сейчас. Там президентские выборы происходят и при том на фоне вот такой довольно-таки напряженной ситуации. Поэтому я считаю, что эта встреча была очень информативна, и во многом мы обогатились. Я лично очень во многом обогатился. Но еще в плане динамики самой нашей группы мы пережили своеобразный ключевой момент в эти дни, как я считаю.

Александр Крылов – Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов за такую встречу и подчеркнуть, что конкретным результатом нашей встречи в прошлом году в Тбилиси было то, что российское посольство настолько устыдилось после того, как фонд Белля передал в Национальную библиотеку русские книги, что потом и они, наконец, передали книги уже от русского посольства. Так что эффективность ваша достаточно высока. Тут очень интересно было вчера в самом начале, когда Ивлиан говорил о тех месседжах, которые посылаются со стороны грузинского президента. И мне показалось, что эти месседжи посылаются на языке, который другая сторона не понимает. Не было речи о том, что поставлена конкретная задача – закрыть море. То есть, это такой месседж, совершенно конкретный и тут никакие улыбки не могут перебить этого конкретного военного строительства. Собственно, понятно, что никакому мирному урегулированию вот эта мера не может способствовать. Очень приятно было слышать о том, что будет сокращаться грузинская армия. Но опять же надо учитывать, что 20 тысяч небоеспособных бу-

дет превращаться при американской помощи в 10 тысяч боеспособных. И можно ли тут говорить вообще о том, что этот месседж будет услышан, как положительный на другой стороне. Или же они будут опасаться, что эти солдаты пойдут куда-то. Явно, не в Россию и, наоборот, не в Чечню.

Реплика – В Ирак они пошли.

Александр Крылов – Да, американцы просто так солдат не обучают. Видимо, у них тоже есть свой интерес. И наряду с поляками там должны быть и другие. Позволят ли они в таком случае Саакашвили, если он захочет решать проблему военным путем растрачивать грузинских солдат на эту цель, а не на цель американскую? Но это уже грузинской стороне виднее – насколько их президент сейчас свободен в принятии своих решений. Очень было полезно услышать, что до того, как грузины потратят миллиард долларов, войны не будет. Но вы знаете, при постсоветской реальности, как показывает Россия, 4 миллиарда потратили за несколько дней, помните в 1998 году? То есть, рассчитывать на то, что этот миллиард будет долго тратиться, я бы не стал. Потому что грузинская элита принципиально ничем от российской не отличается. И проще всего в такой ситуации найти выход в каких-то военных авантюрах. И это тоже надо учитывать. И то, что мне хотелось бы пожелать на будущее – темы, которые совершенно не прозвучали – это темы внутреннего развития. Идут ли какие-то реформы в Грузии? Что там происходит в экономике, в налоговой сфере, в социальной сфере? Ну, хорошо, режим сменился, новый президент уже достаточно долго у власти. Какая-то положительная тенденция, изменения есть или нет?

Реплика – ...Бендукидзе.

Александр Крылов – Ну, Бендукидзе... Кроме того, идет череда каких-то назначений, перетасовок... Какие-то еще реальные вещи происходят или все ограничивается только вот этим? С абхазской стороны то же самое. Что происходит в Абхазии? Какие процессы? Влияние политической ситуации с выборами – будет это влиять на грузи-

но-абхазский конфликт? Как это будет использоваться грузинской стороной? Есть ли какая-то вовлеченность грузинской стороны в эти события? Каковы перспективы развития дальше? Кто приходит к власти? У грузинской стороны тоже была позиция – что не законно, и мы вас не признаем. Вот сейчас эта позиция изменилась или нет? Будут ли посланы наблюдатели? В какой-то мере будут способствовать тому, чтобы выборы прошли максимально легитимно? Хотя тут я понимаю, что легитимность сама в нелегитимном с точки зрения грузин государстве, понятно. Но с точки зрения партнера на переговорах, если придет молодой лидер уровня Михаила Саакашвили или Путина, ну хотя бы Гукасяна, который способен проводить внятную политику внутри страны и обеспечить, если будет принято политическое соглашение, проведение этого соглашения в жизнь. Это же в интересах Грузии, если придет непопулярный лидер, там будет развиваться дестабилизация и, конечно, ни о каком соглашении речи с абхазской стороны быть не может, он не сможет ничего провести в жизнь, даже если захочет. Так что, если говорить о перспективе, то мне бы хотелось больше сделать все-таки упор на пути модернизации вот этого постсоветского общества на Кавказе, в частности по отношению к сторонам, которые в конфликте. Сейчас есть разные модели. Очень интересна карабахская модель, которая, пожалуй, наиболее успешна в проведении реформ, в том числе земельной реформы, налоговой и т.д. Это объективно и это тоже полезно было бы учитывать в этой двухсторонней проблематике.

Вальтер Кауфманн – ...может быть, такой итог, что Россия не намерена играть роль препятствия и не будет вмешиваться, не будет навязывать, не будет признавать в обозримом будущем независимость Абхазии. Что-нибудь из этого следует для вашего процесса или это просто политические сведения, которые надо как-то принять во внимание и все? Или что-то было новое, удивительное?

Лиана Кварчелия – Я вообще не собиралась отвечать на этот вопрос. Просто мне кажется, что это очень интересная информация к размышлению. Я согласна с предложением Саши по поводу тем, которые можно было бы еще обсуждать и, честно говоря, немножко с

другой точки зрения хотела бы посмотреть на содержание. Мне жаль, что не хватило времени на то, чтобы мы рассказали о том, какие процессы происходят в Абхазии, потому что тогда какие-то вещи, которые вызывали такую эмоциональную реакцию, может быть, были более ясны нашим российским коллегам, и они смогли бы увидеть какие-то позитивные процессы в Абхазии. У нас делаются серьезные попытки развивать демократические институты, но, конечно, есть и серьезные проблемы. Недавно, например, был убит один из лидеров оппозиционной партии. Но в то же время нельзя сказать, что позитивных перемен в Абхазии нет. И, конечно, в этом смысле, если бы замечались и какие-то успехи, я думаю, это тоже способствовало бы большему взаимопониманию. У меня такое ощущение, что у наших российских коллег очень мало информации о том, что у нас происходит. В целом, несмотря на эмоциональность, встреча была очень интересной. И нужно думать, какие темы могли бы обсуждать дальше.

Нателла Акаба – Прежде всего, я тоже считаю, что это огромное достижение и, конечно, я очень благодарна и Поле (Гарб. ред.) и фонду Белля, потому что впервые нам удалось встретиться в таком формате, который, действительно, на мой взгляд, просто неизбежен, потому что эти три игрока присутствуют в данном контексте. Вчера для меня был очень тяжелый день. Меня охватил пессимизм, хотя я считаю, что любые встречи все равно полезны. И любые контакты, знакомства что-то дают. Я хочу понять, что ожидает Абхазию и как ее от этого уберечь по мере моих возможностей, конечно.

Ивлиан Хаиндрава – То есть, Вы уже знаете, что ее ожидает.

Нателла Акаба – Как раз я и хочу сказать, что так и не знаю. Может быть, это и лучше. Но лично меня больше привлекал бы несколько другой формат, чем тот который был. Несмотря на то, что мнения российских правозащитных кругов для меня очень важны, я, к сожалению, не увидела и не услышала людей, которые знают ситуацию в Абхазии и в Грузии. И, может быть, поэтому я не получила ответа на свои вопросы. И только еще раз поняла, что коллективные права и

индивидуальные права очень часто вступают в конфликт между собой. И мне кажется, что российские правозащитники игнорируют коллективные права и сосредоточились только на индивидуальных правах человека. Это не только они, это как бы мировая тенденция. И это неизбежно будет порождать еще новые и новые конфликты в мире. Я думаю, что нужно искать какие-то формы сочетания коллективных и индивидуальных прав, и мировая практика показывает, что это вполне реально. Мне бы хотелось видеть такой формат. Мне бы хотелось видеть другую Россию, а не ту, которая приезжает в Абхазию. Мы об этом уже много говорили. Хотелось бы знать весь спектр мнений людей, компетентных в политике России на Кавказе. И, конечно, Тренин – это тот человек. Сегодня мне было очень интересно. Мне бы хотелось также услышать – какие интересы у российского бизнеса на Южном Кавказе? У военных? У всех кругов, которые формируют политику и влияют на нее. Но этого было мало на нашей встрече, на мой взгляд. Мне бы хотелось, чтобы в следующий раз нечто подобное было, если это возможно. Мне кажется, что было бы очень интересно, если бы мы сосредоточились именно в присутствии российской стороны на позициях и интересах сторон. И, может быть, есть смысл, чтобы мы поменялись ролями. Мне кажется, что это было бы интересно и привело бы к какому-то позитивному результату. Но в целом было действительно полезно. Спасибо.

Рэйчел Клогг – Я согласна с Нателлой, когда она говорит, что было бы интересно рассмотреть позиции и интересы сторон. Конечно, очень многое происходит и в политической сфере и, может быть, обмен информацией, тем более, что сейчас присутствует и третья сторона, необходим. Но мне казалось, что все же мало было диалога. Я согласна с тем, что говорила Арда. И я еще раз убедилась в том, что это так сложно на самом деле признавать легитимность стремления другой стороны. Я не говорю о позиции. Но то, что лежит в основе этих позиций, здесь мы, наверное, опять возвращаемся к вопросу о ценностях или о нуждах – о безопасности, о равноправии и т.д. Мне казалось, что очень интересное предложение – больше сосредоточиться именно на процессе.

Валентин Гефтер – Вы знаете, я себя не чувствую представителем стороны. Думаю, что Нателла не обидится, я – сторонник только индивидуальных прав. Что такое коллективные права я вообще не понимаю, но чувствую себя представителем себя. Поэтому я буду говорить только за себя. Мне было интересно здесь побывать и, может быть, и в дальнейшем, если бог даст, не потому, что хочется какое-то место в вашем долго идущем уже диалоге, процессе занять. А потому, что есть вещи, которые необходимы мне для моей текущей работы, как «понимательной», так и технической. И в надежде на то, что такой обмен мнениями и технологиями и просто человеческим общением будет полезен. Я перечислю несколько вещей. Первое – то, что вчера говорил Абесалом, что для меня, например, пока только на уровне мечтаний – это соглашение о соглашении, дорожная карта, неважно как ее называть. Какое-то внешне технологическое, но на самом деле, продвижение по пути от разговора «как хорошо бы замириться и найти выход из положения» к какому-то нащупыванию подходов к подходам. Для меня это важно не только интеллектуально, но и потому, что я очень озабочен тем, что в нашем сообществе подобного по российско-чеченскому конфликту, поисков путей выхода из него, в общем-то, нет. У нас больше существует антивоенная риторика, защита прав людей по ходу конфликта и вокруг. А вот таких усилий наше сообщество, как мне кажется, почти не предлагает, хотя некоторые интересные попытки есть. И поэтому мне это было интересно. Это первое. Второе. Мне кажется, что, очень важно выделить небольшое число конкретных проблем, которые можно решать. Будь это проблемы беженцев, будь это проблемы миграции в Россию, визы, паспорта и т.д. Будь это близкие мне правозащитные проблемы. Вот если бы выделить и совместными руками хоть что-то попытаться решить в этом ужасном море долгосрочной общей проблемы, которая над нами будет висеть еще годами и десятилетиями. Я не могу сказать, что в России имеем большие успехи на этом пути. Какие-то есть и, наверное, надо привлекать и экспертов, которые у нас по перечисленным проблемам имеют место быть. Но опять же взаимно помочь друг другу вот в этих конкретных, уже локальных, более или менее очерченных темах, которые можно потом внедрять уже в головы или в сознание общественности. И третье – это то, что

сейчас говорила Нателла. Конечно, я понимаю, что мы должны присутствовать каким-то образом, не потому что мы – российская сторона. Простите меня, но я никогда не ощущаю себя в этом смысле представителем какой-то державы. У нас были серьезные и принципиальные расхождения. И мы готовы их обсуждать. То же самое касается и Грузии, мы несколько раз пробовали. Может быть, вот такие конкретные дальнейшие направления, которые я попытался перечислить, могли бы вывести нас из только аналитической сферы. Я понимаю, что Александру в первую очередь интересны информационно-аналитические компоненты, потому что он все-таки исследователь. А я еще вынужден работать в практическом поле.

Батал Кобахия – С вами сложно говорить. Вы – уходящие от гражданства, а мы – стремящиеся к некоему гражданству...

Валентин Гэфтер – Так давайте и найдем общую точку соприкосновения.

Батал Кобахия – По каким вопросам? Во-первых, очень сложно говорить с человеком, который имеет две родины или вообще ни одной...

Паата Закареишвили – Я тоже хотел сказать нечто подобное, что сказал Валентин. Я тоже считаю, что не существует общенародных интересов – интересов абхазского народа или интересов грузинского народа. Поэтому мне очень трудно, хотя я больше десяти лет занимаюсь правами человека непосредственно, нигде не мог найти, обнаружить коллективные права, поэтому ухожу все дальше и дальше от этого понятия. Для меня важны интересы каких-то групп – социальных, политических. И, например, реализация их. Вот в данный момент мы собрались здесь – представители не общества Абхазии или Грузии, или России, а представители каких-то групп по интересам. Например, мы не представляем все гражданское общество Грузии, а только какую-то часть, ту, которая занимается конфликтами. Для нас важно было друг друга узнать – как думают люди одной породы, находящиеся в разных странах – в России, в Абхазии, в Грузии. Как они оценивают ситуацию? Для меня это было важно и по-

этому я считаю, что мои ожидания оправдались. Эта встреча показал реальную картину. Реальность такая, что среди нас почти не существует понятия, как Нателла сказала, коллективных прав. То есть, мы, по крайней мере, от этого далеки. Зато очень активно, очень принципиально относимся к индивидуальным правам.

Нателла Акаба – А права населения Гальского района?

Паата Закареишвили – Для меня не существует права населения Гальского района. Для меня существуют права человека, живущего в Гальском районе, как конкретного человека, для меня это важнее. Я не понимаю на самом деле права Гальской территории, это земля, это границы какие-то. Поэтому мне кажется, что вот такие встречи важны, чтобы мы определили ценностные отношения, насколько мы единомышленники? В одной ценностной системе мы мыслим или в разных? Очень часто я вижу, что мы что-то ожидаем друг от друга – и не получаем этого. Вот вы задали вопрос и он великолепен – а что вы ожидаете от нас? Лично я ничего не ожидаю, кроме информации. Реальную картину, на что Россия способна сегодня, потому что она реальный игрок в грузино-абхазском конфликте. Очень часто встречаясь за эти годы, мы говорим о России. Что такое Россия? Нам это непонятно. И вот сегодня у нас была попытка узнать, подойти к этому огромному слону, с какой стороны неясно – со стороны хвоста или со стороны хобота, или со стороны ноги – неважно. То есть, с какой-то стороны мы сегодня к этой России подошли. В первую очередь для нас было важно – как думают те, которых мы считаем нашими единомышленниками в России, то есть, представители гражданского общества. Потому что наиболее искренний, наиболее честный слой для меня в России – это именно вы. То есть, ваша оценка, происходящих в России событий важнее оценки прессы, которую мы читаем или оценки депутатов Думы, Путина... Потому что вы хотите изменить Россию в ту сторону, в какую мы тоже хотим изменить наше общество, например, в какую сторону я хочу изменить Грузию. Соответственно, мы в одном направлении идем, и ваша оценка России для меня важнее. Я понял, что Россия все дальше и больше уходит от внутренней ситуации в Грузии и в Абхазии и, соответ-

ственно, от конфликта. И, соответственно, эти проблемы – наши проблемы. И мы должны решать их. Для меня было очень важно, что вы нам это сказали для того, чтобы мы более реалистически ощутили цели и интересы России, чтобы поняли, что мы должны научиться плавать в воде, а не на берегу и не на российском берегу, скажем так. Мы должны окунуться в холодную воду и сами выкарабкиваться, зная, на что можно рассчитывать относительно России и на что можно не рассчитывать. В любом случае, для меня важнее ваши экспертные, искренние, дружеские советы, чем, например, Рогозина или кого-то другого, который явно спекулирует, который явно работает против России, по моему мнению. То есть, их действия – антироссийские в первую очередь. Соответственно, они не могут быть ни про-грузинскими, ни про-абхазскими. Я считаю, что такие встречи обязательно должны быть продолжены, чтобы всегда была возможность понять, на каком месте находится сегодня Россия и как ощутить и почувствовать пульс России.

Дмитрий Фурман – Я хотел сказать вот что. Когда идет разговор о таких острых национальных конфликтах, очень часто люди настолько эмоционально завязаны, что логика отходит на второе и на третье место даже у очень умных людей. Есть речи Шеварднадзе, в которых в одно и то же время говорилось об агрессивном абхазском сепаратизме и о вековой мечте грузинского народа о независимости, которая была достигнута в результате распада СССР. То есть, одна норма применяется к себе, другая норма применяется к другим. Ну, примеров такого рода можно привести бесконечно много. Ну вот, Россия. Что она делает в Чечне? Она наводит конституционный порядок, обеспечивает единство России. Что делает Грузия в Абхазии?

Нателла Акаба – Охраняет железные дороги.

Дмитрий Фурман – Да. Ну, скажем, выдвигается какой-то группой, какой-то нацией какой-то аспект общего права. Скажем, армяне очень любят говорить о праве нации на самоопределение. «Вот Карабах – это, потому что право нации на самоопределение...». Поговоришь с армянами и спросишь их: «Вы, значит, большие сторонники незави-

симости Чечни?». Люди не думают, что, решая конкретный случай, они должны применять некие общие принципы. И любое решение какого-то конкретного случая создает и модифицирует эти общие принципы. Это будет прецедент. Вот если когда-то будет разрешен грузино-абхазский конфликт, это будет иметь отнюдь не только грузино-абхазское значение, а значение, в общем, для всего мира. И мне кажется, что когда выражается какая-то позиция, надо все время иметь это в виду. Что если мы говорим «право нации на самоопределение» по отношению к сути себе, например, к абхамам, то тогда, естественно, и к чеченцам. Если мы говорим наоборот «единство и территориальная целостность – высшая ценность», и вот поэтому мы чеченцам не даем независимости, то тогда и грузины имеют права не давать и т.д. Это важный аспект, который все время надо иметь в виду, вот этот широкий правовой контекст, контекст общих принципов. Как правило, это забывается. Теперь второй момент, который я хотел сказать. Я все-таки думаю, что объективно есть эти коллективные права. Они не обозначены, может быть, достаточно ясно в международном праве. Но вот на интуитивном уровне мы их ощущаем. Ну, скажем, на чем основывается право вернуться крымским татарам? Это коллективное право, это не право индивидов возвратиться в Крым. Если вообще отрицать коллективные права, надо помнить, что все этносы, которые пока еще держатся в России, ну, ханты, манси и т.д., держатся только на основе коллективных прав. Можно, конечно, считать, что пусть они все исчезнут. Но это противоречит нашей правовой и нравственной интуиции. Поэтому я лично согласен с тем, что действительно правозащитная направленность только на индивида – это некоторый крен.

Валентин Гефтер – Когда ты говорил «интуитивно ощущаем» – это относилось к коллективу или к тебе лично? «Мы интуитивно ощущаем наличие коллективных прав». Или в данном случае лучше все-таки говорить за себя?

Дмитрий Фурман – И не только за себя, потому что даже то, что есть такая автономия – значит это признано обществом. А не я просто это решил.

Александр Соколов – Я хотел сказать одну вещь, которая была очень интересная для меня на этом семинаре, хотя это, может быть, просто наблюдение. У нас уже неоднократно были встречи с грузинскими коллегами, с абхазскими коллегами я встречался в других местах. Но одна очень важная вещь для грузинских коллег. Раньше и на всех предыдущих встречах очень сильно звучало и постоянной нитью возмущение ролью России. Видимо, то, что произошло в Грузии – изменение ситуации и появление повода для оптимизма в стране, появление выхода из той тупиковой ситуации, в которой до того Грузия оказалась, позволила уже не искать какую-то внешнюю причину, которая нам мешает жить нормально, а находить какие-то силы в себе и заниматься своей работой. И мне кажется, что это очень важный момент, который во многом изменяет возможность для будущих встреч. Конечно, роль России важна, но понятно, что роль России все-таки не главная роль в конфликте, что главные – это две стороны конфликта. Это – Грузия и это Абхазия. Все влияния, которые будут там – российские, американские, европейского сообщества – это все вторая линия. Это первая часть.

И вторая часть, которая мне показалась в этой встрече очень важной – все-таки сейчас немножко изменилась и ситуация не только в самом Тбилиси, но и ситуации в Грузии в целом, и меняется ситуация в Абхазии. И, может быть, какая-то напряженность, которая была на этой встрече связана с тем, что не совсем понятны внутренние перспективы. Вчера, действительно, ситуация была более напряженной, чем обычно.

Марина Павлова-Сильванская – Я хотела честно сказать, почему я пришла на эту встречу. Потому что меня попросил Вальтер. Это был для меня единственный мотив, и потому что я глубоко и эмоционально связана с фондом Белля. Я начала читать к этой встрече, получала вот такие тома в мировой и особенно в российской прессе по этому поводу. Сухой остаток того, что пишет российская пресса, наверное, можно в трех-четырёх фразах выразить. Первое. Осетия и Абхазия – это не Аджария. Нет ни одной статьи по поводу ситуации, где бы эта фраза не повторялась. Еще несколько таких клише, но по сути дела, материалы, которые появлялись в российской печати и в

электронных медиа абсолютно бессодержательны. И еще один такой сюжет. От отсутствия фактуры, от незнания процесса появляется такой хамский, вызывающий тон. Например, «нас не приглашали на этот цирк Саакашвили». Молодые мальчики, репортеры, у которых нет времени для анализа и которые из других статей ничего не могут почерпнуть, создают такое освещение ситуации. Она в силу своей пустоты не интересна. И поэтому даже те люди, которые хотели честно выполнить свой долг, появившись здесь, вроде меня, они приходили с очень относительными представлениями о том, что происходит в самое последнее время. А наши общие абстрактные схемы вас оскорбляли, потому что для нас умозрительная проблема, а для вас это пролившаяся кровь. И поэтому совершенно разный подход к проблеме – вот этот холодный, умозрительный и эмоциональный. Что можно с этим сделать? Как сделать так, чтобы здесь появился наш интерес, которого сейчас нет? Я не вижу из анализа этой ситуации, в чем может быть наш интерес правозащитных организаций в Абхазии или где-то еще. В Чечне – никаких вопросов, ясно какие интересы. А вот здесь? При такой плохой информированности. И представляется одно единственное решение. Вы сказали «оставьте Рогозина». Мы не можем оставить Рогозина. Это наша национальная проблема, когда Рогозин выступает представителем президента по калининградской проблеме, когда Рогозин выступает в Совете Европы. Затулин – это наша национальная проблема. Но это не только вопрос чести демократических слоев России, это еще сигналы надвигающейся, страшной опасности национализма. Успех, одержанный «Родиной» на последних выборах, попытки президентской администрации создать новых правых во главе с Михаилом Леонтьевым, можете себе представить, как это воспринимает националистически настроенная часть общества? Вот я думаю, что интерес правозащитного сообщества и, может быть, даже шире – интерес неких демократически настроенных слоев заключается в противодействии вот этим слоям. Они себя очень сильно как-то связали с событиями в Грузии. И вот интересно было бы провести некий мониторинг того, что они там делают. Как это все выглядит? Вот тут я вижу некоторый интерес. Для меня это тот угол зрения, который может создать интерес к участию в совместной работе.

Гердт Поппе (перевод с немецкого) – Я прошу вас понять, почему я выступаю на немецком языке. Дискуссия, которая была последние полчаса, меня несколько взволновала. Уже более тридцати лет я являюсь правозащитником. Сначала был диссидентом в бывшей ГДР, потом уже работал на немецкий парламент в объединенной Германии, а в последнее время являюсь независимым экспертом по правам человека. И меня взволновало то, что здесь поднялась тема коллективных прав. Права человека формулируются как индивидуальные права. И нам нужно принимать это положение, если мы хотим говорить на одном языке. Есть, конечно, определенный вид коллективных прав и в этом контексте, который здесь обсуждался, они тоже могут иметь значение. Дело в том, что Россия, как и Грузия, являются членами Совета Европы. И как раз Совет Европы принял конвенцию по национальным меньшинствам в странах – членах Совета. И эта конвенция принята всеми странами – членами Совета Европы. Согласно этой конвенции, те народы, которые в своих странах являются меньшинствами, имеют право на свою собственную культуру, на свой собственный язык. И это как раз те права, которые нам нужно понимать и учитывать. Я не приехал для того, чтобы давать вам какие-то советы и ни в коей мере не рассматриваю себя представителем какой-то высшей инстанции. В нашей практике было много случаев успешных совместных действий, когда могли осуществляться совместно различными организациями... (запись обрывается)

Георгий Гогия – Во-первых, я хочу поблагодарить организаторов. Это было очень интересно. Я с удовольствием наблюдал эти два дня процессы. Я, конечно, читал все предыдущие девять томов. Это процессы, которые уже долго проходят. И я хотел бы выразить то, что меня взбудоражило. Это тот факт, что у людей, которые общались уже годами, уже несколько лет вовлечены в этот процесс, возникли проблемы, как только появился новый участник. Те же самые чувства, которые испытывали двенадцать лет тому назад, все еще живы. Меня просто волнует то, что народы, которые стоят за этими людьми, им точно будет труднее понимать то, что вызывает такие бурные эмоции в таком маленьком кругу, который уже общается годами. Просто это мое наблюдение, потому что если я слышал, что много

критики таких маленьких встреч, что народная дипломатия стала элитным делом. Очень важно, чтобы народная дипломатия была народной. И она должна распространяться на большую аудиторию. Это очень важная встреча и было очень интересно за этим всем наблюдать. Стоит подумать о том, что за нами стоят народы, которым будет очень трудно привыкнуть ко всему этому и как-то искать пути урегулирования.

Я еще хотел добавить к этому. Я очень давно общаюсь с Паатой. Паата, действительно, в Грузии считается человеком, который защищает интересы абхазов. Его и в прессе так называют, и люди так про него думают. Они думают, что Паата защищает интересы Абхазии.

Арда Инал-Ипа – На самом деле, очень интересная дискуссия по поводу коллективных и индивидуальных прав. Мне кажется, что этому можно посвятить одну из встреч. Наверное, мы действительно по-разному понимаем этот вопрос. Когда объединялась Германия, мне казалось, что это удовлетворение коллективных прав германской нации. И мы, слава богу, сопереживали этому объединению. Что касается Абхазии, получается так, что когда нарушаются наши права, то это очень легко сделать коллективно, одновременно всех лишить прав. Еще царская Россия назвала весь наш народ «виновным» за сопротивление в Кавказской войне и было очень много тяжелых последствий, которые, честно говоря, мы пожинаем и сегодня. Абхазам запрещали селиться на морском побережье, выселяли в Турцию и т.д. Потом, гораздо позднее, после грузино-абхазской войны, опять все наше население посчитали виновным, потому что были применены санкции против Абхазии. Каждый из нас лишился своих индивидуальных прав, но это произошло одновременно для всех, коллективно. Мужчины вообще не могли пересекать границу, все мы не могли пользоваться телефонной связью в течение двух лет. И когда это касается всего населения, всего народа – я считаю, что это нарушение коллективных прав. Валентин вчера возмутился, что это нарушение всяческих норм, когда жителям Абхазии предоставили возможность брать российские паспорта. А не нарушение, что каждый раз, например, меня с моим старым паспортом задерживает мили-

ция, и мы разбираемся часами по поводу моих прав? Я не считаю, что это касается индивидуально только меня, потому что это касается также и моих сограждан, моих соотечественников, которые лишены права на свободное передвижение. Мне кажется, что здесь серьезное противоречие. Когда нас всех коллективно лишают прав, это никаких правозащитников не должно интересовать? Если мы, действительно, считаем справедливым, когда лишают прав коллективно, а защищать можно только индивидуально, я боюсь, что мы далеко не продвинемся.

Вальтер Кауфманн – Мне кажется, что это просто разные понятия. Можно говорить о коллективном нарушении индивидуальных прав.

Нателла Акаба – Но говорить, что нет такого понятия как «коллективные права», извините, но это...

Вальтер Кауфманн – Я призываю вас к тому, что сделать это предметом разговора на отдельной встрече. По-моему, это стоило бы сделать. Но сейчас это продолжать как-то сложно, потому что тема очень важная, но очень широкая.

Пола Гарб – У меня немножко, может быть, будет сумбурная речь. Я слышала очень много разных тем и разных форматов. И сейчас хотелось, поскольку в комнате, как мне кажется, самые заинтересованные люди в продолжении работы, может быть, сейчас уже более конкретно приступить к организационному вопросу о том, если это действительно продолжать и я слышу от всех желание в какой-то мере это делать, то сразу мне хочется назвать приоритетные идеи. Вот, например, интересы сторон, интересы, которые стоят за позициями. Эта тема, которую мы все признавали раньше в этом проекте, очень важной. И которая никак не поднимается на политическом уровне на переговорах. Мы узнаем от наших друзей в ООН, что ни разу не было у них обсуждения интересов, и что они ждали от нас и еще ждут от нас какого-то более глубокого анализа этой темы. Тут я слышала от некоторых, что присоединение третьей стороны к нашему диалогу вызывает трудности, но думаю, что все равно это было ус-

пешно, несмотря на то, что кажется, что произошел регресс в диалоге. Может быть, добавить еще сторону США было бы рискованно, но все равно я это предлагаю. Если это интересно, я предлагаю все-таки рассмотреть такую возможность. Мне тоже понравилась идея рассмотреть проблему Чечни. Эта тема, затрагивающая всех присутствующих, важна для всех сторон, включая частично американскую сторону. Соглашение о соглашении, не знаю, можно ли туда же включить, но, скорее всего, это другая тема.

Паата Закареишвили – Вторую встречу можно, наверное, посвятить этому.

Пола Гарб – Все-таки интересы, наверное, раньше надо было бы обсудить. Или параллельно что-то делать. И тоже вопрос национализма – это как красная нить везде, коллективные и индивидуальные права. Я сейчас призываю нас из этих нескольких идей сузить наш разговор и более конкретно говорить о будущей встрече, если это не преждевременно.

Батал Кобахия – У меня такая тема – индивидуальная ответственность за действия властей в государствах, в которых мы проживаем. Какое бы ни было государство – признанное и непризнанное, демократическое или нет – как мы используем имеющиеся права для того, чтобы наши ценности имели какую-нибудь жизнестойкость. Потому что мне показалось, что есть такая дилемма – «я не государство, я не отношу себя к государству». Но, тем не менее, мы имеем паспорт, гражданство и соответственно с законом какие-то свои действия совершаем.

Давид Бакрадзе – У меня были комментарии насчет этой встречи. Мне будет трудно на ходу переключиться на следующие встречи. Первое – насчет этой встречи. Это формат. Я впервые участвую в данном формате, но я часто бывал в другом формате. Это – Шляйнинский процесс. Там у нас были двусторонние встречи. И каждый раз мы апеллировали к российской стороне, всегда приходили к позиции российской стороны. Так, что я считаю, что это очень логично

и очень своевременно подключить российскую сторону непосредственно как участника нашего диалога, потому что, в конце-то концов, большинство наших аргументов как раз сходилось к позиции российской стороны. Мы анализировали эту позицию при отсутствии российской стороны, так что я могу только приветствовать то, что российская сторона на этот раз подключилась к этому диалогу. Относительно содержания нашего диалога. Я уже сказал, что в этом конкретном формате я первый раз. Но мне часто приходилось с абхазскими друзьями встречаться в другом формате. И я тоже был немножко вчера удивлен той повышенной степенью чувствительности и раздражительности, которая на этой встрече чувствовалась. Но я считаю, что это не относится к персоналиям и никак не относится к участию российской стороны, скорее всего, это просто защитная реакция людей перед лицом наступающих перемен. А то, что эти перемены наступают, по-моему, все понимают. И в грузинском обществе, и в абхазском обществе очень много вещей начало меняться. И то, что статус-кво, которое длилось в течение 12 лет, долго уже не продолжится, по-моему, всем ясно. А как пойдут процессы, куда мы пойдём? Вот это неясно, это и вызывает раздражительность и чувствительность людей. Это, кстати, касается не только абхазских участников, но и грузинских участников в равной мере. И поэтому я считаю, что та повышенная нервозность, которая для меня была некоторым сюрпризом, объясняется тем, что это защитная реакция на фоне тех перемен, которые все мы, может быть, интуитивно чувствуем. Что-то происходит в наших обществах, что-то начало двигаться, чего раньше не было.

Манана Гургулия – Первое – по поводу собственно формата. Прежде всего, я благодарна всем тем, кто организовал подобную встречу. Она была, действительно, очень интересной, очень насыщенной, в ней были какие-то эмоциональные подъемы. В то же время присутствовал достаточно рациональный подход. Почему трехсторонняя встреча? Все мы знаем, что Россия – официальный посредник и далеко не нейтральный в официальном переговорном процессе. Но в то же время журналисты и политики очень хорошо поддерживают мифы о России либо как о ближайшем друге той или иной стороны, либо как

о злейшем враге. Вот подобного рода встречи, встречи на неформальном уровне, на котором поднимаются достаточно острые проблемы грузино-абхазского конфликта и грузино-абхазского урегулирования – вот здесь, кстати, развенчиваются эти мифы. И Россия видна во всем ее многообразии, во всех спектрах мнений. И это очень важно и очень интересно для нас. Тут как-то очень много говорили об одной персоне, о Рогозине, я еще раз вернусь к нему, когда я сказала, давайте оставим его в покое, я имела в виду, что кроме него есть люди, о позиции которых можно и нужно говорить, и мы говорили о них. А если вы хотите разобраться с Рогозиным, ради бога, это ваше право. Называйте его как хотите и какие угодно ярлыки или эпитеты навешивайте на него и разбирайтесь с ним. Но есть одна вещь, может быть, эмоциональная, о которой я не сказать не могу. Все-таки, почему восприняли эту личность в Абхазии? Это один из немногих людей, которые выступали против экономической блокады, не просто санкций. А что такое блокада? Не приведи господь увидеть тем, кто этого не видел. Санкции не сравнить с настоящей экономической блокадой, которая у нас была с декабря 1994 года. Мы не имели возможности никуда уезжать, не принимают ни твоего паспорта, ни тебя за человека не считают – все это мы пережили. По крайней мере, ту боль, ту проблему, которая была у населения Абхазии и не только у абхазов, он озвучил. И за это какая-то часть абхазов ему благодарна, не оценивая его однозначно. Никто из нас с радостью его националистические выпады не воспринимает и не поддерживает. И идеи национал-социализма, национал-шовинизма нам также чужды, кто бы их не произносил – Рогозин или Бгажба, Ахуба. Для меня это достаточно болезненно. Это что касается Рогозина.

Очень важен тот прямой диалог, который на неофициальном уровне, на уровне гражданского общества происходит между нами. Я это очень ценю и мне это очень важно. Мы прослушали очень много интересных докладов. Кстати, к каким-то из них очень эмоционально отнеслись. Вот, к примеру, доклад Марины Павловны для меня был очень интересен, потому что та проблема взаимодействия между гражданским обществом и властями, нам очень интересна, потому что, может быть, нам в какой-то степени грозит то, что уже происходит в России. Я не хочу сказать, что у нас равнозначные ве-

личины, но абхазские власти, очень внимательно смотрят на российские и на их отношения с гражданским обществом. И риторику вашего президента они повторяют, но они повторяют и его конкретные действия. Между прочим, не только по отношению к гражданскому обществу и сектору НПО, а в том числе к такому важному институту, как СМИ. Поэтому услышать ваши доклады, ваши взгляды было очень интересно. Теперь что касается нашего эмоционального порыва в связи с какими-то неприятными нашему уху вещами. Вот сейчас Давид их оценил как защитную реакцию в связи с изменившимися условиями. Я с этим категорически не соглашусь, потому что я не услышала ничего принципиально нового. Я никогда нигде не говорила, я и многие мои коллеги, и мы не столь наивны, чтобы верить, что Россия в обязательном порядке де-юре признает независимость Абхазии. То, что она де-факто ее признает и иногда активно это демонстрирует, а иногда наоборот пытается закрыть на это глаза – мы это знаем.

Давид Бакрадзе – Манана, новое не в России, а новое в наших обществах.

Манана Гургулия – Давид, я не увидела для себя ничего принципиально нового. А эмоциональность была связана с тем, что есть аргументы, которые уже были проговорены, и было просто неожиданным, что опять поднимаются старые вопросы. Вот я приводила пример. Если мне сейчас будут говорить о том, что в 1978 году нам подарили университет, как недавно я услышала на одной встрече. Грузины в 1978 году подарили абхазам университет и телерадиокомпанию. И я на это не отреагировала. Отреагировал мой коллега из Грузии, который сказал: «Ты посмотри, что тебе говорят?». Я ответила, что это несерьезно, и что это мы уже прошли, просто такой выпад не стоит того, чтобы на него реагировать. И вот тут поднималось еще несколько очень интересных вещей. Одна из них по поводу того, как мы реагируем на те или иные конфликты. Когда касается нас, то нам нужна независимость, а если касается кого-то другого, то мы считаем возможным другой вариант. Я не исхожу из этого. Что касается российско-чеченского конфликта, я считаю, что он должен быть от-

регулирован так, как это считают стороны в конфликте. А в частности, мои симпатии, естественно, на стороне чеченского народа, но я не могу им ничего жестко порекомендовать. Я могу сказать, как я вижу. А принимать решение, все-таки будут они, как и в нашем случае. И, действительно, часто так получается, что свое болит сильнее. И ты реагируешь на это болезненнее, чем в другом случае. Вот приводили пример с Северной Ирландией, когда наши же участники говорили: «Ну, как такая благословенная Европа, такой высокий уровень жизни, они вполне могут договориться друг с другом, а они триста лет конфликтуют». Но не увидели, наверное, ужасный интерфейс, кто-то не заметил или не обратил внимания, что окна забетонированы. Вот в Абхазии забетонированные окна – это ужас, а в Северной Ирландии, может быть, не обратили на это внимания. Но жизнь такова.

И последний момент. Тут приводилось очень много идей, по которым мы могли бы действительно сотрудничать, называлось много тем, которые могли бы обсуждать, исследовать аналитические проблемы, о которых говорил Саша. Они, действительно, интересны. И целый ряд вопросов в области прав человека. Давайте, сейчас не будем спорить о том, есть коллективные права или нет. По крайней мере, есть проблема, которую можно обсудить и те механизмы защиты прав человека, которые существуют в Грузии, в Абхазии, в России, перенимать опыт и учиться друг у друга – это я думаю очень важно.

Ирина Агрба – Вообще сказано очень многое из того, что я хотела сказать. Поскольку я вчера очень резко отреагировала на резкость, а сегодня как бы давая оценку или свои впечатления по поводу того, что было вчера и сегодня, хочу сказать, что вчера, как Арда сказала, заготовки, которые были употреблены могли спровоцировать войну аргументов. Раздражительность была очень высокой. Но мне кажется, что сегодня произошло нечто другое. Участие Тренина, которого я, кстати, первый раз вижу, кажется, сбалансировало то, что вчера было не сбалансировано. Это одно. Сегодня, послушав выступления Гефтера и Фурмана, мне показалось, что на самом деле в этом проекте есть какая-то грамотная заданность. Вот сейчас в заключитель-

ной части вы говорили очень логичные вещи. И мне показалось, что на самом деле очень важно, когда в диалоге видишь, как люди меняются. Еще Паата сказал одну очень интересную вещь. Он, видимо, тоже хотел, чтобы вчера разговор пошел немножко в другом направлении. Он говорил о том, что нам нужно говорить о ценностях гражданского общества, которые есть в России, в Грузии, в Абхазии и т.д. И, может быть, на самом деле о таком сотрудничестве или как бы узнавании друг друга нужно позаботиться и направить одно мероприятие в таком направлении. Еще вот такая тема, которая вчера – это соглашение о соглашении. В общем, мне кажется, что и в переговорном процессе сейчас обыгрывается проблематика договоренности по не возобновлению боевых действий. В этой связи, конечно, соглашение о соглашении могло бы стать темой для отдельной встречи. Еще другая тема, которую предложила Пола – тема Чечни. Мне кажется, что это тоже было бы очень интересно. Еще хочу отметить очень выдержанный доклад Ивлиана с применением такого изысканного дипломатического приема. Вы понимаете, что конфликт на самом деле очень сложный и говорить так выдержанно было очень сложно. Хочу сказать большое спасибо организаторам. И у меня одно пожелание – вот такой несбалансированности, которая была вчера, чтобы больше не было. Сегодня все сбалансировал доклад Тренина. Мне кажется, что если бы вчера была бы соблюдена такая сбалансированность, у нас не было бы вот такого раздражения от встречи.

Гиви Габния – Первое. Сама информация, которую получаешь при таких встречах, полезна. Видишь какие позиции у разных сторон. Даже у одной российской стороны были разные позиции по поводу разрешения этого конфликта. Есть одна проблема. Все-таки по политической ситуации в Абхазии, я думаю, что информации не было. Мы, наверное, ее все-таки не донесли. И я думаю, что это плохо и для грузинской стороны, и для российской. Эту информацию нам нужно было сказать и вчера и, может быть, позавчера.

Интересное высказывание по поводу социально-экономических аспектов. Неплохо было бы в этом направлении строить в дальнейшем встречи. Товарищи из Грузии говорят, что появились какие-то новые веяния в политике Грузии по отношению к Абхазии, но поче-

му-то этого не ощущается. Кардинального изменения мы не видим, по базовому подходу. Если бы это было, то я думаю, что Грузия сегодня первая бы выступила за то, чтобы те санкции, которые приняты против Абхазии, были отменены. Они бы первыми выступили. Если население в социально-экономическом развитии получает больше возможностей, то, может быть, и по отношению к конфликту у них будет другое отношение. Хотелось бы, чтобы и в будущем проходили такие встречи. Если бы такие встречи, хотя это нереально, проводили все жители Абхазии со всеми жителями Грузии, то приходили бы к чему-то интересному, и конфликт был бы разрешен.

Юлия Хареишвили – В этом формате или в другом формате все равно диалог будет продолжаться, потому что нашим обществам это надо. И, может быть, психологи надо мной посмеются, нужны какие-то техники, которые мы на тренингах применяем. Скажем, когда нарастает напряжение, делать с группой рефлексию. Может быть, вчера вечером это могло бы помочь, если бы люди поговорили в кругу доверия. Вот, когда мы с молодежью работаем, то в критической ситуации это играет очень хорошо.

Об информации хочу продолжить мысль Гиви. Действительно, получается, что мы очень мало знаем об изменении ситуации в Абхазии. Вот я из «Апсныпресс» получаю очень много информации, но это, конечно, очень нейтральная информация. Очень много вещей, которые важны по-человечески и могут изменить наше отношение к каким-то инициативам оттуда и к каким-то инициативам из России, вот эта информация пролетает совершенно мимо. Может быть, мы можем подумать о механизме. Об этом говорить за один-два дня очень трудно. Это могло бы быть частью соглашения о соглашении. Это обмен позитивной информацией тоже, потому что без позитивной информации ничего не изменишь. Вот все время, как только произойдет какая-то гадость, все про это говорят, и все это знают. Хорошее что-то произошло, никто не знает. Все знают про неудачу с бакурианским лагерем. Ладно, ребята. АЕД делало восемь успешных лагерей. Насколько эта информация распространена в обществе? Не распространена, но бакурианский лагерь обсуждается очень тяжело. Давайте, позитивные примеры тоже обсуждать. То,

что говорил господин советник фонда Белля, мне кажется очень важным. Это как те приоритеты, которые могут быть совместными, независимо от нашего конфликта. Эти проблемы существуют во всех обществах, существуют в России, в Абхазии, в любом другом месте. И обмен опытом по этим проблемам – неправильная юрисдикция, защита прав осужденных, гуманитарные проблемы и другие, был бы полезен. Но вот эти программы остаются проблемой и они тоже совершенно одинаковы и тут очень много того, что можно было бы на конкретном уровне решать. Скажем, о том, же Гальском районе. У всех людей, сидящих в этом зале, по крайней мере, есть конкретный интерес помогать конкретным людям. И вот эти конкретные интересы тоже могут стать объединяющими вещами.

Вальтер Кауфманн – Я бы тоже хотел поделиться некоторыми моими соображениями. Я тоже думаю, что встреча была полезной, потому что она принесла и информацию, довольно полезную информацию о том, что происходит в России. Это была одна из целей – понять позицию или получить ясную оценку того, что происходит в грузино-абхазском конфликте, в первую очередь и получить представление о том, что происходит в российской политике в целом и во внешней политике. И поэтому мне кажется, что те выступления, которые были вчера и сегодня дали в этом смысле полезную информацию. Не оценивая ее с точки зрения – приятная она была или неприятная. Я думаю, что был впущен в этот двухсторонний диалог некоторый новый воздух, некоторый свежий воздух. И это в любом случае стоит этого процесса, так что иногда надо пускать третьего, а может быть и четвертого и пятого. При этом подключении происходит некоторая демистификация, потому что когда долго говоришь вдвоем о ком-то третьем, то возникают мифы. И это, например, история о том, как ведут себя русские, не говоря при этом с самими русскими. Конечно, тут большая сложность – а кто такие русские или кто такая российская сторона? И мне немножко неловко из-за того, что высказала Ира насчет несбалансированности вчерашнего дня. Вы знаете, мы не подходили к людям, которых мы пригласили и не спросили заранее: «А как вы относитесь к Абхазии, к Грузии? Какая у вас позиция?». Мы этим не интересовались. Мы не знали,

понравятся они вам или нет. Мы не знали, и я не знал заранее. Мы подходили с точки зрения, кто может быть информативным и в какой области. И я думаю, что оценка должна быть именно такая – была ли эта информация полезной или нет.

Ирина Агрба – Есть аналитики, которые знают проблему еще глубже.

Вальтер Кауфманн – Вот эту критику я принимаю. У нас были разные попытки пригласить, например, экспертов по экономическим вопросам. Но они в последний момент отказались. Другие попытки были связаны с тем, что действительно очень мало экспертов в России. И, во-вторых, в этой политологической среде существует некоторая конъюнктура. Это очень конъюнктурный бизнес и существуют люди, которые говорят то, за что им платят. Это довольно продажный бизнес. Мы давно знаем Тренина, и знаем, что он не относится к такому типу людей. И это нам очень важно. И еще я вам должен сказать, что фонд Белля не случайно выбирает правозащитников и как информантов. Это принципиальная сторона, на которой мы стоим в любой стране, где мы работаем. Это наш основной подход, это либеральные деятели в области прав человека и наши близкие партнеры. Это – не государственные чиновники и не пригосударственные структуры и институты, а всегда наши основные партнеры и в Абхазии, и в Грузии, это неправительственные люди, которые, как правило, не эксперты в большой политике. И через них мы стараемся выйти на экспертов в большой политике. У нас такой обусловленный подход. И я, например, очень благодарен, что наша старая подруга Марина передала очень полезную информацию о том, что происходит в России.

По поводу того, что сказала Пола, я думаю, что надо этот диалог открывать и другим сторонам тоже. Я очень приветствую такое предложение. Если могли бы, например, пригласить американцев, которые могут передать представление о том, что думают ответственные люди в американской администрации, было бы интересно. Например, с представителями посольства в Тбилиси можно обсуждать какие-то геополитические проблемы, но мне кажется, что больше стоит обсуждать ценностные вопросы, которые очень важны, и ко-

торые меня намного больше волнуют, чем вопрос независимости или федерации. Я очень поддерживаю встречи, сконцентрированные на ценностных дебатах.

И последнее. Участие фонда Белля. Я заинтересован в том, чтобы заниматься конкретно теми областями, над которыми действительно можно работать очень конкретно. Это одна из наших целей. Мы предлагаем помогать находить каких-то интересных людей или экспертов, которые занимаются каким-то конкретным вопросом. Я всегда думаю, что независимо от таких диалогов, хотелось бы, чтобы люди не только общались, но и вырабатывали какие-то предложения в адрес политиков – как заниматься конкретными вопросами. Наш фонд и я думаю, что наши офисы, я сейчас говорю и о наших московских коллегах, с большим интересом и в дальнейшем будем участвовать в этом процессе. Мы должны четко договориться, где у кого какие ресурсы. Наши финансовые ресурсы, к сожалению, довольно ограничены. У нас есть вот эти офисы. Например, есть офис в Стамбуле. Есть довольно хорошая контактная сеть в сфере правозащитников. И вот мы предлагаем и с удовольствием участвуем, конечно, по согласованию с вами. Мы не претендуем на какую-то самостоятельную роль. Вам всем большое спасибо за эти очень интенсивные дни. Для меня они были очень поучительными, очень интересными и в политическом и в человеческом плане.

Сейчас я хочу передать слово Баталу.

Батал Кобахия – Вот сейчас открыл Интернет и прочел сообщение из Ингушетии, где сегодня погибло 8 человек, предполагают, что сегодня ночью будут еще более кровавые бои и массовый исход беженцев-чеченцев из Ингушетии, потому что они опасаются агрессии со стороны ингушей, которые считают их виноватыми. Но, тем не менее, даже в этой ситуации, даже в ситуации, когда нам казалось, что мы друг друга не понимаем, и может быть, это капля в море, но я очень рад, что вышла книга. Это тоже была попытка миротворческого проекта – издание книги писателей Южного Кавказа о войне. Мы два года планировали это, прогнозы были очень мрачные, говорили, что невозможно найти в регионах Южного Кавказа шестерых людей, которые могли бы написать о войне, не оскорбляя

противоположную сторону. Когда мы с Гурамом Одишария совершили вояж по всем эти регионам, было собрано очень много рассказов, но по нашим критериям мы отобрали из них всего 18, которые мы предлагаем в нашем сборнике. Я хотел поблагодарить всех тех, кто принимал участие в этом. Это Гурам Одишария и Даур Начкебия – литературные редакторы этого сборника. Мы с Гурамом как бы авторы проекта. И один из редакторов тоже присутствует здесь – Рэйчел Клогг. Она два года с нами работала над концепцией книги, потому что нам важно было, чтобы боль, которая здесь есть, была понятна всем. Мы очень хотим, чтобы книга была доступна не эксклюзивному кругу гражданского общества. А очень хотим, чтобы она продавалась по минимальной цене, чтобы обычный покупатель мог прочесть. И еще я хочу сказать, что это инициатива Кавказского Форума неправительственных организаций. Эта книга была написана при поддержке наших координаторов в Баку, Карабахе. Огромный круг людей. Я благодарю Манану, одного из координаторов Кавказского форума, которая мне очень помогла с книгой. Я благодарю фонд Белля, который на последнем этапе, когда нам уже нужны были средства на публикацию, спокойно, даже не дискутируя, сказал, что он выделит нам деньги. Спасибо всем.

